

АЛЕКСАНДРЪ

ISSN 2542-0135

литературно-историческият журнал № 8 (35)
август, 2019

Съдържание на журнала
18+
старше
18 лет
Съдържание на журнала

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Вашему вниманию представлен августовский номер литературно-исторического журнала «Александръ». В нём мы поставили перед собой задачу осветить одну из значимых страниц истории нашей страны – освоение целинных и залежных земель.

65 лет прошло с начала реализации этого грандиозного социально значимого проекта, итоги которого вызывали, вызывают и будут вызывать споры политиков, экономистов и простых обывателей. При этом многие умалчивают о том, что помимо экономики современного Казахстана был дан толчок развитию российской Сибири, Урала и Поволжья.

Ни у кого не вызывает сомнений самоотверженность и мужество первых целинников. На страницах нашего издания мы принципиально не будем касаться политики, а расскажем о сильных духом людях, шагнувших в неизвестное и, совершая подвиги, преобразивших безлюдную степь.

Уверен, что именно эти люди, не пасующие перед житейскими неудобствами и природой, способны послужить примером подрастающему поколению, донести до читателей атмосферу веры в добро, желание созидать и жить, принося пользу родной земле.

Анатолий ТРУБА,
директор – главный редактор

ПОКЛОН ОСОБОМУ ПОКОЛЕНИЮ

*Маменькин сынок на целину не ездок.
Из поговорок 50-х годов*

Обидно: кому-то понадобилось вычеркнуть из публичной истории поразительное – подвиг тех десятков тысяч, кто добровольно отправился из европейской части страны за тридевять земель, в Казахстан, Сибирь и на Алтай. Они доверились призыву правившей тогда партии и главному шефу освоения целины – комсомолу; он комплектовал эшелоны энтузиастов.

Надо было снабдить послевоенную страну хлебом. Для этого требовалось создать 424 (!) совхоза, вспахать и засеять 42 000 000(!) гектаров. Начиналось с палаток в первую зиму, в изнурительные морозы, с бездорожьем и всякими иными неминуемыми для первопроходцев невзгодами.

Истинно герои! Они хотели быть полезными народу. О некоторых из них прочитаете в следующих далее очерках.

Что в итоге? Страна в 1954–1960-е годы получила почти 600 000 000 тонн зерна.

Я свидетель того необычного даже для мировой цивилизации деяния. Попросился сюда, будучи москвичом, чтобы создать газету «Молодой целинник». И это тоже происходило вполне по-целинному: работали над ней только добровольцы с помощью командированных коллег из «Комсомольской правды» и «Московского комсомольца».

Всего рассмотрелся... Даже стилия верховной партвласти: призывать к героизму, не успев, к примеру, обеспечить дорогами для вывоза зерна, – сколько же гибло его под дождями! Постешая, не разработали агрономию с учётом климатических условий – начались губительные суховеи. Можно продолжить.

Валентин ОСИПОВ,
кавалер медали «За освоение целинных и залежных земель»,
писатель, лауреат Большой литературной премии России

Данный журнал издан при финансовой поддержке администрации Тамбовской области за счёт средств гранта в форме субсидии, предоставленного социально ориентированной некоммерческой организации.

Литературно-исторический журнал «Александръ» включён в список изданий, выходящих при содействии Союза писателей России.

Главный редактор – Анатолий Сергеевич ТРУБА,

член Союза писателей России, доктор экономических наук, профессор.

Шеф-редактор – **А. Н. СЁМИН** (Екатеринбург), член Союза писателей России, академик РАН, заслуженный деятель науки РФ.

Редколлегия:

Н. Ф. ИВАНОВ (Москва), председатель правления Союза писателей России;

Е. В. БАРАБАНЩИКОВ (п. Первомайский), IT-дизайнер, оформитель, поэт;

В. В. БЕРЕЗОВСКИЙ (Москва), директор Центра «Святые Лавры Руси Православной»;

Т. Н. ВОРОНИНА (Екатеринбург), народная артистка России, артистка Свердловской государственной филармонии, создатель и руководитель «Театра Слова»;

В. И. ГАЗЕТОВ (Москва), член Союза журналистов России, декан факультета рекламы и связей с общественностью Института экономики и культуры, кандидат исторических наук, профессор, почётный работник высшего профессионального образования РФ;

В. Т. ДОРОЖКИНА (Тамбов), член Союза писателей России, почётный гражданин города Тамбова, заслуженный работник культуры РФ;

В. А. КАЗМИН (Луганск), председатель Луганской писательской организации им. В. И. Даля Союза писателей России;

Л. В. КОЛПАКОВ (Москва), секретарь Союза журналистов России, первый заместитель главного редактора «Литературной газеты», шеф-редактор отдела «Искусство»;

В. Г. КОРЗУН (Москва), лётчик-космонавт, Герой России, генерал-майор;

С. И. КОТЬКАЛО (Москва), сопредседатель Союза писателей России, главный редактор интернет-обозрения «Русское Воскресение», журнала «Новая книга России»;

И. М. КУЛИКОВ (Москва), доктор экономических наук, академик РАН, директор ВСТИСП;

Р. С. ЛЕОНОВ (Мичуринск), член Союза журналистов России, председатель информационно-издательского отдела Мичуринской епархии;

Ю. М. ПОЛЯКОВ (Москва), председатель редакционного совета «Литературной газеты», писатель, публицист, общественный деятель;

Г. Н. ПОПОВА (Мичуринск), член гильдии театральные менеджеров России, директор Мичуринского драматического театра, заслуженный работник культуры РФ;

В. Е. СОЛОВЬЁВ (Тамбов), председатель ТО Союза художников России;

В. И. ЧИСТЯКОВ (Тамбов), член Союза журналистов России.

Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Авторы присылаемых материалов обязаны сообщить редакции: домашний адрес с почтовым индексом; день, месяц, год своего рождения; паспортные данные (серия, номер, кем и когда выдан).

Редакция убедительно просит авторов присылать электронную версию своих произведений с обязательной распечаткой текста. Рукописи без распечатки не принимаются. Параметры набора: 14-й кегль через 1,5 интервала, отчётливо читаемый.

ЖУРНАЛ «Александръ» № 8 (35), август 2019 г.

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-66728 от 8 августа 2016 г.

Учредитель и издатель, директор, главный редактор – А. С. Труба.

Дизайн, вёрстка – Елена Ермохина (Путятина).

Дата выхода – 01.08.2019

Тираж 1000 экз.

Распространяется бесплатно. Безгонорарное издание.

Адрес редакции, адрес издателя: 393700, Тамбовская обл., п. Первомайский, ул. 35 лет ГДР, 2.

Телефон: 8-915-879-14-14 – директор, главный редактор.

Электронная почта: truby.anatoly@yandex.ru

Адрес сайта: www.alexlib.ru

Информация предназначена для лиц старше 16 лет.

Бумага мелованная. Гарнитура PF Agora Slab Pro.

Формат 60x90 1/8. Усл. печ. л. 12.

Изготовлено в полном соответствии с предоставленным макетом в

АО «Издательский дом «Мичуринск»,

393760, Тамбовская обл., г. Мичуринск,

ул. Советская, 305. Тел.: 8 (47545) 5-21-15.

E-mail: izdomich@inbox.ru

ISSN 2542-0135

В НОМЕРЕ:

ТЕМА НОМЕРА

6 Степи оренбургские

ИСТОРИЯ

7 Сергей Иваненков, Игорь Сазонов.
Все на уборку урожая!

ГЕРОИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

12 Анатолий Труба.
Маресьев на комбайне

ПОЭТИЧЕСКИЙ БЛОКНОТ

18 Борис Ефремов.
Знойное лето

БИОГРАФИЯ

24 Владимир Седанов.
Последний тракторист
целинного отряда

ВОСПОМИНАНИЯ

26 Татьяна Леонова.
Личный опыт

СТРАНА СОВЕТОВ

30 Юрий Чернов.
Целинные были и миражи

С РУЧКОЙ И БЛОКНОТОМ

46 Луиза Свитич.
Журналисты на целине

ОСОБОЕ МНЕНИЕ

53 Василий Попков.
Целинники

СОВРЕМЕННОКИ

64 Анатолий Завражнов:
Листая страницы биографии

СТИХОТВОРНОЙ СТРОКОЙ

68 Виктор Поляков.
Планета Целина

69 Адольф Дихтярь.
Рагузовская сопка

ПРАЗДНИЧНАЯ ДАТА

73 Владимир Казмин.
Над степью луганской
сияют копры

СВЯТЫЕ МЕСТА

78 Владимир Газетов, Максим Ветров.
Святые источники
земли тамбовской

ЖИТЕЙСКОЕ

Александр Ралот.

84 Усы и другие приключения

87 Диалог в тиши ночи

РОДОМ ИЗ ДЕТСТВА

Марина Шеремета.

89 Буераки, реки, раки...

90 Мудрая бабушка

91 Первый блин комом,
или Торт для собачки?

ДОБРЫЕ ВСТРЕЧИ

92 Александр Сергеев.
Шолоховские дни

ШАГИ «АЛЕКСАНДРА»

94 Совет атаманов Центрального
казацкого войска

Песня из х/ф «Иван Бровкин на целине»
(1958–1959). Реж. Иван Лукинский,
текст песни: В. Бунчиков и В. Нечаев

Степи оренбургские

Ой, зарницы-озорницы
Разыгрались вдали,
И шумит в степи пшеница,
Там, где были ковыли.
Прилетайте, соловушки курские,
И для вас у нас хватит зерна,
Степи, степи оренбургские,
Неоглядная целина,
Степи, степи оренбургские,
Неоглядная целина.

Назначай свиданье, Ваня,
При сиянье ясных звёзд,
Жаль, что бегать на свиданье
Нужно сорок восемь вёрст.
Только всё же тропиночка узкая
В море хлеба легла, не видна,
Степи, степи оренбургские,
Неоглядная целина,
Степи, степи оренбургские,
Неоглядная целина.

Не видал никто вовеки,
Чтоб в степи, где пыль одна,
Потекли повсюду реки,
Реки, полные зерна.
Стала близкой нам дальняя русская
Неизведанная сторона,
Степи, степи оренбургские,
Неоглядная целина,
Степи, степи оренбургские,
Неоглядная целина.

ВСЕ НА УБОРКУ УРОЖАЯ!

ИЗ ИСТОРИИ ДВИЖЕНИЯ СТУДЕНЧЕСКИХ ОТРЯДОВ

В середине 1950-х годов перед страной стояли задачи дальнейшего развития сельского хозяйства, требовавшие в короткий срок поднять целинные и залежные земли. Именно в Казахстане появились, прошли жизненную проверку и получили широкое распространение способы организации труда, быта, идейно-политической, культурно-массовой работы, шефства над местным населением студенческой молодёжи в период летних каникул, которые впоследствии стали неотъемлемой частью учебной, воспитательной работы в вузе и немаловажным фактором в экономике страны. Складываясь вначале как общественные новации, основные принципы организации и

деятельности студенческих отрядов с развитием движения получали закрепление в локальных актах, принимаемых комсомольскими органами. Рост числа отрядов, необходимость организационного их объединения обусловили принятие в 1962 году первого Устава студенческих строительных отрядов. Добровольность формирования и самоуправления в отрядах, сочетание хозяйственной деятельности с идейно-политической работой среди местного населения, строгая сознательная дисциплина и ответственность без скидок на молодость – таковы основы отрядной уставной жизни. Формировалась определённая культура участия студентов в строительных работах в своих вузах

и техникумах. Студенты работали в составе бригад, которые возглавляли сами студенты и производственные мастера.

На рубеже 1950-х – начала 1960-х годов начинается новый этап в развитии форм участия студенческой и учащейся молодёжи в общественно-производительном труде – создание студенческих строительных отрядов (ССО), которые качественно отличаются от предыдущих форм организации работы молодёжи во время каникул.

Движение студенческих строительных отрядов – это не идея какого-то конкретного вуза или отдельной комсомольской организации, это опыт организации труда студентов многих учебных заведений страны. В популярной и научной литературе широко бытует мнение, что инициаторами этого почина выступили студенты физического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Анализ имеющихся источников показывает, что одновременно с ними, в частности летом 1959 года, около 10 тыс. ленинградских студентов по решению обкома партии трудились на строительных объектах, 17 студенческих отрядов Литвы освоили в республике 3 млн рублей, а студенты Горьковского и Ростовского инженерно-строительных институтов, проведя весь цикл профессиональ-

ной подготовки, ударно работали на возведении производственных и культурно-бытовых объектов в Казахстане. Тогда же на целинные стройки выезжали студенческие отряды многих вузов и техникумов Москвы, Украины, Воронежа, Новосибирска, Куйбышева, Саратова, Казани и Свердловска. В январе 1960 года газета «Комсомольская правда» опубликовала письмо-обращение секретарей комитетов комсомола четырёх вузов, в том числе МГУ и строительного техникума Москвы, с рассказом об опыте формирования ССО. Они призвали студентов страны создавать строительные отряды для работы на целине. Таким образом, говорить о приоритете в патриотическом начинании какого-либо вуза трудно и неправомерно. Хотя сам по себе опыт деятельности комсомольской

организации Московского университета, конечно, представляет интерес.

Идея создания строительного отряда в МГУ родилась среди студентов физического факультета во время уборки целинного урожая летом 1958 года в совхозе «Булаевский» Северо-Казахстанской области, когда им по просьбе администрации пришлось участвовать в возведении и ремонте производственных помещений. Инициатива студентов по созданию ССО была поддержана руководством совхоза и Булаевского райкома партии, которые обратились в ректорат и партком университета с просьбой о направлении в Казахстан строительного отряда летом 1959 года. Рассмотрев предложение студентов и просьбу целинников, комсомольская конференция физфака приняла решение о формировании и направлении в Казахстан строительного отряда.

Студенческие строительные отряды, сформированные в 1959 году из комсомольцев вузов и техникумов столицы, качественно отличались от формы объединения юношей и девушек для уборочных работ. Это, прежде всего, касалось вопросов организационного строения, взаимоотношений с хозяйственными организациями, подготовки и организации производственной деятельности, идейно-воспитательной и общественно-политической работы. Будущие специалисты объединялись в единый коллектив сознательно и строго на добровольных началах.

В период учебного семестра была проведена профессиональная подготовка участников летних работ по строительным специальностям. Деятельностью отрядов, начиная с подготовки, руководили специальные штабы, которые были утверждены комитетами комсомола.

Жизнь этих коллективов была построена на основе организационной и производственной самостоятельности (студенческое самоуправление, заключение договорных

обязательств на строительные работы между совхозом и ССО и т.д.). Члены отрядов выработали и приняли устав своего коллектива, обязательный для каждого бойца. Были составлены планы идейно-воспитательной и общественно-политической работы, которые согласовывались с партийными и комсомольскими организациями целинных совхозов и колхозов.

Летом 1959 года 339 студентов физического факультета приняли активное участие в строительстве производственных и культурных объектов совхозов «Булаевский», «Ждановский», «Узункульский» Северо-Казахстанской области.

Опыт работы студентов на строительных площадках в составе ССО показал, что такая форма организации труда даёт возможность лучше использовать энтузиазм молодёжи, повысить эффективность производственной деятельности.

Призыв участников строительных отрядов 1959 года, опубликованный в «Комсомольской правде», нашёл горячий отклик у студенческой и учащейся молодёжи страны. Летом 1960 года только в Булаевском районе в ССО работали уже 520 студентов трёх факультетов МГУ. Они соорудили различные производственные и культурно-бытовые объекты. «Дирекция совхоза, партийная и комсомольская организации, рабочие и служащие совхоза очень благодарны студентам МГУ за самоотверженный труд, за их помощь совхозу и надеются, что эта дружба с

каждым годом будет крепнуть», – такую оценку дали работе молодёжи директор и секретарь парторганизации Булаевского совхоза.

В 1961 году на стройках целинного края в течение двух месяцев работали 1260 юношей и девушек из вузов Москвы и Ленинграда. Отряду МГУ по итогам трудового семестра было вручено Красное знамя Булаевского райкома партии, а комсомольской организации физфака – медаль «За освоение целинных и залежных земель».

ЦК ВЛКСМ, изучив опыт организации студенческих отрядов, в июне 1962 года принял первое в истории Союза молодёжи постановление «Об участии комсомольских организаций вузов Москвы, Ленинграда, Киева в строительстве на целинных землях». Центральный комитет одобрил инициативу комсомольцев по формированию ССО, рассмотрел существующие формы подготовки отрядов к летним работам, управления ими и рекомендовал комитетам комсомола шире привлекать студентов к участию в дальнейшем подъёме сельского хозяйства. Это способствовало росту численности отрядов, укреплению их организационных начал, нормативному закреплению принципов студенческого трудового движения. Каждый трудовой семестр занимает своё особое место в истории студенческих отрядов.

Летом 1962 года 9,5 тыс. юношей и девушек из 32 вузов ударно трудились на стройках целинного края. У студенческих отрядов появилась своя пресса – вышел первый номер многотиражной газеты «Молодой целинник» на студенческой стройке. Студенческий отряд 2-го Московского медицинского института организовал в совхозе «Амангельды» пионерский лагерь «Спутник». Тем самым была заложена традиция создания при студенческих отрядах лагеря-спутника для пионеров и школьников.

1963 год. В составе студенческих отрядов впервые появились специализированные студенческие бригады электрификаторов,

связистов, сантехников и монтажников, положившие начало специализированным отрядам студентов. Складываются и получают свое органическое развитие основные управленческие структуры и службы. С 1963 года действует инженерная служба, основными задачами которой являются профессиональная подготовка студентов к летним работам, организация

обучения их правилам техники безопасности, проведение договорной кампании, обеспечение квалифицированного руководства производственной деятельностью. В это же время сформировалась медицинская служба, призванная обеспечивать охрану здоровья не только членов отрядов, но и местного населения. В 1963 году 19 тыс. юношей и девушек из 87 учебных заведений страны трудились на стройках целинного края.

Работа ССО летом 1964 и 1965 годов ознаменовалась дальнейшим ростом количества участников третьего семестра: если в 1964 году в составе отрядов в Казахской ССР трудилось 30 тыс. юношей и девушек из 178 учебных заведений, то в 1965 году – 40 тыс. из 330 вузов и техникумов.

1964 год. По решению ЦК ВЛКСМ образуются Центральный целинный и Западно-Казахстанский штабы для руководства отрядами в рабочий период, подготовительные штабы при горкомах, обкомах комсомола для формирования и подготовки студенческих отрядов в подготовительный период. Утверждается устав целинного студенческого отряда. Указом Президиума Верховного Совета СССР 14 организаторов и активных участников первых студенческих отрядов награждены медалями «За трудовую доблесть» и «За трудовое отличие».

Летом 1965 года 339 студентов-физиков МГУ трудились на сооружении 20 объектов в совхозах Булаевского района Северо-Казахстанской области. Командиром отряда был С. Литвиенко, комиссаром – В. Письменный. Отряд за лето построил 12 жилых домов, теплицу, два птичника, крольчатник.

История возникновения, становления и развития массового молодёжного движения студенческих трудовых отрядов представляет значительный интерес не только как уже состоявшееся историческое событие, но и как определённый исторический опыт самоорганизации и организации молодёжи для решения важных задач, стоявших перед страной на каждом конкретном историческом этапе её развития. Сегодня очень важно осмыслить этот опыт, оценить его, критически отнестись к каждому событию в истории этого движения с тем, чтобы сделать определённые выводы о возможности и необходимости продолжения этой истории, пусть и в новых исторических реалиях, может быть, и не в таких масштабах.

**Сергей ИВАНЕНКОВ,
Игорь САЗОНОВ**

(Из книги С. П. Иваненкова и И. Е. Сазонова «Студенческие трудовые отряды: опыт, анализ, перспективы». – СПб., 2002.)

**Численность участников
движения студенческих отрядов
в СССР 1959–1980 годах**

Год	Количество молодёжи в отрядах, человек
1959	339
1960	520
1961	1260
1962	9560
1963	19000
1964	30000
1965	40000
1966	60000
1967	100000
1968	270000
1969	256600
1970	351800
1971	427997
1972	526016
1973	584549
1974	619674
1975	632337
1976	689497
1977	741295
1978	761410
1979	800769
1980	822057

МАРЕСЬЕВ НА КОМБАЙНЕ

Целина – историческая эпоха, бывшая примером молодецкого задора и самоотверженного труда советской молодёжи, рождавшая героев, которые не стремились к собственному обогащению, а строили жизнь в стране социального равенства и справедливости.

Именно эта эпоха и смогла родить такого человека-легенду, который, будучи безногим инвалидом, благодаря огромному мужеству и несгибаемой воле сумел вернуться в рабочий строй, полноценно работать и показать образцы высокопроизводительного труда на хлебной ниве.

Само имя Прокофий в переводе с греческого означает «преуспевающий». Так и случилось в жизни, что этот человек в любой ситуации не унывал, а, преодолевая трудности, вёл людей за собой.

А раскисать и сломаться было от чего. Прокофий родился 23 февраля 1912 года в селе Казанка Шарлыкского района Оренбургской области, в крестьянской семье. Уже через два года судьба стала испытывать нашего героя. Мальчик лишился отца, воспитывался в доме деда.

По жизни грамотный человек, Нектов окончил всего четыре класса церковно-при-

ходской школы. Как и все, с детства работал в поле, был погонщиком лошадей, помогал старшим сеять и убирать хлеб.

В 18 лет стал работать в колхозе. А через два года окончил курсы трактористов и, начав работать на прицепах тракторов, почти сразу был приглашён трактористом в новообразованный совхоз имени Молотова. Грамотного и трудолюбивого паренька заметили, и, несмотря на молодость, в 22 года Прокофий Васильевич был назначен бригадиром тракторной бригады в Белозёрской МТС. В том же году переехал в родное

село Казанка, где стал работать в колхозе «Трудовой фронт».

Женился комбайнёр перед самой войной. Вот что вспоминали односельчане:

«Механизатор Нектов в Казанке был за-видным женихом. Красив, статен, плясал – глаз не оторвать. Ещё на гармошке здорово играл, сочинял частушки, пел так, что до самого сердца доставал: "Пожалей, душа-заснобушка, мо-лодецкого плеча..."

Тальяночку себе он выменял за велоси-пед – подарок колхоза за ударную работу. Не одной девчонке вскружил голову. Но выбрал Дусю Акимову. Маленькую, хрупкую, с ангель-ским личиком. Бесприданницу, как и сам. Жить начинали молодожёны с нуля».

Новое страшное испытание готовила судь-ба Прокофий и всему советскому народу. На-чалась Великая Отечественная война. Имея бронь, как человек своего времени и верный сын народа, оставаться в стороне молодой ком-байнёр не мог. С первых дней войны стремился на фронт, но его не брали.

«Прокофий Нектов стоял перед комисса-ром и говорил вздрагивающим голосом:

"Сами посудите, как же я могу в деревне оставаться..."

Комиссар поднял на него строгие глаза:

"Поймите наконец, товарищ Нектов, хлеб – тот же фронт".

Прокофий молчал, опустив голову. Вот уже третий раз приходил он сюда, и каждый раз его возвращали обратно к трактору.

Он сказал с нескрываемой обидой:

"Дружки мои все за Родину бьются, а я на домашних хлебах отсиживаюсь".

Комиссар встал.

"Надо будет, позовём! – сказал он резко и вдруг добавил неожиданно тепло: – Хлеба дайте больше... Хлеб воинов кормит".

Прокофий медленно закрыл за собой дверь, сошёл с крыльца военкомата и заша-гал к деревне».

Но всё же в октябре 1942 года Нектов был призван в Красную армию. Провожали его все родные.

«Бей их, сынок, проклятущих, нещадно бей, – напутствовала его мать, Марья Афана-

сьевна, обливаясь слезами. – Был ты во всей округе человеком на виду и на войне не роняй своей чести».

Двухмесячную подготовку красноармеец Прокофий Нектов проходил в запасном полку в посёлке Купавна Ногинского района Москов-ской области. И уже в феврале 1943 года был направлен на беспощадный Ленинградский фронт.

«...Оказавшись на переднем крае, Нектов первым из прибывших открыл счет мести вра-гу. И не просто подстрелил обычного фрица. Он увидел офицера и пополз к нему, чтобы выстре-лить наверняка. Полз осторожно, не зная, сколь-ко времени судьба отпустила ему на то, чтобы приблизиться и произвести уверенный выстрел. Но Прокофий все привык делать обстоятельно. И выстрелил он так, что ни у кого сомнения не оставалось: промаха не было. Многие из окопа видели, как на той стороне упал фашистский офицер, как кинулись к нему солдаты. И тогда для верности Нектов дал уже очередь...

Наступление еще не началось, а на счету красноармейца Прокофия Нектова было уже двенадцать лично им убитых фашистов. Нектов не кичился ни своей храбростью, ни уменьем. Он – чуть ли не первый на селе тракторист – привык всегда быть первым, старательно нес службу. А жребий выпал ему служить в

гвардейской части, и гвардейский значок, который появился на его гимнастерке...»

Воевать молодому неопытному бойцу пришлось недолго. В апреле того же года под Старой Руссой Нектов был тяжело ранен.

Вот как сам Прокофий Васильевич вспоминал после войны этот бой:

«Потом – бой под Старой Руссой, при прорыве линии обороны на реке Ловать. Бой был очень ожесточённым и длился более трёх суток. Всё время я был в приподнятом настроении, хорошо было сознавать, что я окончательно победил в себе страх за собственную жизнь. В этом бою я был ранен. Разрывная пуля раздробила мне колено. Сгоряча, в беспамятстве я уполз далеко от того места, где вела бой наша часть. Время было холодное. Очнулся я в глубокой воронке. Все мои усилия выбраться из неё оказались безуспешными. Едва я взбирался вверх, как силы меня оставляли, и я снова летел на дно, тяжестью тела ломал тонкий ледок. Ноги оказывались в воде. Так в этой яме я отморозил свою вторую ногу».

Несколько часов боролся Прокофий Нектов с этой неожиданно постигшей его бедой. Он втыкал в стенки воронки то зажигалку, подаренную ребятами, то свой нож, упирался в них локтем, пытаясь хоть чуточку подняться вверх, и снова падал вниз, на дно воронки, теряя сознание от боли. Прошло много часов, прежде чем ему удалось выбраться наверх. Зубы его стучали, его била непрерывная дрожь, обмороженные раны горели. Впереди он слышал выстрелы. Это придавало ему силы. Чьи-то голоса раздались совсем рядом, и, слабея, теряя последние силы, Прокофий успел разглядеть красные звёздочки на солдатских шапках.

Итог – восемнадцать операций, ампутация обеих ног. Казалось бы, всё, жизнь кончилась.

Будучи в госпитале, в минуту отчаяния Прокофий написал в родную Казанку дяде: «Кому я теперь нужен?»

Совершенно случайно это письмо первой прочитала его жена Евдокия. Ни с кем не совещавшись, она сразу написала в госпиталь во Фрунзе: «Как ждала тебя с работы, так и теперь жду. У тебя голова цела, а на моих ногах я за двоих всё вынесу».

Прошло чуть более года, и в декабре 1943 года домой вместо здорового парня вернулся безногий инвалид. Вот здесь как нельзя кстати подходят слова про «надёжные тылы». С объятиями встретила Прокофия верная жена. При встрече только произнесла:

– Я купила тебе новую гармонь.

И с зимы 1944-го они жили неразлучно.

Прокофий Васильевич не принял никаких инвалидных должностей. Не желая лежать без дела, он решил вернуться в поле – стать комбайнёром. По его просьбе к дому из Белозёрской МТС был привезён списанный комбайн СЗК. Прокофий Нектов сумел самостоятельно восстановить эту машину и научился работать на ней. Стал работать комбайнёром в Белозёрской МТС, затем в колхозе имени Кирова. Приспособил костыли. Все силы собирались в руках, и он поднимался по лестнице на мостик комбайна. Здесь он прикрутил проволокой табуретку. Садился на неё и брался за штурвал.

В победном 1945 году он убрал свой первый хлеб, обработал этим комбайном 450 гектаров. Тогда газеты писали: «Прокофий Нектов из деревни Казанка Шарлыкского района Оренбургской области возглавил в стране движение "Инвалиды, в строй"». В 1949 году звено Нектова заняло первое место в районе, обмолотив хлеба с площади тысячи гектаров, за что Министерство сельского хозяйства выделило колхозу имени Кирова для Прокофия новенький комбайн «Сталинец-6». Нектов сел за штурвал новой машины.

«Когда началась массовая уборка и хлеб потек на тока, с волнением ожидали первых подсчетов.

Штурвальный Ваня Семенов уехал взвешивать пшеницу, а Нектов отказался покинуть комбайн.

"Работать надо", – сказал он резковато, хотя ему очень хотелось сесть на машину и тоже поехать к весам.

Даже самому себе не хотелось сознаться, что только большое волнение помешало ему первому узнать о результатах уборки. Через час к комбайну подъехали парторг, председатель колхоза и директор МТС. У них были сияющие лица.

"Геройский урожай, Прокофий! – кричал ещё издали председатель колхоза и махал фуражкой. – Двадцать пять центнеров на круг!"

Прокофий вытер тыльной стороной ладони пот со лба и засмеялся».

Уже в ближайшую страду он перекрыл прежние результаты в три раза: довёл выработку до 500, затем до 700 и свыше тысячи гектаров. В 1951 году им была достигнута рекордная выработка – 1640 гектаров зерновых. В том же году был награждён орденом Ленина.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 октября 1953 года за героизм в труде, проявленный комбайнёром Белозёрской МТС Нектовым Прокофием Васильевичем, добившимся в течение ряда лет высоких показателей на уборке и обмолоте зерновых культур, будучи лишённым обеих ног в связи с тяжёлым ранением при защите Родины в годы Великой Отечественной войны, ему присвоено звание Героя Социалистического Труда с вручением ордена Ленина и золотой медали «Серп и Молот».

В 1960 году на смену прицепным комбайнам в колхоз пришли самоходные, и герой двух фронтов – военного и трудового – оказался невостребованным.

А дело Прокофия Васильевича жило. У него было много учеников, он охотно встречался с молодёжью, был депутатом областного совета, работал в комитете защиты мира. Его имя стало известно всей стране. О нём написаны книги и сняты фильмы. На его героическом примере подрастающее поколение учится любить свою Родину и трудиться на благо её процветания.

До конца своих дней Прокофий Васильевич Нектов жил в селе Казанка и скончался 16 мая 1987 года.

Страна не обидела своего героя. Прокофий Нектов был награждён четырьмя орденами Ленина, орденами Трудового Красного Знамени, Отечественной войны 1-й степени, медалями.

В селе Казанка его имя носит средняя школа, в которой открыт музей, на здании школы установлена мемориальная доска. О героическом комбайнёре снято четыре документаль-

ных фильма. В 2010 году в городе Оренбурге в мемориальном комплексе «Салют, Победа!» торжественно был открыт бюст.

23 августа 2016 года в селе Казанка Шарлыкского района Оренбургской области был открыт Музейно-культурный центр трудовой славы Оренбуржья имени Героя Социалистического Труда Прокофия Нектова.

Его называли вторым Алексеем Маресьевым – лётчик-истребитель потерял обе ноги, но вернулся в строй и сбил семь самолётов фашистов. Да, есть буквальное сходство судеб героев, но главное в том, что их роднит с миллионами сынов и дочерей Отчизны советский, народный характер людей труда – строителей и защитников своей Родины, своего счастья в ней.

Анатолий ТРУБА

НЕКТОВ

Оторвало Прокофию ноги,
В сорок третьем он стал инвалид...
Вся Казанка смотрела с тревогой:
– С фронта первый вернулся мужик!

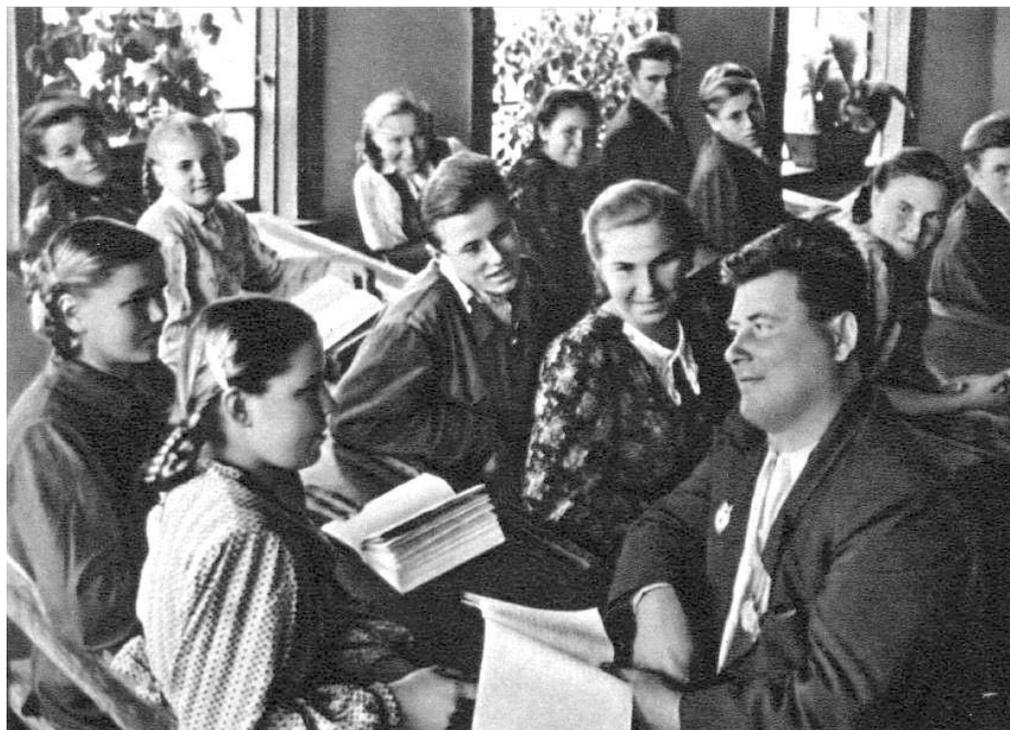
До войны гармонист, заводила,
На красавице первой женат...
Так соседки о нём говорили,
До сих пор так о нём говорят.

Стал Прокофий шарлыкский Маресьев,
Не поддался удару судьбы...
Комбайнёр в Оренбуржье известный,
Кавалер золотой он звезды.

Этот случай действительно редкий,
Трудовой он поставил рекорд...
Оренбургских полей герой Нектов,
Как алмаз, он в поступках был твёрд.

Размышляю над этой строкою,
Вот пример для попавших в беду:
Есть характер, – то каждый находит
Для судьбы золотую звезду.

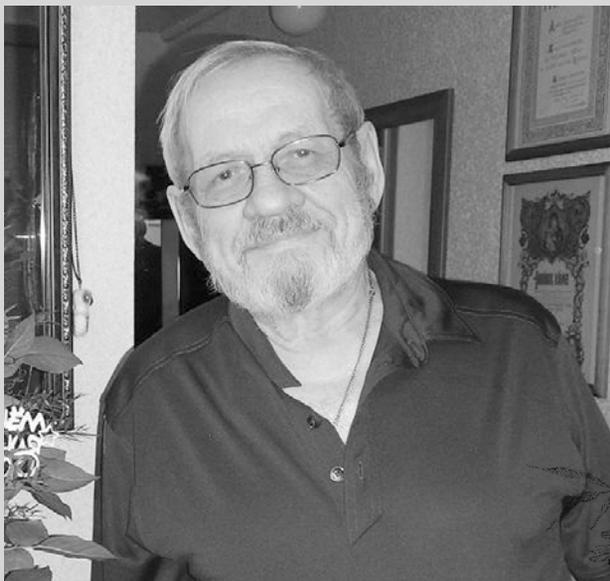
Валерий ПОНОМАРЁВ

Мемориально-культурный музейный комплекс, посвященный памяти Героя труда П. В. Нектова в селе Казанка Шарлыкского района

*А. Маресьев и П. Нектов.
Москва, 1951 г.*

Борис ЕФРЕМОВ

Член Интернационального союза писателей.
74 года. Поэт, прозаик, публицист, критик.
Пять изданных книг. Множество публикаций.

Знойное лето

НАС НИЧУТОЧКИ ГОДЫ НЕ СТАРЯТ...

Нас ничуточки годы не старят,
Мы такие же, как всегда,
Нас зовут незнакомые страны,
Незнакомые города.

Мы ночами о подвигах спорим,
Урывая минуты у сна,
И порою нам кажется морем
Голубая страна – целина.

Мы получше подыщем сравненья,
Мы на деле проверим себя.
В 5:15 дают отправление,
Паровоз тронет с места, гремя.

И у каждого мысль одна лишь:
Как ты там, голубая страна?
Ты о нас ничего не знаешь,
Ты узнаешь о нас, целина.

НЕЧТО О НЕЗНАЧИМОМ

Из биографии в стихах

И всё-таки ожил проект наш скользкий.
И вот в совхоз мы едем «Комсомольский».
Гремит по рельсам песенный вагон.
И день и ночь гитар нестройный звон.
Ожил, ожил, ожил проект наш скользкий!

Потом летели мы в грузовике.
Всё степь да степь вблизи и вдалеке.
Всё порыжевшие от солнца травы.
Озёра голубые без оправы
Деревьев. Мы летим в грузовике.

И где же, чёрт возьми, многоэтажки
Совхоза нашего? Трещат рубашки
На злом и терпком солнечном ветру.
И ночью мчимся в кузове. К утру
Должны бы нам предстать многоэтажки.

Но рано наступающий рассвет
 Степь озарил, а их всё нет и нет.
 Вот наконец какие-то домишки
 Увидел первым Вася Кокорышкин.
 Домишки. Степь бескрайняя. Рассвет.

У домика дирекции совхоза
 Оркестрик туш сыграл разноголосо,
 И сам директор, кругленький казах,
 Приветствовал нас с огоньком в глазах
 У домика дирекции совхоза.

Потом по глади обжитой земли
 К студгородку нас дружно провели –
 К огромным равнобедренным палаткам,
 Как всё вокруг, зеленовато-гладким
 На островочке обжитой земли.

Директор словно солнышко сиял,
 Он на столы под крышей указал:
 «Сегодня я вас лично угощаю.
 У вас сухой закон, я это знаю,
 Но будет плов с кумысом», – он сиял.

Столы из досок от еды ломились.
 Мы ели от души. «Скажи на милость, –
 Изрёк Рожнёв Роберто, – так пойдёт,
 Посёлок не построим и за год».
 Столы из досок от еды ломились.

А Кокорышкин (плова полон рот)
 Рожнёву возразил: «На-а-ба-рот!
 С таким не-чело-вече-ским питаньем
 Капец придёт за ме-сяц на-шим зда-ньям.
 Я га-ва-рю вам» (плова полон рот).

Я всё смотрел: а где ж многоэтажки
 Мы будем строить? На огромной чашке,
 Положенной природой кверху дном,
 Они бы тут кричали об одном –
 О важности своей, многоэтажки.

Но всё легко директор разъяснил.
 Он от столовой нас сопроводил
 Через кусты чилижника на стройку
 Пустынную. Задав головомойку
 Кому-то из своих, он разъяснил,

Что здесь, на пустыре, согласно плану,
 Ряды одноэтажек из самана
 Должны мы этим летом возвести
 И новоявленный совхоз спасти
 По сдаче в строй жилья, согласно плану.

Рожнёв, наш бригадир, задал вопрос:
 «По договору должен был совхоз
 Домов саманных сделать планировку...»
 Директор тут прервал его неловко:
 «Поехали. Сейчас решим вопрос...»

Такого делового бригадира,
 Пожалуй, не было с начала мира,
 Работой нашей он не жил – горел,
 А иногда как будто бы зверел,
 Не Роберт – лев в обличье бригадира!

Лишь утро свой казало нам язык,
 Как в наши сны врывался грозный рык:
 «Подъём, братишки! Я вам рад безмерно».
 А мы ругались: «Чёрт твой брат, наверно», –
 Лишь утро свой казало нам язык.

Едва мы проникали в рай столовки,
 Уже привычный рык железнойковки
 Гремел, как грозовой небесный свод:
 «Быстрее, братишки! Нас фундамент ждёт», –
 Едва мы проникали в рай столовки.

И вновь замесы глинистой земли
 Цепочкой бесконечной шли и шли.
 И вёдра с нескончаемым замесом.
 И каждое, наверно, с тонну весом.
 И вновь замесы глинистой земли.

А солнце жгло огнём своим безбожно.
 И молча я вопил: «Да как же можно
 Работать в пекле!» Ну а солнце жгло.
 Но вот оно-то мне и помогло,
 Хотя и жгло огнём своим безбожно!

Дней через пять я, в общем-то, сгорел.
 До этого, однако, натерел –
 Месить замесы, вёдрами таскать их,
 В фундаменты хибарок выливать их,
 В каменоломне грохать, – но сгорел.

Наш врач отрядный, Васильков Валера,
Сказал мне: «Забери тебя холера!
Да ты сгорел! А ну-ка в лазарет!»
И по дороге: «Ты у нас поэт.
Пиши отрядный марш», – сказал Валера.

(Чуть поясню: в Свердловске у него
Мы собирались; более того –
Частенько там бывал поэт Дагуров;
Он богом был у нас, у балагуров;
Мой звонкий слог чуть-чуть и от него.)

Спина и плечи будь здоров болели,
Но чуть не до утра мы с ним сидели,
Глушили чай китайский и стихи
Читали, позабыв про все грехи.
(Спина и плечи будь здоров болели.)

«Мне на работу, а тебе в кровать, –
Сказал Валера. – До упора спать.
Потом спроси у медсестры бумаги,
Для вдохновенья – чай, воды полфляги.
Пиши – в кровать, пиши – опять в кровать.»

Ну ладно, забери тебя холера!
Пойду побреюсь». – И ушёл Валера.
А я нашёл бумаги, сел за стол,
И начатый хорей меня увёл
К Морфею. Забери меня холера...

ПАЛАТКА

Отрядная песня

Где-то за долами, за полями
Светится знакомое окно,
А у нас в прокуренной палатке
Сыро и темно.

Милая в своём вечернем платье
С кем-нибудь сейчас идёт в кино,
А у нас в прокуренной палатке
Сыро и темно.

Кто-то уплетает шоколадки,
Кто-то пьёт коктейли и вино,
А у нас в прокуренной палатке
Сыро и темно.

После скоростной саманной кладки
Наступает вечер голубой,
И тогда к прокуренной палатке
Мы идём гурьбой.

И на нарах растянувшись сладко,
Вымокшие за день под дождём,
Мы лежим в прокуренной палатке,
Курим и поём.

Где-то за долами, за полями
Светится знакомое окно,
А у нас в прокуренной палатке
Сыро и темно...

НАС ОТ УСТАЛОСТИ ШАТАЛО...

Нас от усталости шатало.
Плыл небосвод, ненастно-хмур.
В зерно мы падали устало
И объявляли перекур.

Но бригадир наш, горец Гога,
Был в уговорах первый спец:
«Ещё, ребята, полвагона.
Еще немного – и конец».

И снова мускулы гудели,
Как корабельная сосна.
И мы уверенней глядели
На горы зыбкого зерна...

Когда становится мне туго,
Когда в несчастье попаду,
Когда под снежный посвист вьюги,
Изнемогая, упаду –

Я вспоминаю голос Гоги,
Отяжелевший, как свинец:
«Ещё, ребята, полвагона,
Ещё немного – и конец».

И я встаю. И солнце с неба.
И ветер нежен, как зурна.
И тают, тают горы снега,
Как горы зыбкого зерна...

БЕТОН

Солнце грузно над степью нависло,
Горизонта расплавив грань.
Зачарованный мгlistой высью,
Запрокинул голову кран.

Ткнулся в насыпь песка бульдозер,
Словно грузчик в подушку лицом.
И казалось застывшим озером
Полусонной запруды кольцо.

Самосвалов темнели глыбы
В затихающем ковыле.
Парни чистили свежую рыбу,
Трепыхавшую на столе.

* * *

Луч прожектора врезался в полночь,
Как врезается в дёготь нож.
Шатким шумом машин переполнясь,
Покачнулась степная ночь.

К перемычке спешили машины,
Сохранив силуэты глыб.
На лице у прораба морщины,
Голос мастера явно охрип.

Шоркал поршнем насос монотонно.
Котлована зияло окно.
Самосвалы тонны бетона
Опрокидывали на дно.

* * *

Шла работа.
Шло время.
Шло дело.
Как характер, бетон твердел.
И планета бессонно вертелась
В суматохе космических дел.

И ВОТ, КОГДА ГРОЗОЙ ДОХНУЛИ ТУЧИ...

И вот, когда грозой дохнули тучи
И зашумел, и сник ковыль, и вот,
Когда дождём и молнией летучей
Обрушился на землю небосвод,

Когда из-под накидки влажнокрылой
Смотрели мы, как наплывает мгла,
Она брезент рукою отстранила
И степью полыхающей пошла.

В кипенье струй, в разливе молний алых
Так от людей уходит божество...
И платье так фигуру облегало,
Как будто вовсе не было его.

ТРЕЩАЛ КОСТЁР. БЕСИЛСЯ ВЕТЕР ГРУБЫЙ...

Трещал костёр. Бесился ветер грубый,
По небу развевая звёздный шарф.
И поднимались маленькие груди,
Прохладным мятным воздухом дыша.

И я пьянел, не подавая вида,
И проклинал себя и немоту.
Ты знаешь, Ида,
Ты не знаешь, Ида,
Что без тебя я больше не могу.

И только иногда совсем нечаянно
Она ловила мой влюблённый взгляд
И, словно ничего не замечая,
Смотрела на вечерний звездопад.

В её глазах, синяя и сверкая,
Как в море, отражался небосвод.
Она была такая неземная
В холодном блеске августовских звёзд.

Весёлая, загадочная, строгая,
Девчонка из космической дали!
Нам встречу приготовили дороги,
И эти же дороги развели.

Я до сих пор на молчаливость сетую
И, вспоминая ночи у костров,
Ищу твою далёкую планету,
Затерянную в сонмище миров.

КОГДА ПАЛАТКА ПОД НАПОРОМ ВЕТРА...

Когда палатка под напором ветра,
Как барабан, рассерженно гудит,
Я думаю о том, что город где-то
Глазами окон в темноту глядит.

Звенят по сонным улицам трамваи,
И в зареве неоновых огней
Пугливых звёзд рассыпанные стаи
Становятся туманней и бледней.

Здесь всё не так. Неудержимый ветер
И темноты тягучий чёрный воск,
Но, словно город в полночь, тих и светел
Усеянный огнями небосвод.

Ребята спят. На целине нечасто
Приходят в гости розовые сны.
Им редко снятся милые девчата,
В которых больше жизни влюблены.

А утром снова, поборов усталость,
Они идут в разбуженную степь,
Где высится над хилыми кустами
Растущих стен причудливая цепь.

И день идёт в поэзии и прозе,
Синеет горизонта полоса.
И царство стен растёт чудно и просто,
Как в сказке – не по дням, а по часам...

Ложится на палатки отсвет лунный.
Луна плывёт, огромна и красна.
Парнишка руку опустил на струны –
И городок собрался у костра.

Грохочущим потоком белопенным
В молчащую степную пустоту
Врываются студенческие песни,
Ночную будоража темноту.

И вот палатка под напором ветра,
Как барабан, рассерженно гудит.
И город далеко отсюда где-то
Глазами окон в темноту глядит.

Ребята спят. Нескоро подниматься
Степному солнцу, поднимая нас.
И, может быть, сегодня нам приснятся
Живые звёзды милых сердцу глаз.

ТВОИ ГЛАЗА ДОВЕРЧИВЫ ПО-ДЕТСКИ...

Сквер из чилижника окутан тенью,
И небосвод от звездопада бел.
Ты просишь написать стихотворенье
О падающих звёздах, о тебе.

Твои глаза доверчивы по-детски,
И губы удивительно теплы.
Теперь мне никуда от них не деться,
Ни поездом умчаться, ни уплыть.

И где-нибудь под грозовые гулы,
Когда ворвётся в тишину гроза,
Я буду вспоминать тугие губы
И ласковые светлые глаза.

Небесный купол звездопадом вспенен,
Похожим на весеннюю капель...
Я много напишу стихов и песен
О падающих звёздах, о тебе.

ЗНОЙНОЕ ЛЕТО

Главы из поэмы

* * *

Восемь дней мы на солнце жаримся,
Восемь дней мокнем в солнце мы.
Мы на это, конечно, не жалуемся,
Но не очень-то веселы мы.
Обожжённая степь дышит маревом.
Каждый день,

каждый день,

каждый день

Мы мечтаем о самом малом –
О дожде.

И порою уже нам кажется,
Что не будет его никогда.
Вдруг на юго-востоке показывается
Чёрных туч грозная гряда.

Мы кричим.
Мы смеёмся, как дети.
А когда синий ливень полил,
Что мы в эти минуты ни делали.
Кто-то даже в футбол предложил.

Мы бежим под шумящие струи,
Волейбол превращая в футбол.
И звенят эти струи, как струны,
И стоят эти струи, как бор.

Вот наш доктор рубашку снимает
И становится вратарём.
Обо всём он сейчас забывает
И кричит:

«Ну, ещё даванём!»

И куда опасения делись?
Милый, милый, забывчивый врач,
Видишь, все футболисты разделись
И такой прохладительный матч?

Но не видит наш доктор-верзила,
Охраняя ворота свои.
Он бушует: «Мазила! На мыло!
Левым флангом, разиня, дави!»

А гроза громыхает над степью.
Ливень льёт
синеволной рекой –
На кусты,
на саманные стены,
На смеющихся игроков...

* * *

Мы не ходим в кино и театры
И за прессой давно не следим.
Всё, что есть, – это танцы бесплатные
И костра горьковатый дым.
Но зато наш костёр особенный.
Он вместил в себя всё, что мог.
В нём одном – и Шалапин, и Собинов,

Евтушенко, Есенин и Блок.
В нём одном – театральные новости
И новинки театра, кино,
Эпопеи, романы и повести –
Всё в костре совместилось одним...
Я люблю у костра говорливого
Вспоминать о больших городах,
О далёких сибирских ливнях,
О далёких сибирских груздях.
Я давно уж на родине не был.
В сердце грусти колючий ком.
А костёр лижет звёздное небо
Розоватым своим языком...

* * *

Вот и кончилось знойное лето.
Поезд солнцу навстречу спешил.
В дымном тамбуре я сигарету
О железную дверь затушил.
И подумал под мерные стуки,
Ниже кепку надвинув на бровь,
Что дороги приносят разлуки,
А разлуки уносят любовь.
Полнедели гошу в Минусинске.
Тихий отдых – занятие моё.
Вдруг приносят конвертик синий.
Неожиданно. От неё.
Тонким ножиком перочинным
Разрезаю, волнуясь, конверт.
«Здравствуй, Борька!
Письмо получила
И немедля пишу ответ.
Я ничуть не сожалею,
Что поехала на целину.
Стены класть я теперь умею,
Штукатурить тоже могу.
Целина – это жизни начало
Для девчат, ну и вас, ребят.
Здесь я, Борька, тебя повстречала.
Поскорей бы увидеть тебя...»
Я целую последние строчки
И на мысли себя ловлю
Дать в Свердловск телеграмму срочную
С многозначимым словом: «Люблю!»
Золотые, волшебные звуки!
Я готов повторять вновь и вновь,
Что дороги приносят разлуки,
А разлуки приносят любовь.

ПОСЛЕДНИЙ ТРАКТОРИСТ ЦЕЛИННОГО ОТРЯДА

Владимир Ильич Бандурко из села Целинное одноимённого района – последний оставшийся представитель механизированного отряда, на долю которого выпала ответственная миссия распахивать в здешних краях залежные земли. В ту пору было ему чуть больше 18 лет. Для ветерана целина – событие поистине эпохальное.

Если вам доведётся побывать в Целинном районе, обратите внимание на трактор, давненько обосновавшийся на специально воздвигнутом для него постаменте. Это и есть тот самый стальной трудяга Владимира Ильича Бандурко, верой и правдой служивший ему немало лет. Впрочем, не только он исправно выполнял свои прямые обязанности, покорно вёл себя в руках всезнающего мастера. Да-да, именно всезнающего, поскольку пришёл Бандурко в целинный отряд, имея за плечами Чумлякское училище механизации и опыт практической работы при МТС.

Владимир Ильич вспоминает, как писал заявление с просьбой направить его на освоение залежных земель, как доверили ему – совсем ещё юнцу – новенький ДТ-54, считавшийся тогда наиболее современным техническим

средством. Энерговооружённость, как нынче любят говорить, была в отряде достаточно высокой. Новые плуги в сочетании с мощной тягловой силой позволяли эффективно использовать имеющийся потенциал. Поэтому дневную норму вспашки – 5 га – перекрывали практически всегда. Да это и естественно. Каждый стремился поддержать престиж коллектива, выполнять наперёд распланированное задание и быть не хуже остальных. Не зря существовал в отряде общепринятый сухой закон, и нарушать трудовую дисциплину никто даже и не пытался. Только в свободное от работы время каждый мог позволить себе небольшое расслабление. К тому же помогала в делах и так называемая гласность. Результаты соперничества механизаторов не являлись секретом, а это подстёгивало к повышению

производительности труда. Ну кому же хотелось-то быть в отстающих...

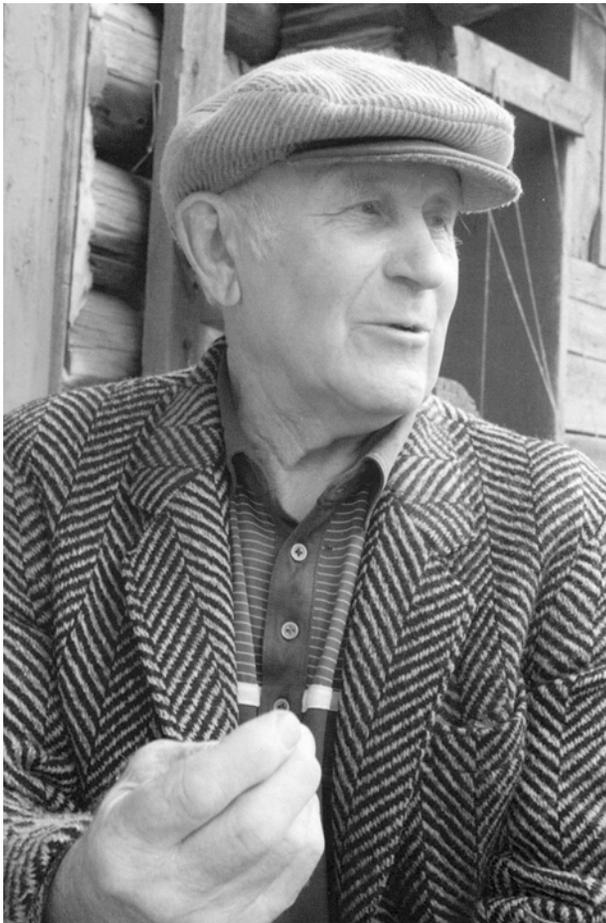
А о том, что работали от души, что рекорды ставили, не помышляя о передышках, свидетельствует и то, что бригадира хозяйства Александра Евсеева и механизаторов трёх отрядов, включая и тот, где работал Бандурко, удостоили различных правительственных наград.

Не просто так говорят, что целина проверяла всех на прочность, профессионализм

выдерживали – уезжали, другие оставались и продолжали начатое дело. Владимир Ильич свою землю никогда покидать не собирался, хотя и случались на его веку весьма нелёгкие времена. Работал без оглядки, о трудностях старался не думать и за рекордами специально не гонялся. При этом практически всегда ходил в передовиках, а журналисты разных газет находили в нём настоящего героя. Бандурко утверждает, что быть на лидирующих

«БЫТЬ НА ЛИДИРУЮЩИХ ПОЗИЦИЯХ СОВСЕМ НЕСЛОЖНО: ВКАЛЫВАЙ СЕБЕ, ПОМЕНЬШЕ СПИ ДА ЗА ТРАКТОРОМ ПРИГЛЯДЫВАЙ. И НИКАКИХ СЕКРЕТОВ МАСТЕРСТВА».

и выдержку. Владимир Ильич готов всё это подтвердить, поскольку знает, как буквально через год заметно поредели их ряды. Одни не

Владимир Ильич Бандурко

позициях совсем даже несложно. Вкалывай себе, дескать, поменьше спи да за трактором приглядывай. И никаких абсолютно секретов. Быть может, за этот неуёмный характер и полюбила его будущая супруга Нина Григорьевна, с которой счастливо живут они вот уже около 50 лет, воспитали детей, а теперь наслаждаются непоседливыми внуками. А когда нахлынут вдруг воспоминания, достаёт Бандурко газетные вырезки, рассматривает пожелтевшие от времени фотографии, медали да грамоты, последняя из которых от администрации района за особые заслуги в период освоения целинных и залежных земель и в связи с 55-летием с начала данных событий. Кажется, было это так давно...

Владимир Ильич – заядлый автомобилист-любитель. 15 лет колесил на ГАЗ-67. В свои серьёзные годы рук не опустил, купил сначала новый кузов, газик перебрал и заставил работать на нужды своего подсобного хозяйства. И сейчас Бандурко на колёсах. Слегка модернизировал отечественный внедорожник типа УАЗ, смонтировал дополнительную систему отопления салона, придумал вентиляцию из комбайновских запчастей. «Голь, – говорит, – на выдумки хитра». И это похоже на реальность.

Владимир СЕДАНОВ,
обозреватель «ИД «Новый мир»

Фото Николая БЕЛОБОРОДОВА.
ИД «Новый мир»

Фото на память о целинных каникулах (1956 г.)

ЛИЧНЫЙ ОПЫТ

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ТАТЬЯНЫ ЛЕОНОВОЙ

В пятидесятые годы много говорилось о целине, снимались фильмы, писались песни, велись научные дискуссии о целесообразности распашки целины, звучали призывы к молодёжи ехать на освоение целины.

В 1956 году ожидался первый большой урожай зерна, и ЦК ВЛКСМ обратился к студенческой молодёжи с призывом ехать на уборку урожая. Во всех институтах Москвы формировались студенческие отряды, их командиры, как правило, назначались из старшекурсников, они должны были обеспечить студентов работой, следить за бытовыми условиями.

Я училась на втором курсе экономического факультета Тимирязевки. В июле мы должны были ехать на производственную практику, но, услышав, что набираются добровольцы для поездки на целину, мы – 45 человек – кинулись в деканат просить разрешения на замену практики поездкой на уборку целинного урожая.

Получив (не без труда!) это разрешение и пройдя обязательную медкомиссию, бросились собираться в дорогу. Носились по магазинам, закупая продукты и вещи (всё нужное и ненужное), необходимые лекарства. Мы не представляли, в каких условиях будем жить, а уезжали на 1,5 месяца, до 1 сентября.

Из Москвы мы отправились 11 июля 1956 года. Сбор отъезжающих тимирязевцев и студентов других вузов был у нашего Тимирязевского парка. Все были одеты по-дорожному, кто с чемоданами, кто с рюкзаками. Настроение приподнятое, играла гармошка, пели, плясали, дурачились, хохотали. Вдруг заиграл духовой оркестр, подъехали грузовые машины. Мы погрузились, и вереница из 50 грузовиков двинулась к Казанскому вокзалу Москвы. Так весело, с песнями, посылая приветы прохожим, проехали мы через всю Москву.

Когда мы всей гурьбой вывалились на перрон, наш состав уже стоял на месте. Это были товарные вагоны без дверей и окон. В середине вагона был широкий проём, который задвигался, внутри из досок были сколочены нары. В таких вагонах обычно перевозили солдат.

Состав был очень длинный, мы насчитали 45 вагонов. Быстро расположились по вагонам, на каждом прикрепили плакаты с названием институтов. Тут была вся студенческая Москва! Рядом с нами ехали «рыбный», полиграфический, инженерно-строительный, горный институты. У юрфака МГУ был отдельный вагон.

Состав шёл вне расписания, поэтому ехали долго, 6 суток: то по полдня без остановки, то останавливались каждые 2 часа. На остановках танцевали, играли в волейбол, ходили по вагонам, знакомились. Было очень жарко, если на остановках была вода, обливались водой. Проводников не было, поэтому только по гудку паровоза было понятно, что остановка закончилась, и все бежали к своим вагонам, иногда

прямо на ходу садились в первый попавшийся, до которого добежали.

Везли нас в Чкаловскую (ныне Оренбургскую) область. Состав дошёл до станции Профинтерн. Оттуда – группами по разным районам области.

Нас, тимирязевцев, привезли в Домбаровку (Домбаровский район, самый южный в области, на границе с Казахстаном). Там мы переночевали, а утром на машинах нас повезли в Адамовский зерносовхоз, место нашей работы. Полдня мы пробыли на центральной усадьбе, это был уже вполне приличный посёлок – типовые домики, магазины, столовая, но очень мало зелени. Центральная усадьба как большой вокзал, сюда свозили очень много людей и распределяли их по бригадам. Нас направили в бригаду № 10 на весь период уборки.

Жили мы в вагончиках, кухня-столовая размещалась в небольшом летнем домике, вода только привозная, в бочках. Питание, особенно первое время, было довольно скудное: вермишель, крупа, тушёнка. Ни овощей, ни фруктов. Только к концу августа стали появляться картошка, капуста, огурцы, иногда даже яблоки.

Праздником для нас, девчонок, был приезд автолавки. Выбор товаров и продуктов небольшой, настоящее лакомство – свежий белый хлеб в буханках, развесной маргарин, конфеты (кофейные подушечки), грузинский чай, засохшие пряники, газированная вода в бутылках. Также покупали мыло, зубной порошок, кое-что из одежды, одеколон.

Надо отметить, что вообще не было спиртного. На весь период уборки действовал сухой закон.

Кроме нас, студентов, в бригаду были направлены выпускники училищ механизации из г. Бугуруслана и г. Бугульмы (Татарстан). После окончания училищ их по распределению на два года направили на целину. Это были совсем молодые ребята 17–18 лет – трактористы, комбайнёры, механики. Создавались постоянные рабочие звенья: тракторист, комбайнёр (комбайны были прицепные, «Сталинец-4»), штурвальный, два человека на копнитель (копнители тоже были прицепные) – всего пять человек.

В состав звена входили и грузчики: рядом с комбайном ехала грузовая машина с двумя грузчиками, в которую из рукава комбайна по ходу его движения ссыпалось зерно. На место отъехавшей машины должна сразу подъезжать другая. Но если вдруг машина не успевала подъехать, комбайн всё равно не останавливался, и зерно сыпалось на землю.

Когда была хорошая погода, работали и днём и ночью. Обед привозили в поле. В июле-августе, когда были ещё относительно тёплые ночи (хотя климат в Оренбуржье резко континентальный – как бы жарко ни было днём, ночи всегда прохладные), иногда уже не было сил ехать в бригаду, ночевали прямо в поле, зарывшись в солому.

В бригаде в основном работала молодёжь. Механизаторы были ещё неопытные, поэтому техника часто ломалась, были простои. Если

были поломки и ребята сами не могли справиться, надо было ехать в бригаду за механиком или на центральную усадьбу, что ещё дальше. Поэтому на ремонт уходило много времени.

Техника была не новая, её пригнали из других мест, где уже закончилась уборка (из Краснодарского края, Ростовской области). Иногда вместе с техникой приезжали комбайнёры, трактористы, опытные механизаторы, они очень помогали нашим ребятам.

Трудовой энтузиазм кипел! Мы соревновались друг с другом, каждый день подводили итоги, кто больше гектаров убрал, у кого урожай выше, обменивались флажками...

В хорошую погоду ночью, когда работали все машины, картина была изумительная: в темноте горели фары машин, создавалось впечатление, что по степи плывёт вереница огней.

*Молодёжное звено – тракторист, комбайнёр, штурвальный, два человека на копнителе.
Татьяна Леонова вторая слева в нижнем ряду*

Зерно на машинах отвозили на ток, там его взвешивали. Задача была – скорее разгрузить машину и ехать обратно, чтобы успеть к комбайну. Здесь также было соревнование: кто быстрее разгрузит, кто успеет сделать больше рейсов и т. п.

Зерно перевозилось на грузовиках с деревянными бортами, самосвалов не было и в помине. Зерно сыпалось сквозь щели в бортах, поэтому вся дорога от поля к току была золотистой.

Поскольку совхоз был большой, посевов много, агрономического контроля совсем не было. Мы только один раз видели на поле агронома, когда он приезжал с представителем райкома по поводу организации входившей тогда в моду отдельной уборки зерновых: сначала надо было скосить пшеницу, дать ей полежать сутки-двое, чтобы зерно подсохло, а потом подбирать подборщиком. Но комбайнёры шли на это неохотно. Уборка и так затягивалась, начинались дожди, без отдельной уборки процесс шёл быстрее. Тем более что студенты должны были скоро уезжать, а требовалось очень много труда для сохранения уже собранного урожая.

Дело в том, что элеваторов не хватало, зерносушилок – тоже. Основная масса зерна складывалась на току, в буртах. Зерно ссыпалось прямо на землю, не было зацементированных площадок, отсюда повышенная влажность.

Поэтому когда начались дожди, зерно в буртах стало греться, «гореть», прорастать. Последние две недели перед отъездом мы были заняты спасением зерна, а часть ребят работали прицепщиками у трактористов на вспашке зяби. Мы же были заняты «перелопачиванием» зерна: лопатами сгребали и перебрасывали зерно с одной стороны бурта на другую, проветривали его таким образом.

С земли сгребали проросшее зерно, пытались подстелить брезент под бурты, накрывали их брезентом от дождя. Но это была почти бессмысленная работа, поскольку на другой день всё начиналось сначала. Не знаю, кто занимался этой работой после нашего отъезда, ведь постоянных работников в совхозе не было...

Очень жаль, что выращенный и собранный с таким трудом богатейший урожай вряд ли смогли сохранить без больших потерь.

Уезжали мы 25 сентября. Нас, целинников, снова отвезли на станцию Профинтерн, посадили в поезд, но уже не в товарные, а в вагоны с жёсткими сиденьями, верхними и нижними полками.

Настроение было уже другое. Конечно, все очень устали, сильно пообносились, особенно плохо было с обувью, ведь на целине негде было что-нибудь купить. У всех было только одно желание – скорее добраться до дома.

Поскольку всю уборку мы жили на скудном пайке, то по дороге на остановках все высканивали из вагонов на перрон и сметали всё, что было в палатках, включая спиртное.

В Москве нас торжественно встречали на Казанском вокзале. Снова гремел духовой оркестр, с трибуны нас приветствовали представители всех вузов, райкомов партии, благодарили за работу. Мы были очень горды собой и, несмотря на пережитые трудности, счастливы! Кроме того, заработали на целине первые, вполне приличные по тем временам деньги и смогли купить себе то, что не могли позволить раньше со стипендии.

Татьяна ЛЕОНОВА,
кандидат экономических наук;
в 1968–1979 годах – старший
научный сотрудник отдела оплаты
труда ВНИЭТУСХ; в 1979–1990 годах –
руководитель научно-организационного
отдела ВНИИЭСХ; в 1990–2010 годах –
учёный секретарь ВИАПИ им.
А. А. Никонова

Фото из личного архива

Сеяльщик Юрий Чернов (слева) и тракторист Михаил Ткачук

Юрий ЧЕРНОВ

Родился 5 июня 1937 года в селе Мамонтово на Алтае. Окончил КазГУ в Алма-Ате, работал в газетах Казахстана и Западной Сибири. Печатался в журналах «Молодая гвардия», «Сибирские огни», «Уральский следопыт», «Юный натуралист», «Муравейник», альманахах «Охотничьи просторы», «Лик земли». Автор семи книг и соавтор многих коллективных сборников прозы.

Член Союза журналистов (1963) и Союза писателей России (1992). Лауреат Всесоюзного конкурса им. Николая Островского, получил премии имени Василия Пескова, Н. Г. Гарина-Михайловского, И. С. Соколова-Микитова и других. Живёт в Краснообске – пригороде Новосибирска.

ЦЕЛИННЫЕ БЫЛИ И МИРАЖИ

Считаю, мне повезло: мои юные годы пришлись на время освоения целины, образования огромного Целинного края. Подобно тому как первые целинные совхозы начинались с колышка и палатки, так и наша краевая комсомольская газета «Молодой целинник» родилась, что называется, «в борозде»: у неё не было постоянного помещения, и у 28 её творческих сотрудников не было жилья. В нашем редакционном гимне пелось:

*Мы беззаветно спали на столах,
Потом за ними пили и писали,
И так же был далёк от нас Аллах,
Как был далёк отец народов Сталин...*

Не кривя душой скажу: мытарства и неустойчивость тех лет переносились легко, ведь нашим героям было куда труднее! А что двигало ими? Романтика большого дела, желание

отличиться, испытать себя? Вот это и старались понять мы, молодые журналисты.

Можно по-разному смотреть на целинную эпопею, но вряд ли кто оспорит главный тезис дела, в которое были вовлечены миллионы: «Люди поднимали целину, а целина поднимала людей».

1. КРЕЩЕНИЕ НА КАБЫРГЕ

Та весна была половодной и дружной. По затопленной дороге к Тургайскому совхозу имени Крупской двигался странный агрегат.

Забрызганный грязью гусеничный трактор тащил на буксире автомобиль с дюжиной пассажиров на борту. Четверо из целинников ехали в совхоз впервые. Двое демобилизованных парней-рязанцев и разбитной весёлый хлопец с Украины направлялись в совхоз по комсомольским путёвкам, а четвёртый ново-

сёл – уже пожилой, тепло одетый мужчина – ехал без какого-либо направления. Он молча сидел в уголке на большом вещевом тюке и ловил каждое слово попутчиков...

Пробирались осторожно, чтобы на разливах не угодить в промоину или в скрытый водю овраг. Однажды вода захлестнула кабины и кузов так, что люди замочили ноги, но мотор ДТ каким-то чудом не заглох и победно взревел на другом берегу ложбины. С ближнего поля снялись потревоженные утки и долго носились окрест, привередливо выбирая новую заводь.

К вечеру одолели лишь половину сорокакилометрового пути. Дорога снова упёрлась в глубокий овраг, по которому с клочьями пены и мусора неслась мутная снеговница. В надежде, что за ночь вода упадёт, решили заночевать.

Тракторист замерил солярку и часть её отлил в ведёрко – для костра. Путники примостились возле горящей ветоши, тут же накрыли стол. На плаще и газетах появились хлеб, колбаса, консервные банки – у кого что было.

– Погодьте, – вдруг спохватился хлопец, – я ж забыв про сало. Вы ж николаы не пробували наше луганское сало!

– Я пробовал, – как всегда смущаясь на людях, сказал молодой шофёр Василий Коцур. – С Кадиевки я.

– С Кадиевки? И молчал! – ещё более оживился хлопец. – Вот це земляк – дай я на тебе подывлюсь. Верно – наш! Сидай до мене!

Только успокоились, принялись за еду, как в темноте послышались мягкий топот, фырканье, и в красноватое пространство вокруг огня выплыла лошадиная голова с настороженно-блестящим огромным глазом. Лошадь остановилась, на землю спрыгнул всадник. «Уй-бай!» – произнёс он обычное у казахов восклицание, выражающее одновременно и удивление, и восторг, и приветствие. Это был Каирбек Таубаев – учитель совхозной школы. Он тоже возвращался из райцентра, куда ездил за зарплатой для своих коллег.

Каирбека пригласили ужинать. Он привязал лошадь, отстегнул от седла сумку и высыпал на газету целую горку сытных баурсаков – сваренных в масле колобков. Всё было вкусно за этим дружным столом.

Ночь коротали за разговорами, шутками и анекдотами. Василий, ласково оглядывая говоривших, слушал, тихо смеялся, иногда ему и самому хотелось вернуть в разговор удачное словечко, но по застенчивости не решился. А при его-то стати гоголем бы ходить. Чего стоили одни глаза – продолговатые, тёмно-вишнёвые, под тёмным ельником бровей.

«Не в коня овёс, – часто сокрушался за внука дед и вразумлял: – Худо живётся робкому да тихому. Понахрапистей, паря, надо быть. Кто смел, тот два съел».

А Василий так дедову науку и не уяснил. Три дня машина его стояла из-за маленькой, с кулачок, детали – бобины. Другой бы за это время механику горло перегрыз, а Василий на третьем слове выдыхался, будто денег займы просил. Вот и получилось: когда запчасть привезли, её с лёту урвал жиганистый бензовозчик Валерка Глухих. Скандалить Василий не стал, а в тот же день махнул в райцентр на попутке. Запчасть он случайно раздобыл – бобина приятно тяжелила нагрудный карман телогрейки.

Но не только бобину посчастливилось раздобыть в райцентре. Василий не утерпел и достал из рюкзака стопку книг, купленных в раймаге. Долго разглядывал их в неярком свете костра. Будет теперь что почитать. А читал Василий запоем, переживая за героев. Он верил, что всё, о чём писалось в книгах, когда-то случилось в жизни. С героями этих книг Василию было легко беседовать и спорить, о некоторых он помнил постоянно, восполняя тем самым недостаток друзей и знакомых. Вообще-то Василию нравились многие из односельчан, только вряд ли те могли об этом догадываться. Вот сейчас ему вдруг захотелось обнять всех сидящих у костра и сказать им, какие они милые, славные, какая чудная сегодня ночь под звёздами. Именно о такой он где-то читал, и это редкое совмещение реального и книжного обрадовало его ещё больше.

Только его, Василия, жизнь, какой стороной её ни поворачивай, никак не походила на ту, что рисовалась в мечтах. В мыслях-то он и по часу говорил перед зачарованными слушателями, и с девушками был смел, и всякие подвиги совершал. А в действительности всё,

что он ни делал, казалось незначительным и от него не зависящим. Среднюю школу не смог окончить – заболела мать. В училище механизации попал потому, что там был недобор. И на целину поехал из-за друга, у которого не заладилось в семье. Друг, кстати, уже уехал домой. «Эх, на поводу, паря, у других идёшь, мятый хлеб жуёшь», – говорил ещё дед. Василий и о старом ворчуне вспоминал сейчас с умилением. Всех любил, о всех думал светло в эту ночь Василий Коцур.

Утро – сверкающее, залитое солнцем и звоном жаворонков – началось благополучно. Вода, как предполагали, за ночь упала. Таубаев на лошади разведал брод, и машины одолели овраг. Но впереди новая преграда – речка Кабырга. Лёд на речке был уже с продушинами и краинами, а поверх него во многих местах шла вода. Мост через Кабыргу был ненадёжен, а подъезд к нему размыт. Оставалось единственное – двигаться вдоль берега Кабырги, то есть в объезд. Каирбек поскакал впереди машин, но, отъехав на километр, решил возвратиться назад, к мосту. Оттуда до совхоза километров десять, а в объезд – около двадцати.

Таубаев направился к мосту не по гусеничному следу, а напрямую. Расстояние между всадником и машинами быстро увеличивалось, вскоре конник был слабо различим в бегущих от земли переливах марева. Василий любовался этим призрачным силуэтом всадника, парящего над землей. Он вспомнил лермонтовскую Бэлу и представил, что это Казбич скачет на своем Карагёзе, а за ним полощется на ветру бело-прозрачная чадра...

Но вдруг фантастическая сцена приняла непонятный оборот: лошадь, уже без седока, поскакала в сторону райцентра, а всадник – едва приметная точка – остался на месте. Василий протёр глаза, однако обмана зрения не было...

По тревоге Василия машины повернули обратно.

Каирбек решил преодолеть протоку шириной около сорока метров. Лошадь по брюхо в воде дошла до её середины, оступилась в промоину и скакнула на крохотный снежный островок. Едва зацепившись за него передними копытами, она резко дёрнулась, забила, и

Таубаев вылетел из седла. Не успел он встать, как испугавшаяся лошадь метнулась назад, переплыла промоину и убежала.

– Раздевайся и пльви! – закричали Каирбеку с подоспевших машин.

Вымокший, бледный Каирбек отрицательно замотал головой:

– Я не умею плавать. – На побелевшем лице его резко выделялись чёрные полосы бровей и усов. Вымокшего Каирбека била дрожь.

В кабине трактора оказалась десятиметровая верёвка, и ДТ стал задним ходом подъезжать к Каирбеку до тех пор, пока вода не достигла патрубка, всасывающего воздух. Шофёр Михаил Аймагамбетов кинул конец верёвки Каирбеку, но когда стал привязывать свой конец к трактору, то нечаянно упустил его в воду. Верёвку снесло течением, и теперь уже Каирбек должен был добросить её до кабины. Ослабевший, вымокший, он сделал три безуспешные попытки, а на четвёртую – тяжёлая верёвка выскользнула из окоченевших пальцев. Вдобавок ко всему мотор, засосавший-таки воду, стал «троить», и трактор, едва выбравшись на сухое, заглох.

Воцарилось тягостное молчание. Но тут подал голос неразговорчивый новосёл:

– Мой тюк перевязан бельевым шнуром, помогите распутать...

К шнуру привязали кусок электропроводки и увесистую гайку, чтобы один конец забросить Каирбеку. Но длина связки оказалась недостаточной.

Василий встретился взглядом с Каирбеком и почувствовал в теле странную пустоту. Неотрывно смотрел он то на Каирбека, то на тающий на глазах островок снега, который размывала и затопляла прибывающая вода, а в голове уже созрело отчаянное и единственное решение, которое в этот момент могла подсказать совесть. Он ещё не знал, как в деталях осуществится его план, но уже отстёгивал свой ремень. То же сделали и парни из Рязани. И вот к шнуру пермяка накрепко привязаны ремни луганцев, рязанцев и ещё двоих – Михаила Аймагамбетова и заместителя директора совхоза Николая Кима.

Всё так же молча Василий разделся, захватил зубами конец шнура, зашёл в воду и поплыл. Вода обожгла тело, дыхание перехватило, а шнур, натягиваемый течением, с каждым взмахом руки тянул назад сильнее и сильнее. «Только бы не свело судорогой!» Василий ещё злее стиснул зубы и рывками, выбиваясь из последних сил, доплыл до снежного пятка. Пальцы его не слушались, но он сумел крепко обвязать Каирбека шнуром и сказал ему, чтобы он как мог бултыхался, пока его будут вытягивать на берег. Каирбек кивал головой, а сам всё ловил взгляд Василия, пытаясь отблагодарить. «Давай, тяните!» – махнул Коцур парням на берегу.

Василий не видел, как тащили Каирбека, он занят был другим – сложил в шапку Таубаева деньги, комсомольский билет, надел на голову и поплыл. Он не видел также, что позади него большая льдина с ходу срезала снежный пятчок, и там, где они только что стояли с Каирбеком, радужно засверкало на солнце быстрое течение.

На берегу их уложили на тулуп, растёрли водкой, оказавшейся у того же запасливого молчаливого переселенца из Перми. Василий оделся в своё, а Каирбека нарядили в широченные брюки луганца, вязаный пермский свитер и солдатскую шапку.

– Ну, земля, – хлопнул по плечу Василия луганский хлопец, – теперь вы с Каирбеком вроде как крестники. Так, Каирбек?

– Ага, я сегодня опять родился. Крепкий Вася друг, – закивал Каирбек. А сам всё улыбался – то ли переполняющей радости, то ли своему потешному наряду...

2. НЕ ПОСТУЧАЛСЯ

В Рославле на Садовой звенели топоры. Около недостроенного дома трое кряжистых мужчин, трое братьев, оседлав взмокшие, липкие брёвна, молча тесали стропила.

Битюгины строились сообща. Сначала выстроили дом старшему, Леониду, на второй год – Василию, а теперь вот – неженатому Станиславу. Только, похоже, парня это не радовало. Творилось с ним что-то неладное. То

поймает на лезвие топора кленовый лист, то, замахнувшись, замрёт, прислушиваясь к динамику на соседней улице. А там про одно и то же – про целину. «Не тот у парня интерес», – досадовали братья. Будто не для себя гнут они здесь спины, а калымят на стороне. Они, конечно, отработают своё, а там, брат, как знаешь.

А Станиславу казалось: с каждым ударом топора он всё крепче приколачивал своё судно к тихой заводи – Садовой. Зачем ему дом в этом сонном Рославле? Вон на целине парни такие дела ворочают, а он что? Станислав откинул со лба куделю льняного чуба, в котором были неприметны золотистые кудряшки стружек, и на его загорелом лице просветлели серые девичьи глаза. «Уеду, – решил он, – а в доме пусть мать спокойно поживёт. Одна, без детского сада. А то совсем её затаскали меж двумя дворами, с ног валится». Вот что надумал Битюгин-младший, прислушиваясь к передачам хриплого динамика. Справив новоселье, он собрал чемоданчик и объявил, что уезжает на целину. Был конец февраля.

На восток Станислав отправился с другом Анатолием Улинковым.

На столике в их купе лежала малоформатная политическая карта мира. На первый случай взяли билеты до Караганды.

Через день в вагон сели двое парней из целинного Есильского района. От их мохнатых лисьих малахаев, дублёных полушубков и сапог, утеплённых войлоком, повеяло морозом и чем-то нездешним. Парни возвращались из отпуска. Держались независимо. На вопросы отвечали скупко, со смешком.

Улинков, затянутый в гимнастёрку, допытывался про заработок, жильё и особо – «на счёт женского персонала». «Не волнуйся!» – был ответ.

В Есиль прибыли ранним утром. Станислава будто кто под бок толкнул. Парни, уже одетые, в малахаях, пошли в тамбур.

«Так надо с парнями и сойти, устроиться в их совхоз, – вдруг осенило Станислава. – Надо было с вечера и договориться, эх...» Он растолкал Улинкова, заторопил:

– Собирайся, сходим!

– А? Что? Караганда? – выпучил спросонок глаза Улинков.

– Да, да. Караганда!

Спрыгнули с подножки.

– Стой, забыл! – панически схватился за карманы Улинков и ринулся назад в вагон.

Битюгин простонал от злости и едва не накинулся с кулаками на попутчика, когда тот появился с двумя банками кильки.

Момент был упущен. Сколькo ни бегал Станислав по вокзалу, парней в малахях так и не увидал.

– Билеты до Караганды пропали, – проворчал Улинков.

– Молчи уж. Я тебе ещё припомню твою кильку. Это из-за неё мы сели на мель.

– Что мы, сами не доберёмся? – подал резонную мысль Улинков. – Парни называли совхоз. Не то Каранкольский, не то Таранпольский.

Пошли на трассу. Надо поспрашивать шофёров, они всё знают.

А попуток нет и нет. Час прошёл, второй. Ботинки Станислава отбивали чечётку. Хмурый Улинков маршевым шагом мерил взад-вперёд дорогу. Под его сапогами зло поскрипывал снег. Н-да...

Послышалось ровное гудение моторов. Шли два лесовоза.

– Вы не в Каранкольский? – крикнул Станислав.

Лесовозы остановились. Скуластый шофёр внимательно осмотрел путников, их обувь и, выпустив целое облако дыма, сказал:

– Такого совхоза нет. Есть Любимовский совхоз. А какая вам разница? Садись, один в кабину, другой на брёвна. У моего напарника есть пассажир...

Улинков воробьём скакнул к подножке: «Чур, первый». Шофёр усмехнулся, высунулся из кабины:

– А ты, медведь, мне брёвна не развали. Ишь, машину раскачал. Будешь коченеть, постучи в кабину. Поменяетесь...

Лесовозы со скрипом тронулись. Тотчас потянул резкий встречный ветер. Холодные иглы пронзили пальто.

Машины шли не спеша. Невесть куда. Ровные снега кругом. Пусто, голо. Взгляду не за что зацепиться. Дорога ползла под маши-

ну, как в мясорубку, медленно и бесконечно. Впереди тревожно и холодно полыхал закат. Ледяные иглы закололи больнее. А лесовозы не торопились. Словно плыли, раскачиваясь, поскрипывая. И дразняще натягивало из кабины табачным дымком...

Пора бы поменяться с Улинковым местами. Всего-то надо дотянуться до кабины и постучать... А мог бы дружок и сам догадаться. Давно пора... Станислав крепче поджал ноги. Растирал лицо, руки, хлопал себя по бокам. И не заметил, как впереди сверкнула россыпь колючих огней. Вот и первые дома. Контора. Эх, тут не до конторы. Станислав, почти не разгибаясь, съехал со скользких брёвен и чуть не вскрикнул от боли в ногах. В конторе шла планёрка. Гости зашли в кабинет, подали документы. Директор, мельком взглянув на бумаги, изучающе осмотрел ребят.

– Люди нам нужны. Поедете в третью бригаду. Ты, Битюгин, получишь С-80. Иван Михайлович, устрой ребят.

– Сейчас приму меры, – скороговоркой отозвался Иван Михайлович Мурай, заместитель директора, и куда-то ушёл.

Давно окончилась планёрка, опустела контора. Мурай не появлялся. Техничка намекнула, что пора ей закрывать контору.

– Вот она, целина, – зло выругался Улинков. – А ты мне про оркестры и митинги заливал. Давай-ка рвать отсюда, пока не поздно.

С видом незаслуженно обиженного он достал «спасённую» им консервную банку, аккуратно вырезал кружок. Битюгин морщился, как от зубной боли. Голодная слюна залила рот, но кильку он всё равно есть не станет. Никто не заметил, как в контору вошёл казах – невысокий, в плаще поверх полушубка. За пять минут выпытал у ребят про их одиссею. О себе сказал два слова:

– Я парторг. – И добавил опечаленной скороговоркой: – Ай, Мурай, Мурай. Завтра ругаться буду. А пока бегите в столовую, а то закроют. Переспите сегодня в моём кабинете.

Когда вернулись, парторг Сыздыков уже сдвинул стулья и кресла, притащил откуда-то тулуп.

– Ну, спокойной ночи!

На жёстких стульях было действительно спокойно, в кабинете – тепло. Улинков захрапел, а Станислав не мог уснуть. Как-то будет завтра? Пока здесь всё чужое, непривычное. Впрочем, дорога от Есиля до совхоза уже знакомая, обжитая. Кабинет и стулья – тоже. И парт-орг, видать, свой мужик...

...Полевой стан третьей бригады ничем не выделялся из тысяч подобных ему времянок, разбросанных на неоглядных просторах барабинской, кулундинской и казахстанской степей. Саманное общежитие с азиатской крышей. Вагончик-столовая. Десятка полтора тракторов. Вот уже два месяца Станислав живёт и работает в этой бригаде. А стала ли она своей, нашёл ли он то, что потянуло из Рославля? Трудный это вопрос. Вот Улинков жалуется на жильё – земляной пол, пятнадцать соломенных матрасов... И тульская гармошка, наводящая тоску, и замусоленные карты... А за окном степь, печальная, как лик слепого...

Всё так, всё верно. Вот и в меню столовой сплошная «макаронувщина». А кто виноват? У Улинкова на этот счёт категоричный ответ – начальство: рыба гниёт с головы. Он уже и лыжи вострит: «Вот подкалымим в посевленную, и только видел нас Ефимчук». Бригадир Ефимчука – пожилого лысоватого мужчину, вечно небритого, с красными воспалёнными глазами, – Улинков возненавидел сразу, как тот вручил ему для ремонта ещё новый, но разбитый в чьих-то лихих руках трактор. Станиславу достался не лучше. Признаться, и его коробило от бригадирства Ефимчука. Вечно куда-то спешит, командует на ходу. Когда Станислав отремонтировал свой С-80 и ещё не успел оттереть ветошью руки, Ефимчук, как коршун с неба, объявился:

– Помоги Старцеву – парнишка зелёный. Людей у нас нехватка.

Почему не помочь, но ты бы сначала, бригадир, хоть одним словом отблагодарил, ведь всю неделю от зари до зари не вылезал из-под трактора, а машина на снегу, под открытым небом... Через неделю после начала полевых работ половина тракторов вышла из строя. С утра Ефимчук поехал за запчастями. Уже из кабины бросил:

– А ты, Битюгин, на третьем поле допаши лоскуток, обед захвати...

Станислав и поехал на это поле, неся в себе неприязнь к бригадиру. «Похоже, мужичок в передовики рвётся... на чужих спинах». Трактор Станислава прогромыхал над балкой, выскочил на пригорок и пошёл по меже двух перепаханых полей. А вот и третья. «Ничего себе “лоскуток”», – подумал Битюгин, оглядывая загонку, конец которой терялся у горизонта. Он развернул машину и вогнал лемеха в подмороженную землю.

К ночи и половина «лоскутка» не была вспахана. Ефимчук, наверное, знал, что здесь более тридцати гектаров. Что это, насмешка? Надо вернуться.

Станислав выключил свет. Ладно, он пропашет ночь, а утром смотается. Раза два его одолевал сон, потом руки вновь налились силой.

Утром Битюгин уже собрался выехать из борозды, но тут представил, как Ефимчук, узнав, что поле не допахано, сделает отсутствующее лицо, подзовет одного из здешних асов и намеренно громко, при всех, прикажет допахать «битюгинский огород». «Огородами», а то и «грядками» Ефимчук нарекал пустяковую работу. Станислав всё более неприязненно думал о бригадире. К вечеру второго дня усталость сковала каждый мускул. В голове гудело. На зубах скрипела пыль.

Вот и последний круг. Если бы оставался ещё один, он бы не выдержал. На краю загонки Станислав выключил мотор, свалился на сиденье и моментально уснул.

Открыл глаза от резкого луча, прорезавшего кабину. Луч поднимал солнце. Станислав спрыгнул на землю и невольно засмотрелся. В синем ознобе маняще распахнулось небо, а к горизонту катилась чёрная зябь пахоты. «Чёрное море!» Да это же он один поднял целое море! Было поле серое, колючее от стерни, а теперь вот – чернее грачиного крыла и мягкое, тёплое. Пахота уже нагрелась, дальние гривы заколыхались в ковыльных пробегах марева. Довольный – никогда не видел сразу столько своей работы, – Станислав потянулся, со свистом вдохнул пахнущий земляными ломтями воздух.

Сразу за бороздой начиналась рыжая, ещё мёртвая целина с колючими островками тарнача. И вдруг среди сухостоя, под самой гусеницей, проглянул синий глаз подснежника. Станислав растерялся, забеспокоился. Поспешно завёл трактор и сдал назад. Ещё раз подошёл к цветку. Степь-то, оказывается, зрячая. А вон и ещё глазок, и ещё...

А в бригаде шумели ребята, и громче всех – Улинков. На стан не завезли продуктов.

У Станислава, не евшего второй день, помутнело в глазах. Недовольство, которое копилось раньше, вдруг поднялось, как вскипает вода, достигая критической температуры. Станислав сел на подвернувшуюся совхозную попутку. Хватит! Надо поговорить с директором и... Чем кончать разговор – покажет обстановка.

У двери, обитой чёрным дерматином, Станислав остановился, перевёл дыхание. Обо что постучать? Придумали обивку, бюрократы! Поднятая рука отяжелела. Надо пройтись, обдумать хорошенько, с чего начать, и тогда уж войти – без стука!

Битюгин обошёл вокруг конторы и повстречался... с директором.

– А-а, рославец, здравствуй, здравствуй! Что не заходишь? Рассказал бы, как приживаетесь. Из этого Ефимчука слова лишнего не вытянешь. Сами, говорит, приезжайте да смотрите. Ходит, как бука. Все ему не хороши.

– У нас... – начал было Станислав, но его перебил директор:

– Знаю, знаю. Продукты сегодня завезли. С районом связи три дня не было. Мост паводком снесло. Сейчас, кстати, машина на складе для вас грузится. Пойдём, поможешь. Я вот о Ефимчуке не договорил. Поберегите его. Здоровье у него, сам знаешь, неважное, язва, а человек, можно сказать, в поле живёт.

Битюгин покраснел. Ничего он о болезни Ефимчука не знал. И только сейчас припомнил, как Улинков частенько приговаривал: «Язва его заberi!» Выходит, неспроста говорил. А директор помолчал и сам пожаловался:

– Ох, Битюгин, весновспашка нас жмёт, а людей не хватает...

По пути в бригаду Станислав повстречался с шестью ребятами, взбунтовавшимися утром.

Среди них – Улинков и двое новеньких, приехавших в бригаду дня три назад.

– Эй, Битюгин, айда с нами в другой совхоз. Тут ловить нечего.

– Мы везём продукты...

– Значит, остаёшься? Ну и глотай подачки! Макаронами его купили! – И пошли, размашисто двигая руками. Утром он, наверное, ушёл бы с ними...

На стане после ухода ребят стало ещё сиротливее. Над брошенными тракторами кружили грачи.

Станислав пошёл к бригадиру. Ефимчук садился обедать. Его железная миска со щами по обыкновению плавала в другой, наполненной до половины холодной водой. Не мог Ефимчук подолгу обедать, вот и остужал калёные щи. Он хлебнул, обжёгся и, отложив ложку, стал что-то писать, пачкая соляжкой бумагу.

Станислав засмотрелся на бригадира. Лысоватый, смуглое остроносое лицо за эти дни совсем осунулось, но глаза горели – воспалённо, гневно. Наверное, объяснительную пишет по поводу тех... Станиславу захотелось как-то ободрить бригадира, да в недобрую минуту подошёл.

– А, и ты, Битюгин, за расчётом, – круто начал Ефимчук, не дав Станиславу и рта раскрыть. Глаза его стали ещё злее. – Я тем героям не успел кое-что сказать, так тебе выложу. Ты их, поди, встретишь – перекаати-поле в один овраг скатываются. Так вот, передай им, Битюгин, что нам такие покорители целины не нужны! Ни нам, ни соседним совхозам. Ишь, герои! Целину разворотили, вековой ковыль вверх тормашками перевернули. Подвиг, да? А я тебе скажу по-другому. Подлость это – расковырять землю и сбежать. А кто же будет комки на «покорённой целине» разбивать, кто сеять должен, урожай кто будет собирать? Кто нам дома тут построит, гаражи и мастерские? Кто целину обживать будет, да так, чтоб сады у домов цвели, ребятня чтоб кругом мельтешила? Что ты мне на это скажешь, Битюгин?

У Станислава перехватило горло от обиды, от горячих и верных слов Ефимчука. Говорить он ничего не мог. Косо оглядел столовку. Слава богу, никого здесь не было. Только повариха

Маша Плотникова, «бригадная мама», как её называли, печально посматривала на нетронутый Ефимчуком обед.

Станислав повернулся и вышел. Пусть думает Ефимчук, что хочет. Даже то, будто эта гневная речь убедила его остаться. Да, пусть так думает, если от этого будет ему легче...

...Никто в роду Битюгиных не был хлеборобом, а вот ехал он как-то летом мимо того – перепаханного и засеянного – поля и не утерпел, остановил трактор. Поля-то не узнать! Вместо чёрной зыби под свежим ветерком бежали в маревую бесконечность зелёные разгульные волны. И захотелось петь, бежать за этими изумрудными валами, отдаться их вольной стихии. Вдруг простая мысль объяснила причину этого небывалого волнения: «Да это же твоё поле! Ты дал ему жизнь, это *твоя* пшеница выбросила колос, тебе, выходит, и убирать урожай».

– Слушай, Стасик, ты стихи случаем не сочиняешь? – спросил его как-то напарник Ворошков.

– Нет. Даже в голову не приходило.

– Ну и зря. Вот у меня один мотивчик витает, – Николай покрутил над головой растопыренными пальцами, – чую, ухвачу его. Уборочный такой мотив. А вот слов нет.

– Да ты что, музыку сочиняешь? – удивился ещё более Станислав.

– Да, есть у меня две-три песенки. В Москве наша заводская самодеятельность исполняла. Вроде понравилось. Я так думаю, каждый человек должен что-то сочинить. Такое, чтоб по душе. Один – стихи, другой – конструкцию или проект. Без этого кисло жить.

Станислав вздохнул:

– Видать, мне сочинителем не быть.

– Это почему? Что, стихи не пишешь?

– И вообще.

– Неправда. На целину ты ведь сам собрался?

– Сам. Так что из того?

– Вот ты уже и сочинитель. Биографию свою сам делаешь, а не по течению плывёшь. Или вот – к лопастям мотвила ты брезентовые ремни прибил. Помнишь, когда низкую пшеницу убрали, на солонцах? И хорошо у

тебя получилось, товарищ конструктор. Опять вышло – не по шаблону работаешь. А как думаешь, почему?

– Да я всё, чтоб лучше, – засмутился Станислав.

– Во! Дошли до главного. Совесть у тебя есть. А у кого она есть, тот обязательно станет сочинителем. Значит, так и договоримся: за совесть – двумя руками. Будешь за неё держаться – никогда не заблукнешь...

Этот разговор вспомнился Станиславу в вагоне – ехал он в отпуск в свой Рославль. Снова была зима, но, слава богу, не было Улинкова. Где он сейчас? Поди, опять в Рославле. Не хотелось бы сейчас с ним встретиться и вообще – ни с кем из знакомых: смущал Станислава... его костюм. Ехал он в том самом рославльском пальто – изрядно обносившемся, обвисшем. Хорош, скажут, целинник, в старых обносках ходит! И ведь не объяснишь каждому, что денег у него на пять пальто хватит, но недосуг там, на целине, за обновками гоняться...

А дома приезд Станислава постарались воспринять как окончательное возвращение. Особенно мать. Она ревностно следила за тем, чтобы сын не ходил за водой или не вздумал нарубить дров, готовила отменные обеды. Стасик мог валяться в постели сколько вздумается. Каждый день – вечеринка. И девушек не забудут пригласить. Ну разве не рай в Рославле?!

А на целине? Вон, ребята оттуда вернулись, такие страхи нарасказывали. И замерзают, и по пять раз женятся. Да ещё без родительского глаза. Вот и куролесят...

– Оставайся, Стасичка! Послушай мать – хватит тебе мыкаться по свету.

А Станислав уже на третий день гостевания заскучал. От безделья, что ли, или от тоски по тому, что осталось там, в степи. Вдруг показалась ему щемяще дорогой и та долгая дорога от Есиля до совхоза, и ночь на стульях парторга, и кружение по полям – без конца, без края. Странно, чем труднее приходилось, тем дороже эти моменты в памяти.

В довершение приснился Станиславу странный, беспокойный сон: возле его разобранного трактора взад-вперёд ходил смурной Ефимчук и приговаривал: «Все они в один овраг

скатываются – перекаати-поле...» А возле бригадира – одна повариха Маша. Она наливала в миску щи и снова выливала в бачок. Наливала и выливала. Есть было некому.

Станислав уехал из Рославля, не дождав-шись окончания отпуска...

3. ВОЛОНТАРИСТСКАЯ БОРОЗДА

В свой очередной приезд на казахстанскую целину её главный радетель Никита Сергеевич Хрущёв посетил Всесоюзный институт зернового хозяйства близ станции Шортанды, а я, разъездной корреспондент «Молодого целинника», получил почётное задание написать об этом репортаж.

Высокого гостя ведущие учёные института и мы, журналисты, ожидали на площадке, где была выставлена новая сельхозтехника. С трёх сторон площадка ограждалась канатом, а с четвёртой – примыкала к неказистому одноэтажному клубу, в котором и намечалось провести встречу. По слухам, Хрущёв должен был прибыть на персональном автомобиле, который, в свою очередь, заблаговременно доставили из Москвы в специальном вагоне, имевшем въездной трап.

Наконец вместительный чёрный лимузин вкатился прямо на выставочную площадку, и из него вышел тот, кого ожидала не только наша рабочая группа, назовём её так, но и приличная толпа рядовых сотрудников института и местных жителей, стоявших в два-три ряда по другую сторону оградительного каната. На главном целиннике была каракулевая шапка-«гоголь» и светлое полупальто, что выделяло его на тёмном фоне свиты.

Когда при осмотре уборочной и почвообрабатывающей техники Хрущёв и «сопровождающие лица» приблизились к людям, стоявшим за ограждением, кто-то из мужчин просяще крикнул: «Никита Сергеевич! Обратите внимание на рабочий класс!» Казалось бы, что стоило лишённому чопорности вождю, к тому же бывшему шахтёру, вынуть руки из карманов и приветно помахать людям, а то и подойти к ним, как это позже любил проделывать другой «Сергеевич» во время своих визитов, но Хрущёв

почему-то даже не повернул головы на этот голос из толпы. Объяснения этому эпизоду, оставившему неприятный осадок, я не нахожу и поныне.

Зато осмотр новой сельхозтехники не был верхоглядским и вызвал у Никиты Сергеевича одобрительные отзывы. Касалось это и широкзахватных жаток, и плоскорезов (своих и канадских), рыхливших почву с сохранением стерни, и сеялок, способных производить сев на полях, обработанных плоскорезами. «Вот то, что нам надо, – оценил Хрущёв новую технику и добавил: – Надо дать ей путёвку в жизнь».

После осмотра техники все пошли в клуб для беседы. У дверей, ведущих в зал, уже стояла охрана – два дюжих молодца в штатском. Они пропустили учёных, корреспондентов центральных газет, а нас, представителей местной прессы, тормознули. Со скрипом впустили газетчика партийного «Целинного края». Его коллегу из казахской «Тын олжеси» почему-то завернули, а после его второй попытки послали куда подальше. Если так обращались с партийцами, то чего ждать мне, комсомольцу? И всё же я затряс своим красным удостоверением и командировкой, напомнив, что целину поднимает молодёжь, что наша комсомольская газета имеет сто тысяч читателей и как же оставить их без рассказа о важной встрече Никиты Сергеевича? Поморщив крепкие лбы, привратники недовольно расступились: «Проходи... И чтоб ниже травы, тише воды! Понятно?» Ну как не понять?..

В тесном зальчике для Хрущёва были сдвинуты два стола, а вплотную к ним в несколько рядов – стулья. Я сел в третьем ряду – благо свободных мест напротив крутого на выходки и реплики генсека было немало.

Совещание длилось более двух часов, без перерыва. Ведущие учёные института делали обстоятельные доклады по основным зерновым и бобовым культурам на целине, в том числе, конечно, и по кукурузе. Удивительно, но Никита Сергеевич все сообщения слушал очень внимательно, иногда что-то спрашивал, уточнял, причём чувствовалось знание предмета.

Когда стало душновато, Хрущёв снял пиджак, повесил его на спинку стула и в своей

белой вышитой косоворотке стал выглядеть добродушно, по-домашнему. Последним делом сообщение директор института Бараев. Минут двадцать Александр Иванович обосновывал целесообразность строительства плотин и запруд на балках и речушках для сбора талых вод – с целью полива и рыбозаведения. Хрущёв слушал молча. Когда доклад был окончен, он, будто очнувшись, вдруг спросил: «Так что вы хотели сказать?» Вопрос прозвучал убийственно: доклад или не слушали, или не принимали всерьёз. Стушевавшись, Бараев был вынужден в нескольких словах повторить суть: надо, мол, строить плотины, запруды... «Так стройте! Кто вам не даёт?» – резко бросил Хрущёв и перешёл к заключительному слову.

В своём коротком репортаже, названном несколько витиевато («Указка времени коснулась Шортанды»), я положительно отозвался об институте, привёл слова Хрущёва о показанной ему технике – «вот то, что нам надо», – а также сообщил о главном выводе совещания в Шортанды – сосредоточить дополнительные усилия на выращивании и значительном расширении площадей гороха – главной бобовой культуры на целине.

К моему удивлению, в пресс-группе Хрущёва моим репортажем остались недовольны. Вроде бы оценкой деятельности института. Причина стала ясна мне после речи Хрущёва, которую он произнёс на открывшемся через два дня зональном совещании работников целинных хозяйств. Система земледелия, разработанная в институте Бараева (использование в севообороте до 30 процентов чистых паров), была подвергнута критике; ей противопоставлялась пропашная система А. Г. Наливайко из Алтайского института земледелия (у Наливайко практиковался так называемый «занятый пар», а чистому отводилось 1–2 процента пашни). Критерий для сравнения двух систем был в духе Хрущёва: у Наливайко в тот год оказался выше урожай на один гектар пашни. Даже без учёта разницы почво-климатических зон двух институтов, здесь не учитывались вредные последствия, к которым могла привести интенсификация в обработке почвы – её измельчение, пыльные бури.

В научном споре между системами земледелия Бараева и Наливайко, споре, требовавшем проверки временем, Хрущёв, движимый идеями «догнать и перегнать» (США), поспешил отдать предпочтение пропашной системе Наливайко («...мы поднимаем руку за товарища Наливайко»). Не удержался Никита Сергеевич и от забористой шутки: «Что касается... системы земледелия, то здесь, тов. Бараев, вам придётся поучиться у тов. Наливайко и тов. Кан Де Хана – председателя колхоза “18 лет Казахстана”... Он вам, если можно так сказать, не одну блоху под рубаху пустит...»

После критики Хрущёвым чистого пара – основного гаранта урожаев в засушливые годы – без должной поддержки оказалась почвозащитная система опального Бараева. В результате целина столкнулась с грозной проблемой – пыльными бурями, уносившими гумус с миллионов гектаров полей. Кроме того, сокращение чистого пара привело к другой беде – засорению посевов. Эту проблему усугубляло и то, что в отдельные годы при гибели озимых в европейской части Союза по приказу из Москвы в авральном порядке увеличивали площади посева на целине. Как правило, их засевали с нарушениями агротехники, сорными семенами. В итоге вместо бескрайних чистых морей пшеницы, рисовавшихся в воображении стратегов целинного штурма, на отдельных фронтах оказывались земляные сугробы и царство овсяга с осотом.

Говоря шире, это были последствия не только осуждённого позже хрущёвского волюнтаризма, но и не изжитой поныне привычки партийной и чиновничьей братии заглядывать в рот вождям и бездумно исполнять всё, что исходит от них.

Позже, после ухода Хрущёва, почвозащитная система Бараева была вновь возвращена и даже оценена Ленинской премией, а потери от тех лет гонений на неё были списаны, как списывались многие тысячи машин, разбитых и раскуроченных механизаторами, «на сезон». (Бытовала поговорка: «Целина спишет».)

И всё же в целом целина состоялась, окупилась – недаром в год её 25-летия Леонид Ильич в своих «Воспоминаниях» попытался

присвоить себе все её достижения. А они были немалыми: в Сибири и Казахстане подняли и освоили 42 миллиона гектаров степей, создали более 600 совхозов. Первый «целинный блин» не вышел комом. На поднятых и засеянных тринадцати (!) миллионах гектаров был получен хороший урожай. «Целинный каравай» был весом настолько, что, к примеру, в наших общественных столовых хлеб стал бесплатным. С тарелкой супа мы, студенты, уминали горы щедро нарезанного хлеба и, оглянувшись по сторонам, опрокидывали в «балетки» оставшуюся наличность. Конечно, бесплатным хлеб был условно – за него кому-то недоплачивали, да и мы сами с лихвой отрабатывали его на уборке, куда нас регулярно вывозили по осени. И всё же... спасибо первопроходцам и, конечно, Никите за тот целинный хлебушек, за волонтеристски зачатую целинную борозду!

Спасибо ему и за так называемую «хрущёвскую оттепель», свежий ветер которой был особо ощутим для нас, газетчиков. Мы прощали ему и неумение правильно произносить некоторые слова («современный», «коммунизм» и т. д.), и далеко не арийский облик. Нам импонировало его умение образно и просто объяснить сложную проблему, к месту вернуть меткое словцо или поговорку (исключая, пожалуй, «кузькину мать», которой он пригрозил кому-то в Америке). Не в пример нынешним руководителям РФ, объясняющимся с народом через министров и придворных тележурналистов, Хрущёв умел говорить с людьми напрямую, чувствовалось, что он хотел им помочь во всяком деле – касалось ли оно внедрения «ёлочек», освобождавших доярок от тяжёлого ручного труда, или использования самана и камышита во время нехватки стройматериалов. Если же Никита Сергеевич что-то не принимал (иногда не понимая сути), тут он был непримирим и даже груб. Помню, как неприятно поразила меня резкость, с которой на одном из бесчисленных совещаний Хрущёв отчитал полевого бригадира, заикнувшегося о наболевшем – строительстве внутрихозяйственных дорог.

Как известно, памятник на могиле целинника № 1 по просьбе его родных спроектировал Эрнст Неизвестный: бронзовая голова на фоне

белых и чёрных мраморных квадратов. Символика чёрного и белого понятна, это начала добра и зла. Но таковые есть в каждом человеке. Я же мог бы предложить Неизвестному, если бы был знаком с его заданием, идею более впечатляющего надгробия: золотой кукурузный початок, где вместо зёрен вмонтированы мини-голова Хрущёва. Ведь Никита Сергеевич был действительно многолик, какими только идеями и реформами он не сотрясал советское общество, да и весь мир. На золотом початке из голов стоило бы обязательно оставить редкую поросль кукурузных волос («рылец»), вставших дыбом. Поясню: с редкой порослью на голове Никиты Сергеевича, выйди он из могилы, случилось бы то же: Союз развалили, Крым уплывал за кордон, часть поднятой целины, которую он лелеял, – туда же. А сколько при этом размётано, разделено, искалечено судеб! Хорошо бы извлечь из произошедшего урок. И «верховным правителям», и «молчаливому большинству».

4. ЦЕЛИНОГРАД БОЛИТ В МОЕЙ ДУШЕ

Вспоминаю весну 2011 года...

Два часа ночи. Самый сон.

– Петропавловск! Приготовьте билеты и паспорта!

Зычный голос проводницы и ярко вспыхнувший свет будят пассажиров. Те недовольно ворчат:

– Надо же: русский город на Транссибе, а оказался за рубежом!

– Ельцина бы с постели сюда!

– С алкашей какой спрос? А вот куда нынешние правители смотрят?

Я уже наслушался подобных, если не похлеще, реплик, когда проходил более тщательный контроль на казахстанской таможне близ Славгорода. С вещами мы тащились в регистрационный зал, в отличие от нашего, показушно обставленный новейшим оборудованием: тут тебе и телеглаз, и сканер для багажа. Среди сотрудников в новенькой униформе не замечаю ни одного славянского лица...

Повторю за поэтом: «Всё это было бы смешно...» А грусть моя отнюдь не из-за мы-

тарств с багажом или ночной «зачистки». Нет, я печалюсь, и не только на таможне, совсем по иному поводу. Ведь я знал и другие – благословенные – времена, когда жил и работал по ту сторону произвольно нарезанной границы. Вот и после петропавловской побудки я долго не мог уснуть и под стук колёс вновь и вновь перелистывал страницы своей целинной юности, вспоминал друзей, на встречу с которыми ехал сейчас в Москву, и всё более убеждался: а ведь мы жили и работали в будущем, словно в том самом «Городе солнца», о котором, кроме Кампанеллы, испокон веков мечтали справедливые и романтические умы...

В настоящее время мало кто помнит, а то и вообще знает, что в истории целинной эпопеи, бурно стартовавшей весной 1954 года, был второй, не менее значительный этап, связанный с образованием в 1961 году Целинного края из пяти областей: Акмолинской, Кустанайской, Кокчетавской, Павлодарской и Северо-Казахстанской (Петропавловск). В тот год целина как бы переживала второе рождение. Новый край со столицей Целиноградом (бывший Акмолинск), три новые газеты: «Целинный край», «Тын олкеси» (на казахском) и наша комсомольская – «Молодой целинник». 13 марта 1961 года вышел её первый номер – дата, чтимая нами не меньше, чем день собственного рождения.

Если я скажу, что наша газета была большого формата, выходила пять раз в неделю и имела нарастающий год от года тираж – 50, 80, 100 тысяч, то скажу о ней очень мало, во всяком случае, не самое главное. Целину, как известно, осваивала вся страна. Наша газета в этом смысле не была исключением. Из ста претендентов первый редактор Валентин Осипов десятерых отобрал из Москвы и Кустаная (в том числе меня), по тройке – из Ленинграда, Алма-Аты, по два – из Кишинёва, Свердловска, Саратова и Улан-Удэ. Новосибирск был представлен в газете Ниной Кулик и Ритой Поповой-Зеленской. Даже по географии такого маленького коллектива, как наша газета, можно судить, насколько была притягательна работа «в крае целинного подвига». И ведь знали, что едем не на готовое, что о квартире в первые

два года не стоит и речи заводить.

Редакцию временно разместили в четырёх кабинетах железнодорожного техникума, в каждом – по два-три отдела. А жили где придётся: одни – в гостинице, другие – в старых «колчаковских» вагонах, семейные – на квартирах. А мы – самые молодые и неприветливые – тут же, в редакции. Удобно: отработал, попил чайку – и растягивайся на письменном столе, застланном подшивками «Кустанайского комсомольца», припорошенного «Молодым целинником». Для полноты картины такая деталь: единственный на всю редакцию телефон – предусмотрительно на тридцатиметровом проводе. Когда на собраниях звонили с междугородной (а звонили то и дело), абонент брал под мышку аппарат и, волоча шнур, удалялся в коридор для разговора.

Не забыть наши летучки. Это были вариации Страшного суда. Кровопускания не избегал никто. Как беспощадно каралось тут пустословие, поверхностная разработка темы! А удачи воспринимались как должное. Само собой: разве иначе позволительно писать на целине? Героика её первых лет и огромность новых задач – вот то, с чем постоянно сверяли свою работу.

Меня до сих пор занимает этот феномен «Молодого целинника», когда каждый из нас, даже новичок на газетной ниве, казалось бы, делал непосильное, раскрывая свои самые лучшие возможности и, не в последнюю очередь, человеческие качества. Что это было? Что за журналистский котёл гудел на целинном костре, варясь в котором каждый становился словно моложе, чище, талантливее? С одной стороны, тут многое определяло время так называемой хрущёвской оттепели. «Критикуйте, невзирая на лица, пишите раскованно, так, как требует тема и факт», – говорили нам. И мы так и поступали, следили, по чьим материалам принимались самые действенные меры.

С другой стороны, наши отношения пока не омрачали ни квартирный вопрос, ни мышиная возня интриг и амбиций, наблюдаемые почти в каждой редакции со стажем. Мы же начинали с чистого листа, стараясь, как при любом, даже случайном знакомстве, пока-

зывать себя с самой лучшей стороны. Вот и в командировках, знакомясь со своими героями, целинниками первых эшелонов, которые трудились в ещё более трудных условиях (палатки, вагончики, работа от зари до зари), мы невольно заряжались их энергией в большом деле, на фоне которого твои болячки и слабости просто не брались в расчёт. Иными словами, здесь побеждал и работал тот самый дух советского коллективизма, который не в чести у нынешних «хозяев жизни».

Благодарю судьбу за то, что, мотаясь по степным просторам с их несравненным ароматом купающихся в солнце трав и злаков, я погружался и в эту живительную атмосферу коллективизма, где главенствовали самые чистые отношения людей, спаянных делом, непоколебимым для одиночки. Говоря по-иному, все мы, молодоцелинники, становились духовной роднёй, узы которой покрепче кровных.

Повторю: вряд ли кто сейчас будет оспаривать то, что целина состоялась.

Расцвёл и неприметный город, ставший целинной столицей, где я прожил пять лет. Бывший глиняный Акмолинск принял от щедрот Никиты Сергеевича Хрущёва прекрасный Дворец целинников, вокзалы, целые улицы домов, построенных «с колёс». Были у нас дома «московские», «киевские», я жил в «ленинградском».

На 1963 год в крае проживало более трёх с половиной миллионов человек – почти треть населения республики. По Всесоюзной переписи 1959 года, русские составляли здесь 45% населения, украинцы – более 14%, белорусы, немцы, татары – 16%, представители титульной нации – казахи – около 19%. Поговаривали, что русскоязычный Целинный край может войти в состав РСФСР.

Казалось бы, живи, многонациональный край, богатей и развивайся. Ан нет. После смещения Хрущёва, как бы в пику его идеям, кунаку Брежнева Кунаеву было дозволено сложившийся во всех отношениях Целинный край расформировать, а краевые газеты, соответственно, закрыть. Но это была лишь первая административная гримаса на светлом лице края, называемого «Планета целина». Вторая и самая

зловещая пришла из Беловежья – вместе с винными парами трёх славянских президентов, преступно приговоривших к смерти Советский Союз. В одночасье бывший Целинный край со своим романтическим русскоязычным населением оказался за границей. Не имея никакой конституционной автономии и брошенное Россией на произвол судьбы, оно, это население, стало спасаться и выживать по принципу «кто как может».

Первыми от языкового и административного давления «акиматов», сплошь возглавляемых представителями титульной нации, стали уезжать немцы. Они снимались с насиженных мест целыми деревнями. Впрочем, им было куда бежать. А вот прочих нигде не ждали. Отдав за бесценок благоустроенное жильё и дачи, сестра моей жены и её взрослые дети уехали из Кустаная и теперь ютятся в домике с клочком земли в городке Михайловке Волгоградской области. Таких пострадавших – миллионы.

Чтобы подстегнуть исход русскоязычных из Казахстана, евразийцы сделали лисий ход, перенесли столицу в бывший центр Целинного края и в четвёртый раз поменяв его название (Акмолинск – Целиноград – Акмола – Астана. Теперь – Нурсултан). О какой автономии целинников можно было говорить?

Можно, конечно, сетовать на овечью покорность славянского большинства (увы, во многих местах, в том числе и в «северной столице», большинства уже бывшего), позволяющего националистам сносить памятники Ермаку и целинникам, повально переименовывать улицы и посёлки во славу безвестных кочевников, но главного упрека – в отсутствии отпора произволу правителей титульной нации – заслуживали руководители РФ.

На эту тему наша пресса и телевидение почти не говорили и не говорят. Лишь Александр Солженицын в своих «посильных соображениях» «Как нам обустроить Россию» (1990 г.) указал на безалаберную нарезку границ большевиками: «где кочевые стада раз в году проходят – то и Казахстан». Но в те годы вопрос границ, по выражению Ленина, был «даже десятистепенным». А посему в «Казахстан», до 1936 года бывший автономией РСФСР,

вошли и южная Сибирь, и южное Приуралье, «преображённые и восстроенные русскими, эсками да ссыльными народами». «И сегодня, – продолжал Солженицын, – во всем раздутом Казахстане казахов заметно меньше половины (было. – Ю. Ч.). Их сплотки, их устойчивая отечественная часть – это большая южная дуга областей... И коли в этом охвате они захотят отделиться – то и с Богом». За это вполне резонное соображение бывшему ээку Карлага казахские националисты пригрозили смертной казнью. А вот другого писателя – Лимонова – с его бутафорским планом партизанской войны в районе Усть-Каменогорска националистам не понадобилось пугать: его сажали на нары свои. Говоря о воинственном либо «тихушном» национализме, я не хочу бросить тень на гостеприимный казахский народ, о котором сужу не понаслышке. Речь – о части неблагодарной, с чванливой чиновничьей губой элите...

Вот такие светлые и грустные мысли вызвала у меня «петропавловская побудка». А когда было особенно тягостно, я подносил к глазам письмо-приглашение второго и последнего редактора «Молодого целинника» Володи Червякова: «Дорогой молодоцелинник! Где бы ты ни был 13 марта... давай в этот день в пятидесятый раз поздравим друг друга с днем рождения нашей газеты. И вспомним родную редакцию, нашу беспокойную работу, Целиноград, дорогую сердцу целину. По праву последнего редактора приглашаю всех к себе на юбилейную планерку. Откроет нашу встречу первый редактор Валентин Осипович Осипов и, как всегда, поименно назовет тех, кого уже нет с нами. Помянув ушедших, мы поднимем бокалы за нашу газету, за наше братство и молодость».

Всё так и было. Не передать всех чувств, с которыми мы – поседевшие, но с нестареющим блеском глаз – обнимали друг друга при встрече, говорили о прошлом и настоящем, убеждаясь, что никто из нас – в угоду сомнительным переменам – не перекарсился, не предал те светлые идеалы добра и справедливости, с которыми мы жили и работали в самой боевой и спартанской газете.

Думаю, что целинный старт сыграл ключе-

вую роль в творческой судьбе каждого из нас. Валентин Осипов после «Молодого целинника» возглавлял издательства «Молодая гвардия» и «Художественная литература», а сейчас он один из ведущих шолоховедов. Владимир Червяков длительное время был ответственным секретарём еженедельника «За рубежом» и организатором поставок русскоязычной прессы в Прибалтику. Юрий Калещук работал в журнале «Журналист» и газете «Алфавит», где напечатал, пожалуй, самую язвительную и разоблачительную статью «Панама» – про оберегаемого властями ваучерного афериста Чубайса. Стали писателями Пётр Скобелкин, Евгений Гушин, Адольф Дихтярь, Владимир Бараев, Сергей Смородкин и другие. Целинная закваска, убеждён, играет животворную роль и в творческой судьбе автора этих строк...

Пять лет, всего-то пять лет просуществовала наша газета «Молодой целинник», сгорев, как метеорит, в атмосфере политических и националистических козней, но свет её неугасим, коли до сих пор собирает нас вместе, укрепляя наш дух и веру в лучшее, что есть в человеке.

Наша журналистская целина

Когда мы были молодыми
И чушь прекрасную несли,
Мы были дружеством целинным
В тюльпанной маревой степи.
Тогда корысти мы не знали,
Стихи читали по ночам,
Друзьями были все и дали
Казались радужными нам.
Тогда целинники мы были
И нить прекрасную плели
О жизни дивной – славной были,
О том, как плуг веди в пыли.
Тогда газетчики мы были
И кочевали по полям,
Сугробы нас в степи белили,
Бураны оставляли шрамы.
Тогда романтики мы были,
Мы пели песни у костра,
Мы беззаботно прямо плыли,
Наивно верили в гребца.
Прекрасное то время было,
Как первородная любовь,
Не порастет быльём и илом,
А вспыхнет и осветит вновь.

Луиза СВИТИЧ

ЖУРНАЛИСТЫ НА ЦЕЛИНЕ

Целинная журналистика – очень важная веха в истории нашей прессы. Много интересного и поучительного было в организации работы редакции, в самих принципах и подходах к журналистскому делу, к профессии.

Конечно, это была другая журналистика, чем сейчас. Но это была хорошая, талантливая журналистика, уважающая читателя и уважаемая им, позитивная, но очень зубастая, разножанровая, разнообразная по содержанию и стилистическим приёмам. Она поднимала важные проблемы, глубоко исследовала их со всех сторон. Она была смелой, действенной, равнодушной, помогала людям. Она была высоконравственной, в меру романтизированной и эмоциональной, как и положено было журналистике, которая помогала трудному и новому делу – освоению целины. Поразмыслив об этом, поняв, что целинная журналистика – интересный и своеобразный феномен, я решила написать о нашей редакции «Целинный край».

Целина началась с 1954 года. Стране не хватало хлеба, и Хрущёв решил распахать вековые степи, чтобы накормить народ.

В 1953–1958 годах посевные площади расширились с 9,7 до 28,7 млн га, валовой сбор зерна – с 332 млн до 1 343 млн пудов. В марте 1954 года в Казахстан приехали 250 тыс. комсомольцев. Все газеты были полны призывов ехать на целину и рассказов о первых добровольцах. Тогда мы с упоением смотрели фильм Михаила Калатозова «Первый эшелон», который был снят в 1955 году по сценарию Николая Погодина. В нём играли первоцелинников Всеволод Санаев, Олег Ефремов, Нина Дорошина, Татьяна Дорошина, Изольда Извицкая. Нам хотелось туда, в целинные степи, где романтика, где трудности, настоящие дела и необычные люди.

И вот мне повезло. В 1957 году мы, третьекурсники филфака Пермского университета, поехали работать на целину в летние каникулы. Это была Омская область, совхоз им. Эрнста Тельмана, названный в честь известного немецкого коммуниста. Жили мы в саманном домике и спали все вповалку на земляном полу, покрытом соломой. Какая-то самодельная печурка, на которой готовили еду, стояла на улице рядом с саманушкой. Совхоз был немецкий, каких много тогда было на целине. Поволжских немцев в своё время выселили в эти места.

Работали мы прицепщиками на комбайне. Целыми днями, до ночи. Ехали на прицепе комбайна, и когда он наполнялся соломой, нужно

было нажимать рычаг и выпускать копну на стерню. Однако солома часто была влажная, не хотела вываливаться, и тогда мы прыгали на неё и отжимали собственным весом, упираясь руками в раму прицепа. Это была тяжёлая для девушек работа, лицо и одежду покрывала серая остьца от соломы. Порой было трудно дышать, особенно в жару. Но мы не жаловались. Комбайны были огромные, назывались «Сталинец».

Потом мы работали на току, перелопачивали горы зерна. Никогда не забыть этого ощущения от высоких многометровых гор золотистой пшеницы под ярким солнцем и себя с деревянной лопатой, перекидывающей это сыпучее зерновое море. Перелопачивали, чтобы пшеница не прела. Помню бесконечные вереницы машин, которые увозили зерно на элеваторы. Это была грандиозная картина – лента машин до горизонта в бескрайней, безлесой, сухой степи! Уставали очень. Но были молодые и жили весело.

После окончания филфака я попала в газету. Весь наш выпуск послали не в школы, как бывало прежде с филологами, а в районные газеты, чтобы укрепить их молодыми, умеющими писать, образованными людьми. Пермский филфак, к слову сказать, был одним из лучших в стране, потому что ещё в 1916 году он был создан как филиал Санкт-Петербургского университета, и с тех пор филологическая школа одного из старейших университетов страны жила и развивалась.

За два года, которые проработала в этой газете, я досконально усвоила, что такое свиноматка и какой она даёт приплод, сколько литров молока надаивает корова-рекордсменка за день, какие бывают комбайны, в чём состоят секреты правильной агротехники и многое-многое другое. Мне было приятно, когда колхозники или руководители хозяйств осведомлялись, не сельскохозяйственное ли у меня образование.

Осенью 1961 года я приехала в Целиноград, тогда целинный край только образовался. Редакция газеты «Целинный край» ещё находилась в стареньком деревянном, но очень уютном домике. Редактором был прекрасный журналист, бывший ответсекретарь «Правды» Георгий Константинович Обьедков, немножко грузный, добрый, мудрый человек, профессионал высшей пробы, он собрал вокруг себя замечательных журналистов. И очень много дал нам – молодым.

В разное время в редакции «Целинного края» и его наследницы «Целиноградской правды» работали замечательные журналисты, приехавшие в газету из разных городов: Юра Боков, Витя Листов, Вася Наумов, Лёня Калашников, Лёня Филипченко, Олег Степаненко, Петя Побережников, Володя Севастьянов, Павел Петров, Саша Анисимов, Алла Горчева, Герман Орловский, Люция Данеловна Тогоева, Валя Ильясова, Люся Помыткина, Ира и Слава Пинчуки, Гена Вершинин и Гена Ударцев, Володя Чирков и Володя Чумичёв, Буген Ибраев, Вилен Филинский, Георгий Нагаев, Николай Кукин. В редакции были сильные фоторепортёры – Саша Куриленко, Леша Варфаломеев, Ефим Лукин, талантливые художники – Миша Саламатов, Ваня Свитиш, карикатурист Игорь Кабак. Боюсь кого-нибудь пропустить. Штат редакции был большой, включал и соборов в пяти областях.

Самые талантливые перья первых лет «Целинного края» – Гриша Фрумкин и Толя Стреляный, сейчас оба известные московские журналисты. Толя много лет потом работал на радиостанции «Свобода». Мне не всегда близки его взгляды, но то, что он талантливый журналист, ни тогда, ни сейчас ни у кого не вызывает сомнения. На целине Гриша с Толей писали

вдвоём, за двумя подписями. Как правило, это были самые проблемные и «убойные» материалы – они всегда «висели» на доске лучших и вызывали отклики читателей.

И жили они в одной квартире в доме на берегу Ишима, где редакции дали несколько квартир. Когда приехала я, ребята поступили в высшей степени благородно – отдали одну комнату мне и поселились вдвоём в другой. В доме постоянно ночевал кто-то из наших героев – то знаменитый тракторист Михаил Довжик, с которым мы приятельствовали тогда, то ещё кто-нибудь.

Если я дежурила по номеру, ребята меня встречали, хотя от типографии до нашего дома было рукой подать. В Целинограде в то время страшновато было ходить вечером, и Толя Стреляный всегда носил с собой маленький топорик во внутреннем кармане пальто.

Итак, Обьедков взял меня на испытательный срок и дал мне первое задание – сделать рейд по магазинам Целинограда. Я делаю целую полосу, приношу ему и с трепетом жду приговора. Он зовёт меня в кабинет и, опустив голову, глухим голосом говорит, что я справилась и он берёт меня в редакцию. Восемь лет я проработала в этой газете, сначала в отделе культуры, потом в секретариате, была заместителем ответсекретаря и по совместительству спецкором, в последние годы – заведующей отделом писем.

Мне нравились все мои отделы, но больше всего – секретариат. Очень любила рисовать макеты (наверное, сказывалась любовь к живописи и родственные связи), доводить их до эстетически законченного вида, и была довольна, когда газета оказывалась хорошо смакетирована, свёрстана и отпечатана.

Но в секретариате мне нравилось и другое. Наш мудрый ответсекретарь Давид Абрамович Быховский поставил такой эксперимент – взял к себе трёх заместителей. Каждый из них одну неделю вёл номер, а две недели, исполняя роль спецкора, ездил в командировки и писал свои материалы.

О командировках стоит сказать отдельно. Край был огромный, пять областей. Приходилось до областных центров летать самолётом

Луиза Свитич. В руках газета «Целинный край», где она проработала в отделе культуры, секретариате и в отделе писем с 1961 по 1969 год

Спецкор «Целинного края» Луиза Свитич в командировке по заданию редакции

или ехать пассажирским поездом. Но на местах добраться до совхоза или тем более до бригады было порой очень сложно. Особенно весной и осенью, в непролазную грязь. Дорог нормальных практически не было. Часто приходилось ездить на тракторе, при этом подолгу ждать оказии. Зимы холодные, с ветрами, буранами – в открытой степи ветру не за что зацепиться и он разгоняется до больших скоростей. Не раз буран заставал в степи. Особенно помню одну поездку, когда нашу машину буквально занесло чуть ли не с головой. Вытащил нас трактор, когда буран стих, но я до сих пор помню это чувство страха и безнадёжности. Зато какой красивой была степь весной и ранним летом, когда цвели тюльпаны. Море тюльпанов! И серебрился ковыльный океан.

Вообще степь до горизонта и ты наедине с небом – это неповторимо. Когда я на лето

уезжала к маме в Котельнич, мне всё казалось тесным, замкнутое пространство мешало смотреть и дышать. Степной человек долго привыкает к средней полосе с её ограниченными пространствами. Особенно к тесноте городов.

О первоцелиннике Рагузове писали много. В 1982 году в серии «Жизнь замечательных людей» вышла книжка «Правофланговые комсомола», где есть очерк В. Чубара «Василий Рагузов». Журналист «Молодого целинника» Адольф Дихтярь написал поэму «Рагузовская сопка».

А тогда я была одной из первых, кто написал о Рагузове, и точно единственной, кто съездил во Львов, где жила его семья – жена и два сына. Я сделала целую полосу «Бессмертие Василия Рагузова» с эксклюзивной, как бы сейчас сказали, информацией и снимками семьи. К сожалению, публикация эта у меня не сохранилась, поэтому я приведу отрывок из книги

Брежнева «Целина». Журналисты, которые писали эту книгу за Брежнева, пользовались нашими материалами.

«Зима 1954 года выдалась суровой, на редкость снежной, морозной. Целина сразу, "с порога", испытывала новосёлов, обрушивала на них свой крутой, неласковый нрав. Не умолкая, завывали пронизывающие ветры, и каждый рейс по степи был необычайно трудным, а мог стать и опасным. Между тем тысячи тракторов, сотни автопоездов должны были пробиваться к ещё не существующим совхозам по бездорожью, сквозь ветер и снег... Достаточно малой ошибки, случайности, неожиданно заглохшего мотора, и человек остаётся со степью один на один – без дороги, на морозе, в кромешной мгле. Помню, как всех на целине потрясла гибель студента-заочника Львовского строительного института Василия Рагузова.

Одним из первых он приехал в совхоз "Киевский" и стал работать прорабом. Способный организатор, хороший товарищ, человек весёлого, общительного нрава, он быстро завоевал авторитет, уважение и любовь первоцелинников. В один из ясных дней в составе колонны Рагузов вёз со станции сборные дома для первой совхозной улицы. Неожиданно начался необычайной силы бурян, длившийся потом несколько суток. Колонна остановилась, Василий решил идти за помощью. Пошёл один, заблудился и погиб. Это был мужественный, огромной воли человек. Вот письмо, найденное у него в кармане: "Нашедшему эту книжку! Дорогой товарищ, не сочти за труд, передай написанное здесь в г. Львов, ул. Гончарова, 15, кв. 1, Рагузовой Серафиме Васильевне.

Дорогая моя Симочка! Не надо слёз. Знаю, что будет тебе трудно, но что поделаешь, если со мной такое. Кругом степь – ни конца, ни края. Иду просто наугад. Буря заканчивается, но горизонта не видно, чтобы сориентироваться. Если же меня не будет, воспитай сыновей так, чтобы они были людьми. Эх, жизнь, как хочется жить! Крепко целую. Навеки твой Василий".

Сознавая, что погибает, он сделал приписку – уже коченеющими, замерзающими пальцами: "Сыновьям Владимиру и Алексан-

дру Рагузовым. Дорогие мои деточки, Вовушка и Сашунька! Я поехал на целину, чтобы наш народ жил богаче и краше. Я хотел, чтобы вы продолжили моё дело. Самое главное – нужно быть в жизни человеком. Целую вас, дорогие мои, крепко. Ваш папа". Письмо это, казалось бы, имело сугубо личный, семейный адрес. Но стало оно обращением ко всем живущим. Когда мне показали листки с расплывшимися буквами, когда разобрал их – перехватило горло. Позвонил журналистам, посоветовался, получив согласие жены, напечатал это письмо. Опубликовано в газете, оно вызвало десятки тысяч откликов по всей стране. Новые отряды добровольцев двинулись на целину, чтобы довести до конца дело, которое начали Василий Рагузов и подобные ему мужественные люди. Сопка, близ которой погиб Василий, названа теперь его именем».

Другим персонажем, который попал из наших публикаций в книгу «Целина», была Е. А. Зайчукова. Одной из первых была моя командировка в совхоз «Ижевский». Директором его была замечательная женщина Евдокия Андреевна Зайчукова. Решительная, чёткая, очень уважаемая рабочими мать-командирша. Я целый день ездила с ней по хозяйству, наблюдала, как она говорит с людьми, какие отдаёт распоряжения, как гоняет лентяев и прогульчиков. В редкие перерывы она отвечала на мои вопросы. Так родился очерк об этой удивительной женщине. К сожалению, он, как и многие другие памятные материалы, не сохранился в моём архиве. Но снова выручает брежневская книжка.

«Евдокия Андреевна Зайчукова приехала на целину, когда ей было уже под пятьдесят. Но сохранила в себе молодой задор, волю, крепкий характер, а главное, имела горячее сердце коммуниста и патриота. Глубоко осознанное стремление сделать для страны самое нужное, важное и полезное привело её к нам, дало ей силы создать в степях совхоз "Двуречный". Вскоре и эту женщину взяли на повышение, но, поработав на новом месте, она написала такое заявление: "Прошу направить меня в отстающий совхоз и обязуюсь вместе с коммунистами и всеми рабочими вывести его в число пере-

довых хозяйств Целиноградской области". И она сдержала слово: совхоз "Ижевский" вышел при ней на одно из первых мест. Семнадцать лет жизни отдала Евдокия Андреевна новой, полюбившейся ей земле. А когда умирала, попросила пришедших в больницу друзей только об одном: "Не ставьте никакой ограды на моей могиле, не отделяйте меня от степи..."»

Больше всего, пожалуй, я возилась с публикацией об одном агрономе, который работал в совхозе Павлодарской области, замечательном человеке Зеленине (уже не помню его имени), у которого был конфликт с первым секретарём обкома партии. Надо сказать, что мы могли критиковать и нередко критиковали даже первых секретарей обкомов партии, неприкосновенными были только секретари крайкома, органом которого мы являлись. Но на этот раз редактор не решился ставить материал в номер и тянул время. А через месяц я узнала, что Зеленин трагически погиб. Так этот материал и не был напечатан.

Вообще-то наша газета во главе с Шепелем была весьма зубастой и боевой. Обстановка в редакции была творческая. Хотя, конечно, мы были идеологическим рупором крайкома

и шире – партийным рупором. Но это как бы входило в нашу плоть и кровь, и мы редко рефлексировали по этому поводу. Тем более всё, что ниже крайкома, было абсолютно досягаемо для критики, и мы могли проверить любые финансовые и производственные структуры. Для журналистов не было преград. Тогда не было термина «журналистское расследование», потому что никто ничего не скрывал от журналиста; все обязаны были всё журналисту показать, предъявить, даже если очень этого не хотели. Мы были полномочными представителями партийного комитета, и, следовательно, начальники имели дело не столько с журналистом как профессионалом, сколько с представителем или «рупором» партийного комитета.

Нашей журналистской работой мы по мере сил и таланта (а талантливы, поверьте, были почти все) старались усиливать заряд энтузиазма, обновления, свежего ветра, творчества в нашей целинной жизни. Мы были и информаторами, и просветителями, и воспитателями, и чернорабочими этой нелёгкой обновляющейся после застоя жизни, которая ярко, как нигде, проявлялась именно на целине. Мы будоражили и вспахивали её, как вспахивали целинники

Коллектив редакции «Целинный край» на субботнике

тракторами землю, чтобы дать хлеб стране. Мы старались «накормить» людей качественным журналистским словом. Люди шли в газету за помощью, за поддержкой и всегда её получали. Читатель любил целинные газеты и доверял журналистам.

Проблем на целине было великое множество, как во всяком новом и трудном деле. Одна из них – лиманное залужение, о котором я писала в статье «Кладовые сена». На примере работы над этой статьёй хочу рассказать, как работали целинные журналисты над проблемными публикациями.

Собирала материал для неё месяца два. Изучала документальную информацию во Всесоюзном научно-исследовательском институте зернового хозяйства, который расположен в Шортанданском районе, общалась с учёными, которые разрабатывали метод лиманного залужения, с руководителями, специалистами нескольких хозяйств, областных организаций и проектных институтов. Раскрою эти источники подробнее. Побывала в отделе кормоводства Всесоюзного научно-исследовательского института зернового хозяйства, где поговорила с заведующим отделом и другими специалистами о преимуществах и технике лиманного залужения. Начальник районного сельхозуправления и секретарь райкома партии познакомили меня с планом мероприятий по выполнению решений пленума, где говорилось о необходимости строительства мелких водохозяйственных сооружений своими силами. Потом посмотрела, что делается для реализации этого решения на местах. В совхозе «Андреевский» об этом поведал директор, в «Петровском» – главный агроном, а в «Пригородном» – главный экономист. Потом пришлось поехать в мастерскую «Казсельхозтехники», расположенную в колхозе «18 лет Казахстана», выяснять у директора и старшего бухгалтера, почему не выполняются заявки совхозов на технику. В Целинограде работа по анализу проблемы продолжалась, потому что нужно было посетить ряд областных организаций, которые занимаются лиманным орошением. Говорила с главным агрономом «Целиноградводстроя», с начальником областного управления мелио-

рации и водного хозяйства, где познакомилась с их пятилетними планами работ, общалась с инженером-гидротехником и заведующим отделом земледелия облсельхозуправления. Много интересного о проблеме сообщили начальник целиноградской проектно-изыскательской экспедиции института «Казгипроводхоз» и специалисты институтов, которые могли бы проектировать лиманы, – «Целингипросельхоз», «Гипроземцелинсовхоз». Итак, посетила 12 организаций и хозяйств, поговорила с десятками людей. Изучила подробно документы, которые помогли понять проблему: решения пленума, план мероприятий по его реализации, планы облсельхозуправления и «Целиноградводстроя», профинпланы нескольких совхозов, познакомилась с проектной документацией нескольких институтов. Кроме того, изучала научные труды на эту тему, в частности книгу К. Д. Постоялкова «Освоение кормовых угодий Северного Казахстана» с предисловием к ней директора ВНИИЗХ (Всесоюзного научно-исследовательского института зернового хозяйства) академика А. И. Бараева. Таким образом, в работе над статьёй активно использовались практически все методы журналистской работы: наблюдение, интервью, анализ документов. Всё это помогло полно изучить проблему и пути её практического разрешения, причём противоположные позиции обязательно выяснялись у носителей разных точек зрения. И это была настоящая аналитическая и конструктивная помощь в решении реальных проблем.

Очень часто по таким публикациям принимались масштабные решения, распространяющие положительный опыт или вменяющие в обязанность разным организациям предпринимать конкретные действия. Весьма нередко нерадивые руководители лишались своих мест за нерасторопность. По форме статьи, конечно, разительно отличались от очерков, они были серьёзны, логичны, аргументированны, точны и лаконичны в выражении мыслей. Часто заканчивались дидактическим призывом ко власти имущим о том, что можно сделать для решения данной проблемы.

Луиза СВИТИЧ

ЦЕЛИННИКИ

65-летие освоения целины – хороший повод поразмышлять над нравственными уроками этого неординарного события в послевоенной истории нашей страны. А заодно и вспомнить свои трудовые студенческие будни, друзей-товарищей, с кем посчастливилось участвовать в этом поистине всенародном движении, потом и кровавыми мозолями утверждать это новое лингвистическое понятие – «целинник».

В четырёхтомном «Словаре русского языка» под редакцией А. И. Евгеньевой разъясняется: «Целинник – тот, кто осваивает целинные или залежные земли или работает на целине». И приводится пример: «Целинники Казахстана». Стало быть, мы, студенты Мичуринского пединститута, работавшие на уборке урожая в Актюбинской области, помогали не только убирать урожай, но и выкристаллизовывать это новое слово. А это уже кое-что...

За прошедшие десятилетия, в особенности на рубеже веков, произошла дегероизация и самого события, и понятий «целина», «целинник», и хотя в разряд архаизмов они не перешли, согласимся, что активность бытования их заметно поубавилась. Цель моих заметок – не то чтобы «снять заставить заново» эти лексемы, но пробудить большой интерес к этическим итогам означенных оными явлений.

Не так давно, а если быть точнее, то в 20-х числах августа 2001 года, проезжая на скором поезде Москва – Бишкек по актюбинской земле, среди ночи услышал знакомые названия станций: Яйсан, Мартук... Сердце застучало громче, прильнул к окну – даже бледные огоньки да

серые очертания зданий напомнили мне: здесь в июле 1957 и 1958 годов нас встречала целина... Зато на обратном пути не отходил от окна: могучий Тянь-Шань без конца и без края отливал серо-золотым гранитом, изукрашенным иссиня-оранжевыми снежными пятнами и куртинами, он то скрывался, то вновь накатывался волнами вершин и пел свои извечные песни...

А вот и Арал... Он поёт другие песни, прося пощады у человека. Чаше стали попадаться у полустанков верблюды – сначала по одному, то гордо вытянув шею, прислушиваясь к свисту тушканчиков и хомячков, то лениво шлёпая губами и лоя колючки, солончаки, перекасти-поле... Ближе к Аралу – уже внушительные

стада: в одном насчитал до двухсот и сбился, значит, Казахстан живёт! А вот и снова Мартук... Яйсан...

Высоко в небе лениво парят орлы всё так же, как и тогда. Однажды я едва не стал жертвой одного из них, что еле заметной точкой повис надо мной, когда я прилёг в копне соломы, и будто ждал, пока от жары, усталости и бессонницы веки сами смежались. Предупреждал ведь наш институтский руководитель Константин Николаевич Георг: не закрывать глаза, когда над тобой орёл... Обошлось: шрам на плече да перо в руке остались от того поединка.

Листаю чудом уцелевшую записную книжечку со скупыми строками записей там и тогда, пожелтевшие газеты – «Мичуринскую правду», «Комсомольское знамя» с моими заметками с целины по просьбе Леопольда Артуровича Израеловича и Полины Спивак: сами заголовки говорят о пафосе и настроении тех лет – «Работа хороша, лениться некогда», «На призыв комсомола отвечаем: есть», «Работа идёт дружно». Даже в мартукской районной газете «Колхозная правда» была статья «Студенты на целине». Перебираю путёвки, грамоты, значки, фотографии – всё память. Листаю роман Михаила Бубеннова «Орлиная степь» о московском добровольце Леониде Багрянцеве; спрашиваю в библиотеке роман Николая Вирты «Степь да степь кругом...» 1960 года – без результата. Широкое литературное полотно нашего земляка стоило бы издать снова, но он, как известно, не был в чести у Союза писателей: его то исключали, то восстанавливали, то снова исключали, несмотря на тройное лауреатство, а может, считали его мелкой игрушкой для репетиций накануне громких скандалов-исключений. Зато уж с брежневскими неопределённого жанра мемуарами явно перестарались и с тиражами, и с обсуждениями, и с премиями имени другого Ильича – всё это вносило сумятицу в умы и отчуждало даже и от самого явления, которое тоже постарались развенчать, дескать, и затевать эпопею не стоило.

Так ли?

Сегодня и сам Михаил Шолохов дискредитируется с его «Поднятой целиной»: школьная программа предусматривает изучение одного из его романов по выбору ученика и учителя. А каким будет «усмотрение» учителя, если он в институтских учебниках прочтёт, что у писателя «не хватило мужества сказать правду», что композиция «Поднятой целины» «держалась на прочном идеологическом каркасе» и тому подобные поздние умозаключения известного идеологического каркаса. О «Тихом Доне» сколько наговорено, что не только питомцам, но и учителю не переварить...

Тронет ли современного ученика сцена, где Давыдов пашет на быках колхозное поле? По большому счёту художественно убедительные строки не могут не запасть в ум и душу. Современный ученик скажет: было да прошло – сейчас трактором пашут...

Меня же, помню, тоже не слишком трогало, но потому, что картины нашей послевоенной колхозной жизни были куда страшнее и убедительнее. До сих пор в глазах стоит, как весенним днём тянут на колхозном поле плуг: в корень запрягся мой дядя Федя, только что пришедший с войны, трижды горевший в танке и дошедший-таки до Берлина. И вот теперь, в голодный сорок шестой год, он рядом с собой впрягает двух сестёр, по одну руку Грушу, мать мою, по другую – тётю Анюту, другие женщины деревни подсобляют, тоже надрываясь... Репинским бурлакам, мне казалось, было значительно легче, ибо баржа по воде хоть как-то может идти по инерции, а какая инерция у плуга, на лемехах которого налипли многопудовые пласты чернозёма? Они не поют «Дубинушку», изо всей силы пытаются лишь дотянуть до конца, чтобы с рыданиями повалиться и, вздохнув, снова тянуть; легко было лишь грачам, что, переваливаясь по борозде, выхватывали красных червей, деловито обгоняя друг друга...

Дядя Федя не выдержал: при первом призыве завербовался шахтёром в Кузбасс и позвал за собой сестру Анюту; у моей же матери отнялись ноги, полгода пролежала, приподнимаясь по верёвке, привязанной за кольцо в потолке, а я нёс на плече её годовой заработок по сто граммов на трудовень – десять килограммов зерна... Пухли с голоду. Не будь огорода – было бы и того хуже...

ТАК СКАЖИТЕ, СТОИЛО ЛИ ЗАТЕВАТЬ ЦЕЛИНУ?

Март пятьдесят четвёртого. Была такая же, как ныне, предвесенняя мгла. Рано обнажились поля, задышал на солнце жирный, напитанный влагой чернозём, обещая наконец-то урожай. А пока ранними утрами по морозцу с ведёрком ходим, пригибаясь, чтобы не увидели нас, по полю, выскиваем мёрзлые картофелины, чтобы, добавив горстку мучицы, испечь оладьи какого-то неопределённого серо-землистого цвета и до невыносимости противного вкуса – выбора не было, надо дотягивать до нового урожая. Мудрено ли догадаться, что весть о распашке целины вселяла хоть какую-то надежду на лучшее?

Вслед за дядей Федей из села подались на переселение в Ивановский район Амурской области ещё несколько семей, их провожали всем посёлком и отпевали, словно покойников...

И вот громом среди затянутого облаками предвесеннего неба призывно прогремел бодрый, напористый, но уже по-старчески надтреснутый голос шестидесятилетнего Никиты Хрущёва: «Даёшь целину!» Ему вторили «соратники»: таким же жестяным голосом – Михаил Суслов, стальным – Леонид Брежнев, молодыми задорными и подобострастными – комсомольские вожди Шелепин и Семичастный.

Пройдёт всего лишь десять лет, и они же, эти «соратнички», обвинят Хрущёва за ошибки в руководстве сельским хозяйством, а тогда, в пятьдесят четвёртом, даже такие эпитеты, как «гениальный, прозорливый, всемирно-исторический», казались им бедноватыми и недостаточно выразительными.

Митинги, собрания по всему необъятному Союзу – от Кушки до Архангельска и от Сахалина до Бреста. Прямо на митингах выписывались путёвки, играли оркестры, и вот уже с призывными полотнищами гремели первые поезда с техникой на платформах, тракторами, плугами, культиваторами, селялками, веялками, кранами, бульдозерами, машинами. На восток...

Замирали на разъездах даже скорые и курьерские, чтобы пропустить на однопутках

товарные эшелоны: целина ждала. Мы ходили на станцию смотреть это великое движение.

*Едем мы, друзья,
В дальние края,
Станем новосёлами...*

Песня лилась ежедневно – со сцены, по радио, на уроках пения. Хлеба ещё не было, а песня уже была. Газеты пестрели фотографиями добровольцев. Старики качали головами: опять наша чернозёмная степь оголяется и техникой, и людьми; лучшие тракторы и комбайны приказано готовить к отправке, а сами как...

Забегая вперёд, скажу: грандиозный масштабный план Хрущёва удался. За 1954–1960 годы освоено было 41,8 миллиона гектаров – площадь поболее иных европейских государств, подумать только! Если мы на своих шести-восьми сотках-то под зиму не успеем вспахать, то весной закрыть влагу вовремя не сможем, то самое благоприятное для сева время пропустим, а там... Результат не замедлил сказаться – не верилось, что скоро будем есть такой пышный, такой вкусный хлеб, и не только на целине, но у нас, в Мичуринске; во всех столовых на столах горки хлеба, и всё это бесплатно, причём из муки высшего качества... А что нам, студентам, нужно? После очередных лыжных соревнований берёшь десяток стаканов чаю, а хлеба ешь сколько хочешь, сердобольные официанты и с собой предложат взять, догадываясь о нашем скудном стипендиальном бюджете...

ТАК СТОИЛО ЛИ ОСВАИВАТЬ ЦЕЛИНУ? МЫ УБЕДИЛИСЬ – СТОИЛО!

Это, так сказать, материальный выигрыш, Хрущёв за короткий срок решил проблему с хлебом. И это в условиях железного занавеса, когда не нам помогали, а мы заботились о странах народной демократии, не говоря уж о развивающихся странах... Ныне-то поздним умом всё можно говорить и даже выскивать ошибки. Не вхожу в извечный спор учёных-почвоведов: стоило – не стоило... По большому счёту-то и атомные электростанции, и гидроэлектро-

Студенческий отряд МГПИ перед отправкой на целину

станции, и сверхзвуковые самолёты, не говоря о космических ракетах, – всё губительно для матушки-природы, а сотни машин мчатся по моему городу рядом с пешеходами, вдыхающими выхлопные газы, – не губительно для нас? Но, как говорится, цивилизацию не остановить. Тогда же выход нашли таким способом...

Но мы не хотим вспомнить о благотворном итоге: о той дружбе народов всех союзных республик, прежде всего молодёжи, том трудовом энтузиазме, который вовсе был не поддельным,

а добровольным и результативным.

Итог целины сведут на нет уже после освобождения Никиты Хрущёва, в октябре 1964 года, хотя пройдёт немного времени, и новый генсек «напишет» мемуары. И за мемуары, и за свою работу поздним числом получит награды самой высокой пробы...

Но вернёмся к предыдущему.

В 1957 году слово «целина» обрело для нас реальное и вполне конкретное содержание. Мы, первокурсники Мичуринского педа-

Центральный Комитет ВЛКСМ выражает твердую уверенность в том, что юноши и девушки Москвы, Ленинграда, союзных республик с горячим желанием поедут на уборку целинного урожая и не пожалуют своих сил в борьбе за хлеб.

Ваше активное участие в уборке урожая явится тем прекрасным, ощутимым вкладом в общенародное дело, который принесет радость вам и славу Отчизне.

(Из Обращения Центрального Комитета ВЛКСМ)

КОМСОМЛЬСКАЯ ПУТЕВКА

Выдана *Три вокзальных* 420
комсомола тов. *Субботину В.Н.*

в том, что он в ответ на призыв Центрального Комитета ВЛКСМ изъявил добровольное желание и направляется на уборку урожая в районах освоения целинных и залежных земель.

Секретарь горкома (райкома)
комсомола

гогического института, видели вернувшихся с уборки самого богатого урожая 1956 года Васю Нестерова, Валеру Шанаева, Юру Щёктова, Лёшу Рогова – они ходили тогда в героях, рассказывали о поездке на собраниях, а больше в обычных условиях, как говорится, не с трибуны.

...Подготовка к поездке на целину была бурной: собрания, митинги, торжественное вручение путёвок – всё это не было делом формальным и убеждало нас в неординарности события и в необходимости ответственного подхода к нему.

...И вот мы едем. Товарные вагоны украшены лозунгами. В эшелоне две тысячи посланцев Тамбовщины, из них четвёртая часть – мичуринцы, 150 из которых – студенты нашего пединститута.

Не изгладилась в памяти дорога. Щемящее чувство ещё непривычного расставания с родными местами соединилось с восторгом от возможности познания нового, совместного участия в большом деле.

Вот послышалось радостное: «Волга! Волга!» Не сговаривались, но вагоны сотрясались

от дружного «ура!». В сознании каждого из нас ещё с детских лет она, колыбель Ленина, Некрасова, Горького, была самым олицетворением Родины. А теперь – наяву. Так вот она какая! Голубая красавица без берегов, труженица, днём и ночью, без выходных лелеющая пароходы и баржи. Все были очарованы её тихой красотой и безмолвной величавостью.

Поезд остановился, и мы не выдержали – выкупались. Не от жары – «на память». Как паломники, с чувством благоговения прикасались к святому месту. А потом долго один из нашего вагона был мишенью для шуток – надо же, угораздило, проспал Волгу!

Уральск. Запомнилось не то, что единственный раз в дороге едим горячее – да мы бы ещё две недели выдержали. Никогда не видел такой огромной столовой: потолок – всё небо, люстра – само солнце, столы – во весь перрон, клиентов – весь эшелон!

Казахстанские просторы. Всё чаще попадают двугорбые существа, вышагивающие спокойно и высокомерно, видимо, от сознания своей непохожести. В небе величаво царствуют

орлы. Не отходим от дверей и окон – всё для нас непривычно, ново, интересно.

И вот Мартук. «Мичуринцы, выгружайсь!» – это нам. На привокзальной площади грянул оркестр. После митинга вместе с директором совхоза «Яйсанский» Виктором Ивановичем Моисеенко наш преподаватель Константин Николаевич Георг распределяет студентов: «Бригада Анатолия Добрынина – в седьмое отделение».

Шофёр Николай Беретов, лет тридцати пяти, мужчина огромного роста, с загорелым мужественным лицом, на своём ЗИС-150 вез нас по степи предельно аккуратно, словно хотел сказать: любуйтесь, вот они, актюбинские просторы, ни конца и ни края. Все удивились, когда машина будто нырнула в Илек и пошла вброд. Потом для нас этот путь будет привычным, зерно на элеваторы в Яйсан и Мартук будем возить по этой дороге, а теперь, как и всё необычное в первый раз, не могло не поразить.

– Здесь будете жить, – показал немногословный шофёр на саманную мазанку без окон, без дверей.

– Дворец что надо, – попытался съязвить кто-то, но сразу понял: шутка оказалась неуместной, так как получил отповедь добровольного оппонента, мол, не дворцы искать приехали.

Мазанка оказалась плохим убежищем от палящего солнца: и внутри духотища, будто в сауне, и «на улице» не найти тени даже под стенами, лучи бьют вертикально. И вокруг ни дерева.

– Выкупаться бы, – пришла желанная мысль, а до Илека далеко, больше двух километров. И, словно по щучьему велению, кто-то уже сделал важное открытие: прямо за мазанкой, спрятавшись в камыши, длинной лентой протянулось озеро. Бултыхались в воду. Только слышалось удивлённое:

– Вот это тинища...

– А вода-то какая горькая...

– И солёная...

Да и по цвету озеро оправдывало своё название – «Карасу» значит «чёрная вода».

Выкупались. Теперь легче дышалось. Рассматриваем окрестности. За озером и ещё

дальше, за Илеком, виднеется посёлок Жанатан, это шестое отделение совхоза. Туда поехали девушки с истфила. И кое-кто из наших юношей будет смотреть в ту сторону чаще и пристальнее других. Неподальёку от нас несколько глиняных домиков, там живут казахи, а метрах в двухстах к югу от нашего жилища, словно могучие волны, накатываются одна на другую сопки, а за ними и западнее, прямо перед мазанкой, за ровной площадью, где нам предстоит расчистить ток, волнуется хлебное море...

Девушки уже приготовили на костре обед. Усаживаемся на траву, скрестив ноги по-казахски. Горячий молочный суп, молочная рисовая каша, горячий чай и палящее солнце над головой.

После обеда закипела работа. Тут не надо было командовать и понуждать, каждый показал, на что он способен.

Костя Матушкин, человек с армейской закалкой, был среди нас самым старшим и самым практичным. По его «проекту» Витя Скворцов с Эдиком Кулаковым кладут печь, потом сделают навес и даже покроют его шифером на случай дождя, и будет это место священным очагом, где наши девушки Галя Назарова, Кира Кургальцева, Ира Онуфриева, Лида Назарова, Нина Акиндинова по очереди будут нести очень ответственную трудовую вахту.

С поля привезли душистого сена, набили наволочки. Наверное, никогда не забудется первый день работы.

– Скоро пойдёт зерно. Наша задача – расчистить ток, – вступал в свои права бригадир Добрынин.

Кому из нас не знакома эта работа, ведь многие из деревни. Взяли новенькие лопаты. Стали шеренгой Лёша Рогов, Коля Подлеснов, Игорь Печёнкин, Лёша Бубенцов, Толя Балабаев, Саша Шубин... Раз, два – старались мы сбивать вековечный дёрн. Начали с шутками да с весельем, а вскоре уже обливались потом. Не всё хорошо, что ново: лопаточки оказались не остры, черепочки не гладки. Закраснелись ладони, появились мозоли, а работа продвинулась мало.

– Чем поточить лопаты? – обратились к завтоку Бекужину. Маленький, шупленький

на вид казах Бекужин покачал головой, глядя на наше занятие, и дал мудрый совет.

Оказалось всё легко и просто. Привезли волокушу прошлогодней соломы, постелили на всю площадь тока и подожгли против ветра, чтобы выгорало всё основательно. Вместе с соломой выгорает до корней мурава, ковыль. Мы сидели и дивились чуду. И как это сами до этого не смогли додуматься. Оставалось только пройти с метёлками – и ток готов.

Бекужин сразу вырос в наших глазах и вполне заслужил уважительное обращение «аксакал». Это благодаря ему быстро смогли расчистить огромный ток. Такого тока – и столько зерна – на Тамбовщине я не видел...

Когда я думаю о своих друзьях-товарищах по целине, первым мне вспоминается Толя Добрынин. Он был прирождённым бригадиром. Стройный, подтянутый, хороший спортсмен, большой поклонник литературы, да и сам грешивший рассказами, он был для нас непрекаемым авторитетом. Может, потому мы не могли послушаться его утренней команды «подъём», что сам он к этому времени успевал сделать зарядку, побриться и выкупаться в озере.

Толя распределял ребят на работу по объектам: на заготовку сена, грузчиками на машины возить зерно от комбайнов и на элеваторы с тока, на очистку зерна. Через три-пять дней мы менялись работой, чтобы не было однообразия...

А самое главное достоинство бригадира было в том, что он мог ясно и убедительно поставить задачу перед бригадой и перед каждым в отдельности на сегодня, на завтра и на всё лето. Все мы хорошо представляли свою основную задачу: убрать 550 гектаров ржи, 500 – ячменя и 2700 – пшеницы, обеспечить бесперебойную работу девяти комбайнов (из них шесть самоходных), не допустить сгорания зерна на току, а значит, надо вовремя пропустить через очистительные машины и отправить его на элеватор. Мы хорошо знали все нормы, все расценки, знали к концу рабочего дня, кто сколько сделал и кто сколько заработал. И всё это благодаря нашему бригадиру.

И вот пошёл большой хлеб! Комбайны работают допоздна, выгрузка зерна на ходу. Ток буквально завален зерном. Рабочих рук не хватало. Один шёл работать за двоих – и на подвозке зерна, и на очистке. И всё равно не успеваем!

По нашей просьбе приехал директор. Не помню собраний более деловых и менее формальных. Протокола не писали, речей долгих не говорили, но выступили почти все. Я и сейчас помню каждый пункт решения этого собрания, потому что они были кратки и ясны, как затверждавшиеся наизусть речи древних послов: просить директора привезти нам движок-электростанцию, осветить ток, обеспечить своими силами бесперебойную двухсменную работу на току.

И вот уже наши ребята Виктор Мещеряков, Вадим Полевой, Анатолий Теленков вместе с механиками-казахами Козы Коденовым и Романом Гафуровым поставили столбы, натянули провода. Провели свет и в наше нехитрое жилище...

Дневная смена обязательна для каждого. В ночную шли по желанию. Но я не помню случая, чтобы вторая смена не вышла на работу. Два-три раза в неделю каждый, помимо дневной занятости, трудился ещё на току минимум до двух часов ночи, а то, как правило, до утра. Уже привыкли, втянулись. Подъём, завтрак, ток, машины. Уже не ощущались ни жара, ни колючая мякина и ость за потной спиной, дни полетели быстро. Грузчикам и пообедать некогда, и ужинать приходят далеко к полночи, когда останоятся комбайны.

А однажды случилось неслыханное. В прекрасную предвечернюю пору, когда и огненное солнце ещё не спряталось за степью, все комбайны остановились. Все машины со всех отделений везли трактористов, комбайнёров, рабочих, студентов в Яйсан: приехали артисты Большого театра. Будет петь Зара Долуханова...

Театром служит огромное зернохранилище. Сцена – две большие машины, кузов к кузову, будто отвернувшиеся супруги, едущие на развод. Встречаемся со своими коллегами, студентами из других отделений совхоза, шуткам нет конца. В центре неутомимый выдумщик Валера Телков, рядом Борис Симакин, отличный волейболист, обладавший неотразимым ударом, а за ним – высокий, сдержанный, серьёзный не по-студенчески, отслуживший во флоте и знавший почём фунт лиха, никогда не расстававшийся с тельняшкой и бушлатом наш председатель студсовета Миша Ширяев, а вот с фотоаппаратом «Смена» через плечо скромнейший и проворнейший Толя Рязанов. А это появилась женская бригада Тамары Мячиной. Бригадир – столько энергии, задора, ну прямо огонь...

Занимаем места. Партер – здесь сидим по-казахски прямо на земляном полу, застеленном рогожей, в амфитеатре – на наскоро сколоченных для этого случая скамейках. Но самые удобные места – на галёрке-стропилах.

Там, будто уставшие орлы, беспомощно сложив свои рабочие ручищи-крылья, привыкшие к баранкам, штурвалам, рычагам и вдруг оказавшиеся без дела, уселись механизаторы. Запылённые, загорелые. Красные от постоянного недосыпания глаза и белоснежные зубы.

Сначала мне казалось, они будто недовольны были, дескать, зачем оторвали от дела, не вовремя эта затея. Но, как говорится, не хлебом единым живёт человек. Встреча с настоящим искусством заставила забыть всё. Артистку не отпускали со сцены. Аплодировали бесконечно. На галёрке хлопают неумело, широко разводят ручищи, но стараются вовсю. Зара Долуханова пела и пела, уходила и снова поднималась на кузов машины, с благодарностью простирала руки к галёрке, по щекам её лились слёзы счастья от радости признания, понимания нужности её таланта им, вот этим рабочим людям, и не когда-нибудь, от скуки и безделья, а вот сейчас, в самую горячую пору. А на завтра они с ещё большей энергией поведут свои комбайны по пшеничному океану и перекроют все существующие нормы. Спозаранку приедет в наше отделение на своём проворном газончике-самосвале Вася Ивкин, первоклассный шофёр. И кому-то из нас, может, мне, а может, Игорю Печёнкину или Лёше Рогову, посчастливится работать с ним. Нет, не потому посчастливится, что это самосвал и на нём легче. А вот почему.

Ивкин, маленький, юркий, симпатичный, в широченных, по тогдашней моде, шароварах и в тенниске ослепительной белизны. Поедешь с ним – много узнаешь нового о совхозе, о степи, о судьбах людских. Он водил машину со скоростью невероятной, и всё же вы не ощутите ни одного толчка, ни одного ухабчика – так плавно проведёт, что и не почувствуешь, ни зёрнышка не скатится из кузова. И каждый день такой весёлый, общительный, счастливый, в такой чистенькой беленькой рубашке. Жена его очень любила, заботилась о нём, провожала на работу словно на праздник, а он не забывал к вечеру нарвать степных васильков...

Вечером, когда земля дышит, отдавая набранное за день тепло, когда пыль дорог застилает горизонт, где скрываются последние лучи погасшего солнца, мы устало бредём с тока

домой. Утомление валит с ног. Но вот выкупались в Карасу, переоделись, пришли в нашу трапезную, то есть сели за длинный искусно придуманный и изготовленный Костей Матушкиным да Петей Ненашевым стол, и повара Галя Назарова да Кира Каргальцева уже несут ужин. Усталость будто рукой снимает.

А теперь самое время бы на постель, но бесполезное дело. Соседство с озером давало не только прохладу, но и многие тысячи малюсеньких врагов. Мы пытались вначале бороться с ними, уничтожать, но это оказалось невыполнимым и бесполезным. Закутывались в одеяла, хотя и под простынью в такой духотище не уснуть. Не помогали и одеяла, они пугали своими воинственными сиренами. Вот сирена смолкла, и ты уже ждёшь, что вот сейчас проткнёт своей шпагой одеяло и уколёт тебя один, второй, третий... десятый, запустят свои хоботки тебе под кожу и будут с наслаждением пить кровь.

На перемирие вражки не шли. Но ведь каждое оружие порождает средство защиты. Оно тоже было под рукой. Мы жжём полынь, в спальне распространяется «благовонье», которое режет глаза, остро щекочет в носу. Но потерпелись – всё-таки лучше, чем сотни укусов комаров. А потом так привыкли к полынным кострам, что не мыслили уже без них наши вечера.

Горит костёр... Обсуждаем итоги дня. Кто сегодня у нас в героях, кто сколько сделал норм? Лёша Демидов с Эдиком Кулаковым работали на ЗИСе Николая Верстова, сделали 10 рейсов, разгрузили по 20 тонн каждый, а норма при ручной разгрузке – 10 тонн. А Игорь Печёнкин перевозил от комбайна пшеницу на машине ГАЗ-51, работал за двоих, сделал 12 рейсов, это более двух с половиной норм.

Леонид Бубенцов и Анатолий Балабаев – наши богатыри. Они сегодня работали на зернопульте. Ох и интересная же машина! Только успевай сыпать зерно под погрузчик, перетаскивай его тяжёлый хобот прямо в кучу, а он дружно подаёт пшеницу в корец, оттуда она выстреливается вверх со страшной силой, полова отлетает в сторону, а ворох янтарной чистейшей пшеницы растёт сказочно быстро. Норма этой машины – 60 тонн за смену, это

на шестерых, а Бубенцов и Балабаев работали двое – нетрудно решить арифметическую задачку: они сделали по три нормы.

У костра часто поём песни. Валерка Шанаев, Саша Словягин, Толя Добрынин, Костя Матушкин одарены голосами и слухом. Запоют, бывало, «Бьётся в тесной печурке огонь» – и все подтягиваем, но так, чтобы не испортить песню... Потом поэты наши читают свои стихи. Саша Шубин начнёт:

*Люблю мой город, маленький и скромный,
Его тревоги, радости, дела...*

И все переносятся мысленно за две тысячи километров в родной Мичуринск. Потом прочитает стихи о юности:

*– Поздравляю с путёвкой в люди, –
Секретарь протянул билет
И добавил: – Храни повсюду
Комсомольский авторитет.*

А это – о нашем выбранном жизненном пути:

*Но из всех дорог тех, без сомненья,
Я выбрал ту, которой дорожу...
И вот... робея, с трепетным волненьем
В родную школу вновь сейчас вхожу.*

Шубина сменяет Костя Матушкин, читает свои стихи: «Родине», «Утро», «Целина», «На машине».

*Будто в небо я поднялся,
Чтоб догнать ушедший день...
А шофёр: – Что замечтался?
Слазь, «поэт», грузи ячмень.*

Но особенно любили стихи Коли Подлеснова. Он не расставался со своей клеёнчатой тетрадью в клеточку. Бывало, колдует, кусает карандаш, больше, кажется, черкает да перечёркивает, чем пишет. Зато у костра прозвучат слова, будто высеченные из сердца, близкие каждому:

*За сопки по колючим травам
Ушла звенящая теплынь,*

*И мы от комаров гнусавых
Жжём казахстанскую полынь.*

Прислушиваемся, почитай да почитай ещё.
И Коля читает уже более уверенно:

*Перешли Илек грузовики,
И дорога, брошенная кем-то,
От степной извилистой реки
В рожь вплелась извилистою лентой.
Пыль подбросив, смело повела
Нас от поворота к повороту,
Мы вдаль увидели орла,
Словно поджидавшего кого-то...*

Кто-то пытается подбросить полынь в до-
горающий костерок, но его жестом останавли-

вают, мол, не помешай, ведь про нас рождаются стихи, и слушают, слушают будущего поэта и журналиста Колю Подлеснова будущий доктор исторических наук, профессор Одесского университета Толя Балабаев, будущие учителя Толя Куликов и Костя Матушкин, будущие партийные работники Галя Назарова, Лёша Бубенцов, будущие кандидаты наук Витя Мещеряков, Вадим Полевой, Игорь Печёнкин, Саша Словягин...

12 студентов нашего института удостоились наград за добросовестную работу – медалей «За освоение целинных земель», 29 человек (в том числе и автор этих строк) получили значки ЦК ВЛКСМ «За освоение целинных земель».

Мы вернулись домой окрепшими и возмужавшими, с сознанием честно выполненного долга. Никогда, думается мне, не сотрётся в памяти та наша мазанка, где мы жили в 1957 году, река Илек, озеро Карасу, казахские аулы...

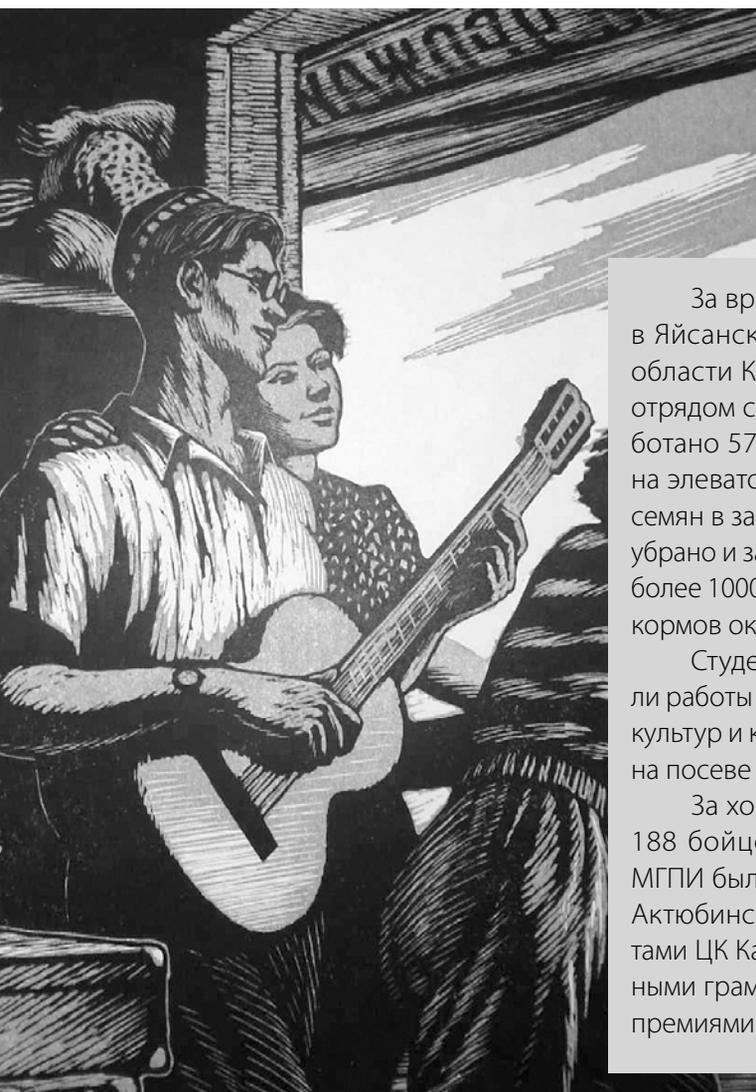
Целинная закалка осталась во многих из нас. Вот почему часто, услышав: стройотрядовец, боец, комиссар, я вспоминаю зори над актюбинскими степями, буйные хлеба целины, друзей-комсомольцев.

**Василий
ПОПКОВ,**
кандидат
филологических
наук, участник
освоения целины

За время нахождения на целине в Яйсанском совхозе Актюбинской области Казахстана комсомольским отрядом студентов МГПИ было обработано 57 625 тонн зерна, вывезено на элеваторы 45 062 тонны, засыпано семян в закрома совхоза – 6 375 тонн, убрано и заскородовано грубых кормов более 1000 тонн, засилосовано сочных кормов около 1000 тонн.

Студенты МГПИ также выполнили работы по уходу и уборке овощных культур и картофеля, по подъёму зяби, на посеве озимой ржи.

За хорошие показатели в труде 188 бойцов студенческого отряда МГПИ были награждены вымпелами Актюбинского обкома ЛКСМ, грамотами ЦК Казахстанского ЛКСМ, почётными грамотами совхоза, денежными премиями и ценными подарками.

АНАТОЛИЙ ИВАНОВИЧ ЗАВРАЖНОВ:

ЛИСТАЯ СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ

Анатолий Иванович Завражнов родился в 1939 году в Оренбургской области в семье офицера Красной армии, который погиб в 1941-м. Его детские годы пришлось на тяжёлые времена, которые он пережил, с раннего возраста усвоив истину: за Родину и правду нужно бороться до конца!

Рабочий путь А. И. Завражнова начался в 16 лет в период освоения целинных земель Оренбуржья. Начал трудиться слесарем, работал прицепщиком на сельскохозяйственной технике, комбайнёром. Его будто магнитом тянуло к технике, он хотел знать, как она устроена и кто те люди, что её придумали.

Упорство и целеустремлённость Анатолия Ивановича позволили ему за полтора года окончить Оренбургский сельскохозяйственный техникум и поступить на инженерный факультет Оренбургского сельхозинститута.

В годы учёбы он принимал активное участие в общественной работе, жизни вуза, был старостой курса, заместителем секретаря парткома института, активно занимался научной работой, за период обучения в вузе им опубликовано пять статей.

Желание вплотную заняться наукой способствовало поступлению А. И. Завражнова в аспирантуру Челябинского института механизации и электрификации сельского хозяйства, где он успешно работал по проблеме форсирования дизельных двигателей с помощью разработанной им системы определения характеристик масляного слоя в подшипниках двигателей.

Результаты исследований молодого учёного позволили впервые в СССР определить траектории движения коренных и шатунных шеек и параметров масляного слоя в подшипниках при различных скоростных, температурных и

нагрузочных режимах работы двигателя. Использование этих данных в производстве Челябинского тракторного завода повысило надёжность и долговечность двигателей типа КДМ.

С 1969 года А. И. Завражнов работал в Целиноградском сельскохозяйственном институте заведующим кафедрой, проректором по научной и учебной работе.

В этот период Анатолий Иванович занялся решением проблем механизации животноводства. Им была создана научная школа, внесён вклад в развитие теории и методов проектирования машин и технологических линий для приготовления и раздачи кормов на животноводческих фермах и комплексах в системе «человек – машина – животное», а для совершенствования практической подготовки специалистов организовано студенческое конструкторское бюро, разработки которого получили широкую известность в народном хозяйстве Казахстана.

В январе 1985 года Анатолий Иванович был назначен ректором Плодоовощного института им. И. В. Мичурина. Именно здесь и было суждено проявиться его организаторскому таланту и высокому профессионализму.

Благодаря А. И. Завражнову в вузе была создана необходимая учебно-методическая, научно-исследовательская и материально-техническая базы, сформированы новые научные школы. Возглавляемый им Плодоовощной институт им. И. В. Мичурина неоднократно занимал первые места в соревнованиях между сельскохозяйственными высшими учебными заведениями страны.

Учитывая большой объём проделанной работы, в 1994 году вузу был присвоен статус академии, а в 1998 году – университета. Несмотря на сложные 90-е годы, научная и учебная деятельность Мичуринского государственного аграрного университета получила международное признание. Анатолий Иванович неоднократно участвовал в научно-производственных конференциях в США, ФРГ, Франции, Голландии, Венгрии, Китае, в ходе которых были заключены лицензионные соглашения с фирмами «Даводье Лигоньер» (Франция) и «Ботден энд Виллиген» (Нидерланды),

договоры с фирмой «Вэрайтиз интернешенэл» (США), налажен научный обмен студентами с университетами Германии, США, ФРГ, Венгрии и Китая.

Анатолий Иванович – один из инициаторов и активнейших участников преобразования города Мичуринска в единственный аграрный наукоград России. В структуре наукограда Мичуринский агроуниверситет – это целый комплекс, где совместно работали лицей, гимназия, городские школы, аграрные колледжи, Тамбовский институт переподготовки кадров и агробизнеса, два учебно-опытных хозяйства и др.

В настоящее время академик РАН, доктор технических наук, профессор А. И. Завражнов возглавляет научную школу по механизации производственных процессов в садоводстве и переработке продуктов сельскохозяйственного

Выпускник школы, секретарь комсомольской организации

производства. По данной проблеме открыты докторантура, аспирантура. Он возглавляет диссертационный совет по защите докторских и кандидатских диссертаций по трём инженерным специальностям.

С его участием разработано и создано более 20 наименований машин, которые получили признание во многих садоводческих хозяйствах России. Под его руководством защищены 25 кандидатских и 10 докторских диссертаций. Он автор более 350 научных работ, 30 учебников и учебных пособий, обладатель 60 патентов и свидетельств на изобретения, лауреат премии Ленинского комсомола, почётный работник высшего образования России, заслуженный деятель науки и техники Российской Федерации, лауреат золотой медали РАН им. В. П. Горячкина.

Анатолий Иванович Завражнов награждён орденами «За заслуги перед Отечеством» IV степени, «Знак Почёта», орденом Почёта, медалью «За освоение целинных земель» и др. Земляки-мичуринцы присвоили ему звание «Почётный гражданин города».

Поезд на целину

Тракторист полеводческой бригады

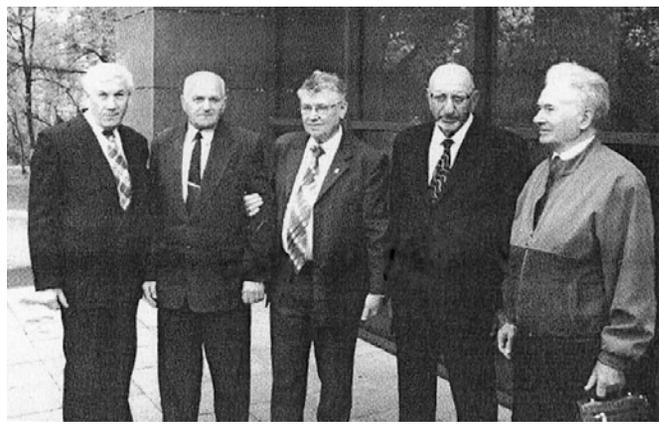
Молодая семья

Лучшая кафедра Целиноградского СХИ

Студент первого курса – первые шаги в науке

Встреча ветеранов – основателей Целиноградского СХИ

Команда руководителей Мичуринского ГАУ (2008 г.)

ПЛАНЕТА ЦЕЛИНА

Уже седьмое лето
Издалека видна
Зелёная планета,
Планета Целина.

Летят закаты и рассветы,
И звёзды сыплются дождём,
Мы без отрыва от планеты
Свою планету создаём.

И нам второе лето
Ночами не до сна,
Зовёт к себе планета,
Планета Целина.

Мы эрудицией богаты,
Учил нас дружбе Казахстан,
По всем законам сопромата
Нас испытал доцент Саман.

Держаться до победы
Велела нам она –
Зелёная планета,
Планета Целина.

Страх политехникам не ведом,
Работа спорится в руках,
Они на зависть Архимеду
Мир повернут на рычагах.

Уйдут на Марс ракеты,
И будет нам видна
Зелёная планета,
Планета Целина.

Виктор ПОЛЯКОВ

Адольф ДИХТЯРЬ

Рагузовская сонка

ПОЭМА

Памяти целинного прораба
Василия Рагузова

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ЮНОСТЬ

Августовская полночь Москву обложила
осадой.
В напряжённой густой духоте вызревает гроза.
Я опять на вокзал...
На докучность мою не досадуй,
Давний добрый знакомец
Шатровый Казанский вокзал.
Приближаюсь к тебе –
И волнение морозом по коже,
И ногам нелегко одолеть притяжение лет.
Каждый шаг – точно год,
С каждым шагом я на год моложе.
Я ступаю на площадь,
Как будто вступаю в рассвет.
Это было всерьёз. Нет, не ради помпезного
действия,
Нас на площадь собрал трубача комсомольского
зов.
Это юность моя – продолжение военного
детства.
Это юность твоя, мой целинный прораб Рагузов.

РУБИКОН

Степь, откликнись! Ау!..
Подмигни мне раскосой зарницей.
Резкий миг озаренья ознобом встряхнёт
небосклон,
Горизонт захлестнёт обожжённой до звона
пшеницей,
И за кромкой хлебов обозначится наш Рубикон.
Мы шагали к нему по дремучим, как полночь,
бурьянам,
А на травах роса... в каждой капле росы
по звезде.
Как тюльпаны красны!

Отблеск крови в тургайских тюльпанах.
Как вода солоня!
Привкус слёз в кургальджинской воде.
Мы шагали к нему, подминая цветы сапогами.
Разве мы за цветами в казахские степи
пришли?
Нас потомки поймут... Мы цветы подсекали
плугами,
Чтоб в зерно перелить первозданную силу
земли.
Бросив жребий, как вызов, идти напролом
нелегко нам.
Но не стоит гроша, кто боится ломить
прямоком.
Необжитую степь мы избрали своим
Рубиконом.
Мы её обживём. Значит, мы перейдём Рубикон.

ВЕРШИНА

Нам, юнцам желторотым, казалось, что можно
с налёту
Обратять целину,
Что, не зная букварных азов,
Можно выстроить дом,
Нам казалось...
Но, взяв сноровисто в работу,
К топору и пиле приучал нас прораб Рагузов.
Человек настоящей, густой и добротной
закваски,
Он учил нас терпеть, нетерпенье зажав
в кулаки.
И усвоили мы, что гвоздями сбиваются сказки,
Что строгаются сказки из самой обычной доски.
Надо, чтобы работа входила усталостью в тело,
Надо, чтобы мозоли набухли, как почки в горсти.
А палатка гудела... Как парус, палатка гудела.
Ветер века её над планетой хотел вознести.

Ветер века суров. Но его я, как нежность,
 приемлю.
 Не бывает чудес. Но сбывается сказка в степи.
 Прорастает посёлок из колышка, вбитого
 в землю,
 Ради сбывшейся сказки труднейшую прозу
 стерпи.
 Я пришёл в этот мир. Так неужто он лучше
 не станет,
 Но хоть чуточку лучше, когда из него я уйду?
 Время старит меня. А Василия время не старит.
 Он под сопкой лежит.
 Он стоит у земли на виду.
 Разве это мираж?
 Вот он, рядом.
 Распахнутый ватник
 Задевает полою рукав моего пиджака.
 Вот он, рядом стоит, мой прораб, мой собрат
 и соратник,
 Словно крылья врзлёт за спиной у него облака.
 Мы на сопке стоим.
 Одинаково русоволосы.
 Одинаково дышим.
 Одинаково смотрим вприщур.
 Одинаково выбьем из пачек щелчком
 папирсы.
 Я спрошу: «Перекур?»
 Словно эхо в ответ: «Перекур».
 Вспыхнет спичка в горсти, освящая обряд
 перекура.
 Мы привычно в себя сладость первой затяжки
 вберём.
 Мудрецы говорят, что привычка –
 вторая натура,
 Значит, я твой двойник.
 Значит, мы никогда не умрём.
 Потому что нас много. И если один выбывает,
 Кто-то очень похожий найдёт продолженье
 тропы.
 А Василий молчит. Только пепел
 мизинцем сбивает.
 Пепел сизой пылью оседает на кровлю травы.

ПОСЛЕДНЯЯ СЦЕНА

– До свиданья, Жаксы, и спасибо тебе
 за щедроты!
 Белоснежный пейзаж словно в раме
 в стекле ветровом.
 Кузов полон. Парням не придётся скучать
 без работы.
 Недостроенный дом превратится в построенный
 дом.
 Сколько красок в степи!
 Даль пронзительно-синей расцветки,
 Залил ультрамарин бело-розовых сопок бока,
 Лунным светом дрожат таволожника рыжие
 ветки,
 И лазурные тени бросают на снег облака.
 Слепительный день. Наст усыпан осколками
 радуг.
 Но не очень-то верь в благодушье степи,
 человек.
 Нам вовек не постичь всех её своевольных
 повадок,
 Здесь обманчива тишь, здесь коварен
 сиятельный снег.
 Будь всегда начеку, опасайся подвохов
 природы.
 Если сопки прикрыла свалывшимся войлоком
 тьма,
 Значит, бойся беды, значит, жди перемены
 погоды,
 Значит, Бога моли, чтоб пурга стороной обошла.
 Птичьи стаи летят. Всполошенно щебечущим
 рюмам
 Вторят криком торгаи: «Буран!.. Подступает
 буран!..»
 И звенят в тишине стебли чия под солнцем
 угрюмым.
 И встаёт над дорогой сиреневым лесом туман.
 Торопись, человек!
 Не давай передышки трёхтонке!
 Въётся снежная пыль роем белых
 рассерженных ос!
 Кто кого победит? Кто кого обожмёт в этой
 гонке?
 Но буксует машина, с разбега уткнувшись
 в занос.
 Задохнулся мотор, захрипел дребезжаще
 и тонко,

Взвыл надрывно и смолк, обессиленный резким
рывком.
В снеговой переплёт окончательно влигла
трёхтонка.
Ничего не попишешь... Давай добираться
пешком.
Колобродит зима, заблудились дороги
и тропки,
Растерялись в снегах, позабыли, куда и веди.
Лишь не сбились в пути безымянные сизые
сопки,
Безобманные сопки как вежи в белесой дали.
Курс на сопку держи, и она приведёт тебя
к цели.
Ты идёшь по степи, за собой оставляя следы.
Притаились снега. Набираются сил для метели.
Глянь на сопку, прораб, это облако –
вестник беды!
Ох как трудно идти! Перепутались стороны
света.
Небо, рухнув на землю, со стоном рассыпалось
в прах.
Но нельзя не идти, но последняя песня не спета,
И тебе непонятен меня пробирающий страх.
Неужели конец?
Но глотаешь ты воздух колючий.
Неужели конец?
Ты лицо прикрываешь рукой.
Неужели конец?
А наверно, на сопке, над кручей,
Не беснуется снег и царит безметельный покой.
Ты к вершине ползёшь.
В наст впиваясь, ломаются ногти.
Как помочь мне тебе?
Ведь стихами буран не пронять.
Неужели конец?
Подскажи мне, товарищ синоптик,
Скоро ль стихнет пурга?
Скоро ль выглянет солнце опять?
Нет, не скоро! Не скоро!
А ты на дыханье последнем
Хочешь сделать к вершине последний
бессильный рывок.
Тяжело умирать двадцатипятилетним...
– Ну, а жить по-иному ты мог?
– По-иному?
– Не мог!..

СНОВА НА ВЕРШИНЕ

Я тебя воскресил... Но на свете чудес не бывает.
Ты под согкой лежишь.
Я стою посредине Москвы.
А Василий молчит.
Только пепел мизинцем сбивает.
Пепел сизой пылью оседает на кровлю травы.
Не расскажешь тебе, сколько мы приложили
усилий,
По буранной степи пробиваясь на ощупь тогда,
Мы тебя не спасли...
Слишком поздно пришли мы, Василий...
Видно, лгут, говоря:
«Лучше поздно,
Чем никогда...»
Ты лежал на снегу.
Ватник в инистых пятнах тавота.
Горький запах бензина не выветрился
резкий мороз.
И открылось нам вдруг:
Превращается в подвиг работа,
Если жить не играя, а всё принимая всерьёз.
Ты в открытую жил, потому что не мог
по-иному.
Так отцы наши жили. И так умирали они.
Мы обычные люди. Мы в жизнь влюблены
по-земному.
Мы о землю сердца разбиваем, чтоб высечь
огни.
Не погаснуть огням. Сердце сердцу огнями
сигналит,
Чтоб живым от погибших передать позывные
мечты.
На ослепших зрачках стекленела холодная
наледь.
Нам слепили глаза оттенённые смертью черты.
Ты уже не взгрустнёшь по гусиным ликующим
стаям,
Не увидишь луны, восходящей над шумной
травой.
Не напишешь домой.
Мы последние письма читаем.
И за строчками писем нам слышен твой
голос живой.

«Дорогая моя. Не надо слёз. Знаю, что будет тебе трудно, но что поделаешь, если со мной такое. Кругом степь – ни конца ни края. Иду просто наугад. Буря заканчивается, но горизонта не видно, чтобы сориентироваться. Если же меня не будет, воспитай сынов так, чтобы они были людьми. Как хочется жить! Крепко целую. Навеки твой Василий».

«Сыновьям Владимиру и Александру Рагузовым. Дорогие мои деточки. Я поехал на целину, чтобы наш народ жил богаче и краше. Я хотел бы, чтобы вы продолжили моё дело. Самое главное – нужно быть в жизни человеком. Целую вас, дорогие мои, крепко».

СЛОВО НА ПРОЩАНИЕ

Сотни сопкок в степи. Но одна –
Рагузовская сопка.
Если трудно идти, стисни зубы и зубы сцети.
Всё осиль, всё стерпи. К чёрту робость!..
Нет, риск не рисовка.
И не зря поднялась Рагузовская сопка в степи.
Ты прошёл по земле. Но не всякий прошедший
прохожий.
Чтоб прохожим не стать, надо мимо себя
не пройти.
Надо твёрдо ступать, и тогда кто-то очень
похожий
По бессмертному следу найдёт продолженье
пути.

В далёком уже 1955 году Василий Рагузов, прораб совхоза «Киевский», возвращался со станции Жаксы на грузовике, доверху нагруженном строительными материалами. По другим рассказам, машина с материалами была не одна. Начался буран, который обычно длится очень долго. Чтобы не замёрзли шофёры и не замёрзнуть самому, прораб решил пойти пешком в совхоз, который был совсем близко, за сопкой, чтобы пригнать трактора и вытянуть машины из заноса.

Василия нашли на склоне сопки, но было поздно. В кармане его ватника лежал полупустой спичечный коробок и блокнот с двумя письмами.

НАД СТЕПЬЮ ЛУГАНСКОЙ СИЯЮТ КОПРЫ

Для Донбасса профессиональный праздник День шахтёра, пожалуй, самый главный. Как правило, во всех городах и посёлках нашего края его отмечают широко, с душой, по-горняцки шумно и весело. Эта традиция не канула в Лету и в молодых республиках Донецка и Луганска. Практически все средства массовой информации и телевидение в последнее воскресенье августа работают на главный праздник Донбасса. Именно сегодня мне хотелось бы рассказать об отраслевой прессе, с которой в своём творчестве я был связан более двадцати лет.

Десятки, а то и сотни знаменитых людей нашего края были героями многочисленных публикаций в газетах «Голос Донбасса», «Сбойка», «Шахтёрский маяк», «Акценты», «Белореченские горизонты» и других периодических изданиях Луганска и Донецка. Война 2014 года внесла свои коррективы в существование этих изданий – что говорить, если были практически уничтожены многие угольные предприятия, – но я верю, что в том или ином виде угольная пресса Донбасса возродится, как возрождается расстрелянный Донбасс, – это в нашем шахтёрском негнбиаемом характере.

Праздники, наверное, для того и придуманы, чтобы вспомнить о пройденном пути, падениях и взлётах, подвести некоторые итоги, отметить удачу и победы, проанализировать ошибки и просчёты и двигаться вперёд, совершенствоваться и развиваться. В этом году

исполнилось бы двадцать семь лет со дня основания шахтёрской газеты «Сбойка». Это периодическое издание угольной промышленности Украины в своё время прочно завоевало ведущие позиции отраслевой прессы и стало всенародно любимой газетой. За эти

годы газета прошла трудный путь становления, иногда даже просто выживала, но, несмотря на все перипетии судьбы, она выстояла, окрепла и понесла флаг «зеркала угольной отрасли». На страницах «Сбойки» увековечивалась история углепрома Украины, где в центре всегда стоял и стоит человек труда, человек самой героической профессии – шахтёр. В настоящее время газета в связи с трагическими событиями на Донбассе не издаётся, но светлые воспоминания остались, и это уже история...

Впервые о газете «Сбойка» я услышал в 1992 году от стахановского поэта Анатолия Семёновича Романенко. В ту пору особобурно развивалось поэтическое движение в литературных объединениях. Практически во всех городах Луганской области работали такие студии. Я жил в Луганске, но был частым гостем литературного объединения «Сталь» города Алчевска, которое собиралось в ДК металлургов. В один из вечеров в литобъединении появился известный всему Донбассу замечательный стахановский поэт Анатолий Романенко. Я уже был с ним знаком, неоднократно мы встречались в Луганске, в Союзе писателей. Мы, молодые литераторы, с уважением и трепетным обожанием смотрели на знаменитого поэта, члена Союза писателей СССР, автора ряда книг, – чего в настоящее время не увидишь, профессия писателя опошлена и затёрта в грязь, оказывается, что и профессии такой сейчас нет... Писателями себя могут называть все кому не лень: связал нелепо пару фраз и издал за свой счёт книжонку – вот уже и новый писатель. Но это отдельная тема.

После поэтического заседания мы продолжили вечер в одной из алчевских забегаловок. Я и поэт Александр Довбань донимали имени того поэта расспросами о литературном процессе, просили почитать свои стихи. Анатолий Романенко не любил читать всуе и в компаниях делал это очень редко, но мы, что называется, достали поэта, и я на всю жизнь запомнил его проникновенные строчки.

* * *

*Едва рассвет ручонкой детской
Провёл по верхним этажам,
Как по умытому Донецу,
Дрожа, озябнув, пробежал
Мальчонка памяти курносый...
Что он увидел там, вдали?
Какие вечные вопросы
Его в дорогу повели?..*

Мы с Александром Довбанем также наперебой старались показать свои поэтические «шедевры», Романенко слушал внимательно и всё же культурно, дипломатично и без обиды переводил разговор на другие темы. Мы заговорили о шахтёрских забастовках и вообще о шахтёрском труде. Эта тема была очень мне близка, потому что я родился и вырос в шахтёрском поселке Михайловка близ города Ровеньки, работал под землёй. Анатолий Романенко посоветовал мне написать о шахтёрах. Через некоторое время у меня появилось стихотворение «Лава».

* * *

*Лава, лавина, стихия!
Кружится моя голова,
Об этом слагаю стихи я,
Пространство в этих словах!
Когда между кровлей и почвой,
Казалось, зажат, как в тисках,
Я вижу в сиянии ночи
Сиянье пластов и века...*

*И я, проползая по лаве,
Казалось, сквозь время иду,
Не думают в шахте о славе,
С богами шахтёры в ряду!*

*Не боги, но люди простые,
Как черти, ни взять ни отнять,
Рубают пласты вековые,
Всю жизнь мне об этом писать!*

После очередной рюмки «чая» разговор в нашей компании пошёл об издательской де-

тельности, и в частности о газетах. В ту пору появилась масса периодических изданий. Мы с Саней Довбанем издавали областную литературную газету «Донецкий кряж», я организовал и издавал газету Союза ветеранов Афганистана «На линии огня». Анатолий Романенко рассказал нам о новой шахтёрской газете «Сбойка», которая издавалась в Стаханове. Тепло и по-доброму он говорил о редакторе Александре Чумакове. Анатолий Семёнович поражался и восхищался напористостью, находчивостью и неутомимой энергией Александра Александровича, его организаторскими способностями и его талантом журналиста. Романенко пророчил большое будущее шахтёрской газете «Сбойка» и не ошибся.

Анатолий Романенко – автор ряда поэтических книг, среди них такие как «Дороги» («Донбасс»), «Солнце в глазах» («Советский писатель») и другие. Из-под пера поэта вышли незабываемые картины нашей донбасской жизни, где в центре поэтических образов стоит человек труда, шахтёр. В конце восьмидесятых – начале девяностых годов Анатолий Романенко плодотворно трудился на поприще журналистики, публиковался в ряде областных и районных газет. Вот как он писал о себе: «Все эти годы я, конечно, не порывал с прозой жизни, потому что на одни стихи вряд ли проживёшь. Стал газетчиком. Работал в городских и многотиражных газетах. В одной из них "зарабатываю прозой" и по сей день...»

Сотрудничая с газетой «Сбойка», поэт и журналист внёс немалую лепту в становление угольной газеты в начале девяностых годов, воодушевляя журналистов и работников «Сбойки» своим необъятным лиризмом и обострённым чувством чести, достоинства и честности, чего всем нам тогда, в девяностых, не хватало. Эти вечные понятия актуальны и в настоящее время. Они, по-моему, стали и являются фундаментом угольной газеты «Сбойка».

Да, тогда, в девяностых, только сильные и талантливые личности могли остаться на плаву, собрать вокруг себя единомышленников и доказать свою пригодность людям. Отсутствие денег, развал и шатание всей экономики страны больно ударили по периодическим

изданиям. Вот как вспоминали о том времени в редакции «Сбойки»:

«Вместе с Донбассом гибли и его газеты. Повсеместно стали закрываться или нерегулярно издаваться многотиражки, районные газеты. Типографии стояли без газетной бумаги, и редакторы рыскали по России в поисках бартерного обмена... "Сбойка" издавалась в этот

период на последние деньги и перспективы перед собой не видела. Редактор газеты А. А. Чумаков отправился в Киев к отцам-основателям газеты – Ю. Я. Иоффе (народному депутату и советнику президента) и Е. Ф. Вербило (председателю Союза журналистов Украины). Страшно вспомнить: денег в дорогу собрали только на сутки пребывания в столице. Предложение у редактора было только одно: коль есть спрос на распространение информации по предприятиям Минуглепрома, почему бы "Сбойке" не попробовать сделать специальный выпуск газеты с разъяснением всех нюансов провозглашённых реформ, так как редакция уже имела некоторый опыт отраслевых публикаций. Юлий Яковлевич Иоффе поддержал идею и тут же связался с министром С. В. Поляковым, который со своими службами уже подыскивал для этих целей одну из донбасских газет...» Это был очередной и, наверное, самый главный шаг в истории «Сбойки» в становлении на позиции всеукраинской угольной газеты. Время девяностых для Донбасса, как для всего постсоветского пространства, было ужасным, развальным, криминальным. Необходимо сказать, что Юлий Иоффе приложил свою руку к развалу практически всех шахт стахановско-брянковского куста, в то время вместе с шахтами умерли десятки шахтёрских посёлков Стаханова и Брянки, но газету «Сбойка» он поддержал, наверное, в угоду своим корыстным мыслям, понимая силу средств массовой информации для имиджа и своей политической деятельности.

К слову, в то время прекратила выходить в свет газета «Шахтёрский маяк» шахтоуправления «Луганское» объединения «Луганскуголь», наши газетные опыты с поэтом Александром Довбанем также не нашли своего продолжения, не было денег на издание, но самое главное, не было команды. «Сбойка» выжила в те лихие годы, и не только выжила, а стала стремительно набирать силу основного рупора угольной промышленности Украины, в чём прежде всего заслуга главного редактора, вдохновителя и организатора Александра Александровича Чумакова. Тогда я и не предполагал, что судьба в дальнейшем прочно свяжет меня с этой газетой и её прекрасным творческим коллективом.

Я уехал учиться в Москву, в Литературный институт им. А. М. Горького, с головой окунулся в литературную жизнь, стал членом Союза писателей России, много печатался, издавал книги, но пути Господни неисповедимы!

Шли годы. После Москвы я вернулся в Донбасс, занимался издательской деятельностью, а в 1998 году был приглашён работать в объединение «Донбассантрацит» в город Красный Луч на должность заместителя генерального директора по связям с общественностью и средствами массовой информации. И снова уголь!

Мною была создана новая многотиражка объединения «Донбассантрацит» – газета «Акценты», которая регулярно выходила вплоть до 2001 года. На её страницах вёлся откровенный разговор о проблемах угольного объединения, о стремительном упадке шахтёрского города Красный Луч, который стоял на грани умирания и мог повторить судьбу Стаханова и Брянки, где к тому времени уже канули в Лету практически все угледобывающие предприятия, наступал «золотой век копанок».

Газета «Акценты» жила, но не было ещё того корпоративного журналистского угольного братства. Все отраслевые издания барахтались сами по себе. Многие просто закрывались или приостанавливали свою деятельность, такая участь ждала и красноручскую угольную газету. С приходом нового генерального директора, не будем называть его имя, газета оказалась ненужной (зачем лишняя информация в ел дышащем объединении?) и, оставив свои «акценты», тихонечко умерла.

В 2002 году была реанимирована газета «Шахтёрский маяк» – периодическое издание флага объединение «Луганскуголь» шахтоуправления «Луганское». Я стал редактором этой газеты. Тогда благодаря министру угольной промышленности С. Б. Тулубу оживла отраслевая пресса, большая заслуга в этом деле и главного редактора газеты «Сбойка» Александра Чумакова, который сплотил вокруг угольной газеты Украины все отраслевые издания, мы стали поистине семьёй.

Начался новый этап в развитии угольной отраслевой прессы, в центре этого процесса

стояла всенародно любимая в шахтёрской среде угольная газета Украины «Сбойка», которая прошла путь от многотиражки до всеукраинского издания, с ней стала прочно связана моя писательская и журналистская судьба.

Потом были «Белореченские горизонты» и, конечно же, «Шахтёрский маяк», последний номер которой вышел в свет в июне 2014 года, когда по Луганску вовсю была артиллерия киевских неонацистов. Зияющий от пробоев снарядов копёр «Луганской», как напоминание, вспыхнул на первой полосе газеты.

В настоящее время флагман угольной отрасли Луганщины возрождается, но ещё далеко до былой славы этого предприятия, и всё же у шахтёров Донецкой и Луганской народных республик всё впереди!

Возрождение угольной промышленности Донбасса – это возрождение экономической мощи народных республик. Именно сегодня здесь во весь голос говорится о повышении престижности шахтёрского труда, радуется, что не только на словах, но и на деле угольным предприятиям уделяется со стороны руководства республик особое внимание. Кто, как не сами горняки, может рассказать молодёжи о своей тяжелейшей работе, о ежедневном истинно героическом труде под землёй, привить понимание, что уголь – это действительно настоящий хлеб промышленности, а работа в шахте есть работа почётная и очень нужная стране и всем нам, живущим на этой земле? И тому служат отраслевые газеты, которые, я уверен, снова возродятся из пепла.

Не случайно на лацканах пиджаков передовых шахтёров сияют ордена и медали, неспроста ежегодно в августе в профессиональный праздник День шахтёра в небо взлетает салют – это всенародная дань шахтёрскому труду, труду славному, людям отважным и стойким, которые, не щадя своего здоровья и сил, дают всем нам свет и тепло. Именно они вместе с отважными ополченцами Донбасса и добровольцами из России встали грудью на пути врагов Русского мира.

С Днём шахтёра, гвардия труда!

**Владимир КАЗМИН,
г. Луганск**

СВЯТЫЕ ИСТОЧНИКИ ЗЕМЛИ ТАМБОВСКОЙ

*О светло светлая и прекрасно украшенная земля Русская!
Многими красотоми прославлена ты: озерами многими, река-
ми и источниками местночтимыми!.. Всем ты преисполнена,
земля Русская, о правоверная вера христианская!*

«Слово о погибели Русской земли»

В глубокую древность уходит на Руси традиция почитания и поклонения святым источникам, нашедшая отражение в годовом круге церковного календаря. Благоговейное отношение к воде, освящаемой на молебнах в храме, распространяется и на целебную силу воды из источников, бьющих в святых местах, прославленных пребыванием чудотворных икон и мощей, молитвенными подвигами святых. Освящённая вода, отмечал святитель Димитрий Херсонский, имеет силы к освящению душ и телес всех пользующихся ею.

Крестные ходы к источникам, сопровождаемые водосвятными молебнами, стали отличи-

тельной чертой православной культуры нашего народа. Важной приметой национального быта стало возведение над святыми источниками часовен и храмов. Даже в труднопроходимых местах, лесах и болотах святые источники обрамлялись беседкой, завершающейся главкой с крестом, а иногда и просто возвеличивающимся крестом.

В России известны очень многие святые источники, родники, ключи и купели. Среди них имеются знаменитые, давно почитаемые, а есть и «скромные», открывшиеся относительно недавно. Весть о родниках, источающих особую благодать, стремительно распространяется

среди людей, побуждая их оставить на время мирскую суету, свои дела и устремиться в путь к животворному источнику в уверенности обретения здесь духовного и телесного освобождения от болезней души и тела. Так зачиналось паломничество. Милость Господа, явленная через воду источника, укрепляет в людях веру, надежду на прощение и отпущение грехов.

Почитание святых источников происходит по всей тамбовской земле, практически во всех её уголках. Сегодня на территории Тамбовской области авторами отмечается наличие 92 особо чтимых источников, находящихся в зоне повышенного внимания не только местных жителей, но и многочисленных паломников. Наиболее известными среди них являются святые источники святителя Питирима в Тамбове, великомученицы Варвары в Кушниковой дубраве, недалеко от Кирсанова, и иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость» в деревне Вердеревщина Бондарского района Тамбовской области. Эти источники воспринимаются как имеющие древнюю историю чудесного, исцеля-

ющего воздействия на душу и здоровье людей. Наименее изученным из них, но часто упоминаемым является святой источник, освящённый в честь великомученицы Варвары, живописно размещившийся в Кушниковой дубраве поблизости от Кирсанова.

Этимологический анализ топонимики здешней местности позволяет достаточно точно определить происхождение старинного названия самого урочища. «Житель кущи» (густого дремучего леса) – именно так, по определению В. И. Даля, понималось слово «кушник» во времена безудержных царских охот лихолетья Ивана Грозного. В свою очередь, это слово происходило от слова «кушня», которым обозначались шалаш, временная лачуга в лесу, а то и просто навес, специально сооружавшиеся в непроходимой лесной чаще для охотничьих нужд. Кушник, охотник, размещавшийся в кушне, иногда неделями уединённо жил в ней до начала охоты. От мастерства и умения кушников, выполнявших функцию загонщиков, нередко зависел успех царской охоты. Кушники жили во всех царских угодьях, за усердие выделялись

Фамилии Кушниковых, многие Российскому Престолу служили дворянскія службы въ разныхъ чинахъ, и жалованы были отъ Государей въ $\frac{7068}{1560}$ и другихъ годахъ поместьями.

Из Указа о наделении Кушниковых поместьями

царём, наделялись землёю, иногда возводились в дворянское достоинство, стяжали иные знаки монаршего внимания. Так и возникали древние нетитулованные русские дворянские роды Кушниковых, первое упоминание о которых относится к 1560 году. При этом многие Кушниковы хотя и носили эту фамилию, не являлись родственниками в привычном смысле слова. Их объединяла подмеченная царём общая удачливая приверженность избранной охотничьей профессии.

Поэтому и сведения о Кушниковых содержатся в VI и VII частях «Общего гербовника дворянских родов Российской империи» (родословные книги Московской, Владимирской, Казанской, Тамбовской, Ярославской и Таврической губерний). Высшие знаки монаршего благоволения и общественное признание Кушниковы снискали безупречной службой, безграничной преданностью, чувством долга, самоотверженностью и беззаветным мужеством. Их имена включены во многие памятные книги разных губерний Российской империи.

Кушниковы были хорошо известны как благотворители, на свои средства возводившие и реставрировавшие церковные храмы. На вышневолоцкой земле до сих пор сохраняется память о первом в этих местах Троицком на Овинчищах Кушникове монастыре, владевшем в лучшие свои годы двадцатью деревнями до разрушения в Смутные времена озверевшими ляхами и литовцами. А воздвигнута сия обитель была здешним помещиком на собственных землях. Имя его народная молва увековечила, включив в название монастыря. Близ Чебоксар по сей день является действующим каменный двухпридельный храм в честь Преображения Господня, сооружённый в 1735 году «тщанием и на средства помещика Александра Алексан-

Владимир Михайлович Кушников с женой Александрой Дмитриевной. Перед отъездом на фронт в ноябре 1914 года

дровича Кушникова». В должности «первенствующего члена Комиссии для строения в Москве Храма Христа Спасителя» московский губернатор Сергей Сергеевич Кушников вместе с патриархом Филаретом сильно повредил архитектору Витбергу, настояв на переносе строительства храма с Воробьёвых гор на нынешнее его место.

В 1830 году стараниями его родного брата, действительного статского советника Григория Сергеевича Кушника, было расширено здание храма Рождества Христова в посёлке Барвиха под Москвой, а в трапезной устроен придел Тихвинской иконы Божией Матери. В Крыму Григорий Сергеевич Кушников пожертвовал 300 тыс. рублей ассигнациями девичьему учебному заведению в Керчи, созданному по типу Смольного института. Институт стал носить его имя. На средства Григория Кушника были также «закуплены все церковные сосуды и одежда» и принесены в дар институтской церкви.

Весьма приметный след и добрую память оставили Кушниковы на тамбовской земле. Высокая степень духовности в сочетании с соблюдавшимися поведенческими нормами отличали и женщин этой славной и благочестивой фамилии. Числившиеся в списке дворян Тамбовской губернии помещицы Пелагея Карповна Кушникова и Акимья Васильевна Кушникова постоянно заботились о проявлении своей благодарности Богу через совершение жертвы. Они жертвовали Богу «от чистого сердца и с чистой душой». Маргарита Карповна Кушникова пожертвовала 3000 рублей на строительство освящённого в 1798 году нового каменного Вознесенского храма в тамбовском Вознесенском женском монастыре, построенном «в 1690 году по благословию Преосвященного епископа Питирима коштом благотворителей градских тамбовских» и позднее спасённом лично губернатором Г. Р. Державиным от разорения.

На деньги Любови Александровны Кушниковой и её мужа, премьер-майора и предводителя тамбовского уездного дворянства Николая Ивановича Сатина, в 1816 году в 35 километрах от Тамбова была сооружена знаменитая Ахтырская церковь, о чём свидетельствует мемориальная доска. Во многих источниках супругой Николая Ивановича Сатина называется Евдокия Степановна Кушникова. Однако, по мнению авторов, это утверждение нуждается в уточнении. По документам из Российского государственного архива древних актов, с которыми авторов любезно познакомила ныне проживающая за границей Алла Михайловна

Мемориальная доска на здании бывшего Кушниковского института благородных девиц Таврической губернии в Керчи

Беляева, прямая продолжательница рода Кушниковых, явствует, что женой героя войны 1812 года Николая Ивановича Сатина была именно Любовь Александровна, в соответствии с поленной росписью, принадлежавшая к шестому поколению рода Кушниковых.

Так на территории Рассказовского района появилась первая каменная церковь, имевшая три престола и воспринимавшаяся современниками жемчужиной церковной архитектуры. Её главный престол был освящён в честь иконы Ахтырской Божией Матери. Его Высокопреосвященство митрополит Тамбовский и Рассказовский Феодосий после осмотра полуразрушенного после революции Ахтырского храма призвал к его воссозданию. Владыка подчеркнул, что при восстановлении сего величественного сооружения необходимо сохранить его облик, так как многие архитектурные элементы храма «являются редким явлением в церковном зодчестве».

Кушниковая дубрава, уникальное творение природы, длиною почти в два километра, шириной в полтора, расположилась северо-восточнее села Оржевка и восточнее села Масловка Умётского района Тамбовской области. Этот удивительный уголок первозданной природы выглядит одиноким, заросшим густым лесом зелёным островком посреди выжженной солнцем равнины. Село Оржевка считалось крупным ещё в XVIII веке. Тогда там уже проживало более трёх тысяч человек. Вероятно, много ранее хорошо известный местным жителям кушник столь ревностно оберегал заветную чашу и водившееся в ней зверье для боярских охотничьих забав, что сама дубовая роща со временем приобрела название Кушниковой дубравы. О древности источника, расположенного близ ручья Оржевка, протекающего по дну глубокого оврага, протянувшегося посреди Кушниковой дубравы, свидетельствуют известные с XVIII века рукотворные пещеры, в которых селились монахи-отшельники, познавшие необычайную силу целебной воды святого источника. Известно, что тогда над источником возвышалась деревянная часовенка, внутри которой находилась икона великомученицы Варвары. Рассказывают, что образ великомученицы был обнаружен чернецами при ископании родника. Однако позднее отшельники были изгнаны из святого места разбойниками, обосновавшимися в пещерах после разгрома пугачёвского бунта. Люди боялись посещать дубраву, но путь к Варваринскому источнику не забыли.

В начале XIX столетия произошло возрождение источника, связанное с чудесным исцелением от тяжкого недуга крестьянина села Оржевка Прокопия Никитина, весть о котором ставшие свидетелями селяне разнесли по многим уголкам губернии. Но тихая радость стремящихся к чудодейственному роднику людей была недолгой. Разбойные люди-кошунники надругались над святыней: бросив икону с ликом Варвары в огонь, они засыпали святой источник.

Однако интерес народа к Кушниковой дубраве и её святому вновь пробившемуся источнику не иссякал. Вскоре это приметное место привлекло внимание настоящего право-

славного подвижника о. Василия Голубева. На заработанные сельскохозяйственным трудом деньги он основал и обустроил здесь мужской монастырь в честь святого благоверного князя Александра Невского. Годом основания мужского Александро-Невского в Кирсановском уезде монастыря стал 1890-й. А строительство главного пятиглавого монастырского собора было закончено почти через 17 лет. Освящение престола состоялось 7 октября 1907 года. И хотя сооружение основного храма несколько затянулось и монахи обходились устроенной в третьем этаже братского корпуса небольшой домово́й церковью с престолом, освящённым во имя святой великомученицы Варвары, традиция совершения крестного хода к источнику сразу возобновилась, стал пополняться список исцелений от целебного источника. Особенно много случаев исцеления отмечалось при проблемах со слухом и врожденных дефектах речи.

Монастырь обустроился довольно быстро. Уже в первые годы существования внутри быстро возведённой красивой ограды появились два 3-этажных корпуса и один 2-этажный. Рядом с монастырём принимала гостей-паломников 2-этажная гостиница. Чуть дальше разместились добротные хозяйственные постройки – ледник, погреб, вместительный амбар и мастерские. Поодаль, уже за оврагом, располагались скотный и конный дворы.

Весьма любопытным представляется и личный состав братии Кирсановского Александро-Невского монастыря. К первому десятилетию со дня основания в обители числилось 35 человек, средний возраст которых составлял на тот момент 38 лет. При этом непосредственно в монашеском звании были 17 из них, т. е. меньше половины. По социальному происхождению большинство монахов и послушников принадлежало к крестьянскому сословию. Возможно, поэтому 31 из них не умел ни писать, ни читать. Такого высокого уровня неграмотности не наблюдалось ни в одном из монастырей Тамбовской епархии. Поразительным является и национальный состав насельников монастыря. В отличие от других монастырей здесь кроме представителей великоросской национальности проживали четыре мордвина и один малоросс.

К началу второго десятилетия существования монастыря численный состав его насельников вырос до 59 человек.

Кирсановский мужской монастырь не прославился своими рукоделиями. Послушники занимались в основном видами работ, которые относятся к сфере обслуживания и улучшения быта самих монахов. Среди них значились портной, хлебник, конюх, пастух, пчельник. Разные работы поручались десяти насельникам, которые не имели определённых послушаний. Некоторые имели церковные послушания (пономарь, ктитор). А двое насельников (монах и послушник) от послушаний вообще были освобождены.

Монастырь пользовался широкой известностью не только среди верующих Кирсановского уезда. Представители разных слоёв населения, жители ближних и дальних деревень и городов приходили сюда благодаря главной местной святыне – источнику святой великомученицы Варвары. В 1901 году у источника были зафиксированы паломники из Пензенской и Саратовской губерний. Христианская традиция добавила к почитанию источника праздник – Варварин день (17 декабря). Считается, что вода в священном ключе в этот день обладает теми же свойствами, что и крещенская.

С немалым интересом, волнением и трепетом паломники посещали сохранившиеся ещё с XVIII века пещеры, имевшие вид узких (менее метра) длинных коридоров, перекрытых сводчатыми потолками. Ответвления от коридоров заканчивались нишами и небольшими кельями. Прорытые глубоко под землёй, в плотном пласте жирной глины, коридоры не сохранили облицовки. Также не было обнаружено и следов укрепления стен в пещерах. Проблемой обеспечения безопасности жизни и здоровья паломников при посещении пещер Кирсановского мужского монастыря обеспокоился лично его настоятель игумен Пахомий. Для освидетельствования технического состояния пещер им был приглашён известный специалист в этой области, тамбовский епархиальный архитектор Ф. А. Свирчевский, чей творческий почерк блистательно проявился при разработке таких крупных общественных зданий, как дом

Дворянского собрания и здание Тамбовского отделения Русского музыкального общества, выполненных в соответствии с методами модного тогда функционального проектирования. Вывод Свирчевского о безопасности посещения монастырских пещер вскоре был подтверждён и горным инженером Александровым.

После революции Кирсановский мужской монастырь был закрыт. Большая часть братии оставила святую обитель. Некоторое время службы шли в Александро-Невской церкви. Жизнь в бывшем монастырском храме поддерживали иеромонахи Алипий и Иезекииль, монах Никанор и бывший монастырский просфорник. После закрытия храма богоборческой властью они жили в землянке, духовно окормляя местных жителей. Вскоре монастырские храмы и хозяйственные постройки были разрушены, растащены на стройматериалы, пещеры местами обрушены и засыпаны, священники выселены и репрессированы.

Источник святой великомученицы Варвары со временем пришёл в запустение. Его всё труднее было отыскать в заросшей и словно закрывшейся от всех Кушниковой дубраве. Редкие путники приходили сюда, дивясь местной природе, и с волнением прикасались к чистой целебной воде до времени затаившегося святого ключика...

Владимир ГАЗЕТОВ,
член Союза журналистов Москвы,
Максим ВЕТРОВ, краевед

P.S. В настоящее время источник восстановлен и облагорожен. Построена купальня.

ИЗ ЦИКЛА «ДВОРИКИ НАШЕГО ДЕТСТВА»

Усы и другие приключения

Не знаю, у кого как, но у меня они «обильно начали расти» в неполных четырнадцать лет.

– Пап, дай бритву, видишь, вот что! – Я провёл рукой чуть выше верхней губы.

– Мать, иди погляди, что наш сын удумал! – Отец вытер полотенцем только что тщательно выбритое лицо. – Мал ещё «Золингером» пользоваться! Эту бритву через всю Европу из Германии вёз не для того, чтобы одним махом ты себе полноса оттяпал! Да к тому же ещё и вещь ценную, трофейную загубил!

– Вить, а может быть, электробритву «Харьков» купим? Ко дню рождения? – Мать повернула мою голову к свету, рассматривая пробивающуюся порось.

– Ещё чего! Дом не достроили! В зале вместо двери старое одеяло висит, а сыночку, видите ли, электру подавай! Через тройку лет пойдёт на завод работать и с первой полочки купит себе безопаску пижонскую. А пока пусть так ходит, вроде товарищ Будённый в молодости.

– Я в институт поступлю. Буду стипендию получать. С неё и куплю. Сам. Без помощи родительской.

– Ой, поступальщик выискался! – всплеснула руками мать. – А кто на прошлой неделе трояк по алгебре припёр?

– На истфак пойду. Там математики нет, а по истории у меня пятёрки!

– Сын! – Батя строго посмотрел на меня. – Понимаешь, с историками в нашей стране перебор. Понавыпускали, а работы нет. Вот и маются, горемычные, в архивах, а если повезёт, то в школах. Советскому Союзу инженеры нужны до зарезу. Хорошего спеца с распростёртыми руками на любом заводе примут. И квартиру дадут. Не сразу, конечно, но вскорости. Так что давай, на эту самую алгебру налегай. Без неё на электру тяжеловато деньгу заработать!

– Александр, встань и выйди из класса! – Училка стукнула указкой по столу. – В классе мне только усатых учеников не хватало!

– Анна Даниловна, так это батя бритву не даёт. А своей у меня покамест нету.

– Я тебя не раз предупреждала! У нас не вечерняя школа! И здесь учатся аккурат-

ные, подстриженные... и побритые дети! Отец, кажется, недалеко отсюда работает. Вот и сбегай пригласи его. На перемене с ним побеседую на тему усов, а заодно и успеваемость по алгебре и геометрии обсудим.

* * *

К батю на работу я не пошёл. В этот день алгебры у в расписании больше не было. А классуха после уроков должна была ехать в гороно. Это мне было доподлинно известно.

* * *

Слонялся по школьному коридору, не спеша приближаясь к кабинету химии, в надежде, что там опыты проводятся при открытых дверях. Потому как этот предмет любил не меньше, чем историю.

– Чего болтаешься? Где ты в данный момент времени обязан находиться? – Завуч Михаил Фёдорович смотрел на меня снизу вверх.

С природой не поспоришь. Педагог от бога, великолепный организатор, любимый всеми учениками, Михфед был весьма невысокого роста. Однако сей прискорбный факт несколько не мешал ему постоянно обыгрывать малолетних «акцелератов» в баскетбол!

– Ступай за мной. Говоришь, из-за усов выгнала? Не врешь? Смотри, проверю. Подожди за дверью.

Спустя минуту вручил мне листок бумаги, вырванный из блокнота. Этот «раритет» храню до сих пор и даже подумываю поместить его в рамку.

Убористым почерком там было начертано следующее: «Ученику седьмого "В" класса Александру П. разрешается ходить в школу с усами! Ибо они есть предмет кавказской гордости! Но носить их на своём лице вышеозначенный ученик имеет право только при условии хорошей и отличной успеваемости!»

С тех пор прошло полвека. «Предмет кавказской гордости» не сбивал ни разу! Вот только насчёт успеваемости в моей жизни было не всегда хорошо!..

* * *

– Санёк, скажи, только честно, тебе не надоело носить пионерский галстук? – Сосед и закадычный друг Юрка теребил обгрызенный и замызганный предмет, подчёркивающий мою принадлежность к Всесоюзной пионерской организации имени Ленина.

– Так мне четырнадцать только что исполнилось. Сам же знаешь, у меня с успеваемостью не очень. Тройки бывают. А туда только отличников...

Дружбан перебил меня в обычной своей манере:

– А ты пробовал? В комитет ходил? У тебя разрешение на усы от самого Михфедя имеется! Пионер усатый! Держите меня, а то со смеха подохну! Пошли прямо сейчас. Неча хвоста за кот тянуть. Ты получше моего учишься. Вот и брякнешь там, что, мол, без кореша вступить не буду. Классуха уже достала! «Где галстук, где галстук?» Родителей грозит вызвать. Конечно, они меня за галстук ругать не будут. Но она ведь обязательно журнал покажет. А там... Потопали! Не ровён час комсомольцы по домам разбегутся. Вылавливай их потом.

* * *

– Значит, решили в комсомол вступить? – Девушка – секретарь школьного комитета строго смотрела на нас сквозь очки.

– Они у неё без диоптрий, – шепнул Юрка. – Для солидности напялила. Сам видел, без них читает и пишет.

– Может быть, у неё минус, – огрызнулся я. – Молчи и слушай. А то выставит тебя за дверь, и меня заодно.

Между тем девушка подошла к сейфу, достала оттуда пачку билетов.

– Вот, хлопчики, первое комсомольское задание. Справитесь – буду ставить вопрос о ваших кандидатурах на комитете. Ну а если нет...

– Справимся, – одновременно гаркнули мы. – А что делать надо?

– В город на гастроли приезжает ТЮЗ. Будут показывать детский спектакль «Три

мушкетёра». Надо среди сверстников распространить билеты. Они недорогие, по двадцать копеек. Вы хоть знаете, кто этих мушкетёров написал?

– Дю-ю-ма. От-ец, ка-же-тся, – заикаясь произнёс я.

– Ну что же, похвально. Удачи. До завтра справитесь?

Синхронно кивнув, мы выбежали из кабинета.

* * *

– Давай билеты делить. Чур мне правая сторона микрорайона. – Юрка быстро разложил серые прямоугольники на две части.

– Это почему тебе правая? Там мелкоты больше живёт! Давай, чтобы по-честному. Тогда себе и билетов больше бери.

* * *

С заданием справились часа за два.

– Вот это видел! – показывал я очередной жертве кулак. – Гони двадцать копеек. Да небось не за просто так! Я же не грабитель. Приучаю тебя, дурака, к искусству! Высокому! В театр пойдёшь на мушкетёров! Партер, первый ряд, дурила. Прекрасно видно будет. Там такие драки показывают! Закачаешься! К тому же у них шпаги самые настоящие. Короче, бери быстрее, пока я кому другому не отдал!

* * *

Спектакль был действительно великолепным. На районе ещё долго раздавалось: «Я же тебя уже заколол! Несчастный! Соблаговоли упасть и умереть достойно. Как подобает гвардейцу кардинала».

– Витька! Ты что, забыл? Сейчас д'Артаньян я. А его заколоть никак нельзя. Он же непобедимый.

– Нет, это я д'Артаньян. Ща как дам в ухо, враз запомнишь!

* * *

Классная руководительница чуть не выронила из рук указку:

– Александр, Юрий! Опять без галстука! В класс не пушу! Марш домой!

Мы как по команде оторвали руки от груди, демонстрируя маленькие красные значки, дающие право более никогда не носить символ Всесоюзной пионерской организации имени Ленина.

* * *

Четырнадцать лет спустя я оказывал интернациональную помощь братскому монгольскому народу. Выходных у нас почти не было. С трудом выбрал время, чтобы съездить в консульство. Там располагался комитет комсомола совзагранработников.

– Примите заявление. – Я протянул зараннее заполненный бланк.

– Что это? – На меня смотрела моложавая дама в роговых очках.

«Они у неё без диоптрий. Для солидности», – пронеслись в голове слова друга детства.

– Снять вас с учёта по достижении максимального возраста пребывания не могу. Нет у меня на это полномочий. Центральный комитет не разрешает. Так что придётся вам потерпеть до конца командировки. В Москве билет и сдадите.

Вот и получилось, что я не расставался с комсомолом ещё пару лет, регулярно платя взносы в свободно конвертируемых тугриках!

Диалог в тиши ночи

Вот кто может объяснить? Вышел на пенсию! Спи – не хочу. Так нет же, мало того что вскакиваю ни свет ни заря, так ещё и среди ночи глазами лупаю в потолок. Купил себе хитрые такие часы, с проектором. Чтобы прямо перед носом цифры высвечивались. Ночь крошечная, без пятнадцати полвторого. Дрыхни, пенсионер дворового значения. Пытаюсь овец считать. Прошло всё стадо. Перешёл на коз. Думаю, если и эти домашние животные вида парнокопытных из рода горных козлов семейства полорогих закончатся, то придётся бурёнок кликать. Там, глядишь, и солнце взойдёт.

Вдруг слышу, кто-то кличет меня, тихо так, по-доброму:

– Сколько тебе стукнуло? Отвечай! Не стесняйся, ты же не дама, в конце концов.

– Чего мне стесняться? Шестьдесят пять. А тебе зачем?

– Да мы тут с дежурным ангелом анкету заполняем. Видим, не спишь, животных считаешь. Дай, думаем, побеспокоим. Надеюсь, ты не против?

Я сразу же догадался, кто моей скромной персоной интересуется. Но лежу, виду не подаю. Мало ли.

– Дом построил?

– Отцовский расширил, а что?

– Пиши, построил. Это я не тебе, ангелу. Молодой он ещё, неопытный. Всё разъяснять надо, растолковывать. Ночь, она не резиновая, и анкетированных у нас знаешь сколько? Продолжаем. Сына вырастил?

– И дочь тоже.

– Дочь запиши в графу «прочие дела». Да не туда, а в «благие». И чему вас там в школе ангелов учат? Надо бы появиться, поинтересоваться процессом. Каким-каким – учебным конечно. Всё! Не отвлекай меня. Того и гляди опрашиваемый уснёт. Будешь сам тогда за ним

гоняться. Незаполненные графы в анкете у нас, в канцелярии, не допускаются!

– Эй ты там, внизу, мы продолжаем. Дерево посадил?

– Нет вроде. Но саженец имеется. Я завтра с утра обязательно.

– Записывай: принял обязательство. Можешь поставить галочку – «исполнено». Он мужик ответственный. Сказал, что с утра, значит, в течение месяца или трёх обязательно посадит. Что там у нас ещё? Пристрастие к алкоголю, адюльтер. Это всё второстепенно, к основным заповедям не относится. Значит так, мужик: свободен!

– Я извиняюсь. Можно уточнить, от чего свободен? От жизни?

– Чудак-человек. Грехов у тебя... Ангел, покажи анкету. Грехов у тебя, у тебя грехов... Короче, раз-два и обчёлся. Так что пока ты свободен только от здоровья.

Я набрал полные лёгкие воздуха, чтобы возразить. Но голос предупредил: – Не вздумай орать, домочадцы проснутся, не поймут. Сильно так не поймут. Им же, в отличие от тебя, на работу с утра. А ты топай в поликлинику. Там таких, как ты... Лечись, ну а ежели что не так, ко мне обращайся. Да чему я тебя учу... Сам ведь всё знаешь, раз седьмой десяток разменял.

* * *

Регистратуру районной поликлиники пациенты брали штурмом. Я огляделся, ища глазами объективы видеокамер. Не иначе фильм про взятие Бастилии или нашего Зимнего снимают. Потом окошки на компьютере уберут, одежду соответствующую нарисуют – и сгодится.

Камер не заметил. Видать, скрытыми снимали. Поднялся на четвёртый этаж, к участковому терапевту. Да не ошибся я в написании этого слова. Просто нашу врачу все только так и кличут, с буквой «ф», причём сдвоенной.

– Я на минуточку, – крикнула она длиннущей очереди. – Мне по делам надо. К специалистам узкого профиля.

– Минут на сорок, никак не меньше, – разъяснила бабулечка, завсегда этой заведения. – Пока вода закипит, покудова кофей заварится. Нет, наша здесь ни при чём. Во всём треклятая реклама виновата. Пока арабику с ароматом капучины не приму, я не человек. И тем более не дохтур!

* * *

– Ну раз бабка нашептала, значит, так тому и быть, – проворчала очередь и уткнулась кто во что. Самые предусмотрительные – так те в кроссворды, молодёжь – в смартфоны, а остальные – в малопонятные выписки результатов анализов.

* * *

– Товарищ, товарищ с книжкой! Я к вам обращаюсь. Пропустите меня. Плохо мне, совсем плохо. Вот помру здесь, на вашей совести будет.

– Тогда и меня пропустите, беременная я.

– А по вам не заметно, – попытался возразить я.

– Я точно знаю, что беременная, уже минут шестьдесят. Мне по закону положено. Вон там, под стеклом, чёрным по грязному написано.

«И чего я здесь делаю? – пронеслось у меня в голове. – Бок болит – сушая ерунда по сравнению с остальными. Может, поболит и перестанет».

– Доктор, а я вам книжечку свою принёс, с дарственной надписью автора! – Бросился я наперерез материализующейся терапевтессе.

– В таком случае проходите.

– Вот зараза находчивая! – прошипела вслед очередь, но всё же расступилась.

* * *

– Ой, а вы знаете, мне вашу карточку не принесли. Сбегайте быстренько на первый этаж, скажите, что от меня. Тогда они быстро отыщут.

– Не пойду, там кино снимают.

– Какое кино? Не видела я там никакого «кина».

– Про Бастилию, вернее, про её взятие.

– Ну вы и шутник, а ещё больной! Просто сегодня медсёстры бойкот объявили, поэтому все пациенты от всех врачей туда стеклись.

– Какой бойкот? – Настал мой черёд удивляться.

– Про итальянскую забастовку слышали?

– Ну, – кивнул я головой.

– Вот наш младший медперсонал сегодня трудится по-итальянски. Как им платят, так они и трудятся. И как же нам теперь быть?

– Лечиться! Я пенсионер, следовательно, мне больничный не нужен. Вы сейчас меня посмотрите, послушайте и выпишете лекарство. А уже потом, может быть, завтра, запишете чего-нибудь в карточку. Или не запишете совсем.

– А разве так можно?

– Давайте попробуем. Вдруг получится!

– Без карточки?

– Без неё.

– Хорошо, уговорили. – Она взглянула на подаренную книгу, читая фамилию автора. – Итак, на что жалуетесь?

Я хотел было съязвить насчёт того, что было бы неплохо, если бы в процессе осмотра врач сам определил, на что мне стоит жаловаться. Но посчитал, что такое вольнодумство – это уже перебор, и потому покорно пробормотал: – На бок.

– Ну!.. Я так не могу диагноз поставить. Тут дело сложное, надо анализы сдавать, а у меня бланков мало.

– Больше одного? – нагло поинтересовался я.

– Кажется, да.

– Тогда не считите за труд, выпишите мне всего лишь один.

* * *

Ночью мне опять не спалось. И овцы, как назло, куда-то запропастились.

– Опять не спишь? – поинтересовался знакомый голос.

– С анкетой что-то не так? Мне того, уже собираться пора? Завещание писать?

– Чудак! Ты же вчера испытание поликлиникой прошёл. А на такое способны только здоровые и физически выносливые люди!

Буераки, реки, раки...

Дети всегда могут найти себе увлекательное развлечение, их мозг почти безостановочно выдаёт самые разные оригинальные идеи. А изумительный мир вокруг необычен и интересен, каждый день сулит какие-то новые открытия!

Можно дружной ватагой подолгу носиться по улицам, по пустырям и буеракам, придумывая разные игры, или, разделившись по интересам, проводить какие-то свои исследования и наблюдения. Можно даже какое-то время мирно сосуществовать с мальчишками на одной территории. А после того как они опустошили мои карманы, наполненные завязями дикарки, развязали Ленке бантики в косичках, а у Ольки оторвали пуговицу на халате, мы объявляли им войну. И, как юные разведчики, тайно следили за действиями другой половины человечества.

Рано утром на лугу среди бушующих злаков, гороха и васильков мальчишки устанавливали ловушки для певчих птичек – в основном чижиков и щеглов, которых потом за копейки сдавали на птичий рынок. А ещё была такая мода – наслаждаться их звонкоголосым пением из клетки, развалившись дома на уютном диванчике. Ловушки легко было вычислить по примятой траве, сложнее дожждаться, ког-

да птицеловы покинут свой наблюдательный пункт на обеденный перерыв. И тут уже играла важную роль быстрота нашей реакции и ловкость рук. Мы с неопишуемым наслаждением сбивали щеколды с клеток, а радостные птицы взмывали в бескрайнее небо...

Зойка была частым гостем в нашем доме. Она была чем-то похожа на златокудрую куклу Суок с кокетливо вздёрнутым носиком из повести-сказки Юрия Олеши «Три толстяка». Подруга была старше меня на два года, мы старались одеваться в похожую одежду, и многие почему-то принимали нас за сестричек. Наши головы и записные книжки были напичканы светлыми идеями и патриотическими цитатами в духе коммунистической морали. Толстенные тетради исписаны любимыми песнями и стихами любимых поэтов, которые мы знали наизусть и при случае декламировали.

От лирики до быта широк диапазон познания. А кто знает, на какую приманку хорошо ловятся раки? Мы тоже не знали, пока не нашли ответ на свой вопрос в читальном зале библиотеки – они являлись в 70-е годы прошлого века основным источником и хранилищем информации.

Оказывается, раки обладают сверхчувствительным обонянием и охотно идут на запах протухшего мяса. Родители поддержали наше начинание и разрешили воспользоваться припасённой к празднику говядиной. Мы разложили небольшие мясные кусочки под палящими лучами солнца на деревянное полено и терпеливо ждали, когда они протухнут. И уже к полудню над ними кружили жирные мухи. Обмотав приманку толстой шёлковой ниткой, опустили её на дно трёхлитровой банки и плотно закрепили нитку за горлышко банки. Упрятав от посторонних глаз конструкцию по добыче раков в тряпочную сумку, перебежками, с оглядкой мы отправились к месту их предполагаемого обитания. Мальчишек на горизонте не было – значит, никто не должен помешать нашему замыслу.

По левую сторону спиртзаводского моста, отделяющего городскую территорию от районной, вдоль реки установлены маленькие самодельные мостики, которые использовались местными жителями для полоскания белья. К ножке одного из них мы привязали опущенную на дно банку. По нашей задумке, рак, учуяв ароматный запах тухлятины, просто обязан за-

лезть в банку за приманкой, и тут-то мы должны ловко поднять посудину с трофеем. И когда мы увидели в ловушке усатого с огромными клешнями членистоногого красавца, нашему восторгу не было предела. По старшинству он достался Зойке. Второй рак не заставил себя долго ждать и был уже моим.

Воодушевившись добычей, мы вновь опустили в воду незамысловатое устройство. Азарт и спортивный интерес притупили нашу бдительность – уж очень хотелось наловить много-много раков, и мы с подругой с методичной периодичностью дёргали за верёвочку. Однако ожидания были тщетны, и мы решили немного отвлечься и сварить дома уже пойманный деликатес.

Когда стало вечереть, снова вернулись к мостику. На удивление, банка нам показалась очень тяжёлой. Мы с трепетом и замиранием сердца тянули за верёвочку в предвкушении обильного улова. Наконец из воды показалась банка, в которую еле помещался... большой дохлый кролик. Мы поняли, что это происки мальчишек, и у нас уже рождался коварный план мести...

Мудрая бабушка

Маленькие дети привыкли добиваться желаемого чаще всего криком. И любящие родные готовы исполнить любой каприз, лишь бы их ненаглядное чадо успокоилось.

Когда я родилась, декретный отпуск у мамы ограничивался тремя месяцами, а ясли и детские сады были переполнены и устроить в дошкольное учреждение ребёнка было очень сложно. Вот и приходилось оставлять нас на бабушек, а чуть постарше – и одних дома. А бабушки, как известно, лишний раз и поругать не могут – жалеют. Не помню, что мне было надо, только вот раскапризничалась я как-то –

залезла под стол и стала реветь во весь голос и стучать ногами. А бабушка на меня никак не реагирует. У меня уже и ноги устали, и головные связи сели. Бабушка же как ни в чём не бывало занимается своими делами. Я уже на хрип перешла, а замолчать-то стыдно, и реакции никакой. Наконец совсем я выдохлась и через какое-то время вылезла из-под стола, подошла к зеркалу: нос красный, распухший, глаза словно щёлочки. А бабушка как и не видит ничего. Вот какое у неё терпение было. Только у меня навсегда пропало желание пытаться таким образом чего-то добиваться...

Первый блин комом, или Торт для собачки?

Обычно тяга к кулинарии просыпается у девочек с самого раннего возраста. Им нравится быть маленькими хозяйками и угощать взрослых своей стряпнёй. Начинают с простой яичницы и жареной картошки, постепенно переходя к более сложным блюдам.

Стояло жаркое лето 1975 года. Мы с подругой Ленкой (она в то время училась в третьем классе, а я – в пятом) сидели на скамеечке под палящими лучами солнца и придумывали, чем бы заняться. Можно было, конечно, сходить на речку, чтобы освежиться в прохладной воде, поиграть в куклы или почитать заданные в школе на летние каникулы книги. Но хотелось чего-то особенного. И вот в наших размышлениях родилась замечательная, на наш взгляд, идея – приготовить что-нибудь вкусненькое, чтобы вечером блеснуть перед вернувшимися с работы родителями потаёнными до сей поры кулинарными талантами. В то время не было такого изобилия и разнообразия выпечки, в основном всё готовилось дома. Мама часто пекла очень вкусные пирожки и тающее во рту песочное печенье, на котором мне доверялось вилкой прокалывать дырочки.

Мы с подругой стащили с книжной полки старую потрёпанную кулинарную книгу 1941 года и стали разглядывать картинки. Изображения аппетитных тортов и пирожных интенсивно стимулировали работу слюнных желёз. Наконец выбор пал на украшенный красивыми белыми розами торт. Это было как раз то, чего нам не хватало, и в предвкушении праздника, который мы всем устроим, с энтузиазмом приступили к осуществлению плана.

Немного посоветовавшись, мы решили усовершенствовать рецепт и выпотрошили холодильник, достав оттуда самые разнообразные

продукты, считавшиеся дефицитными. Ленка принесла из дома литровую банку сметаны и десяток яиц. Из морозилки нашего холодильника извлекли полукилограммовый кусок масла. Ко всему этому изобилию добавили почти килограммовый пакет сахара. Для усиления вкуса щедро насыпали корицы, ванилина и лимонной кислоты – и очень радовались своему ноу-хау. И завершающий аккорд – чуть-чуть муки (она же совсем невкусная).

Первую порцию очень жидкого теста вылили на противень и, затаив дыхание, по очереди заглядывали сквозь стекло духовки. «Первый блин комом» – с этой народной мудростью мы были знакомы и потому не очень огорчились, когда корж прилип к противню. Однако то же самое произошло и с остальными коржами. Тесто не поднялось, и по вкусу наше произведение напоминало вязкий пригорно-кислющий клейстер.

Потчевать неудавшимся кулинарным творением родителей мы передумали, вместо восторгов и бурных оваций явно светил нагоняй за испорченные продукты. Нужно было срочно уничтожить все улики, так как завершался рабочий день и неумолимо надвигался вечер. Мысли судорожно мчались одна за другой. И вдруг нам пришла в голову очередная гениальная идея – накормить бездомную собаку. Бросившись на её поиски, мы гонялись как оголтелые по улицам, заглядывали в кусты и помойки. В конце концов наши поиски увенчались успехом.

– Тюнь-тюнь-тюнь, иди к нам, наша хорошая. – И, расплывшись в довольной улыбке, вывалили перед дворнягой всё содержимое наших трудов до последней крошки.

Собака, виляя хвостом, осторожно подошла к угощению, понюхала и удалилась прочь...

Марина ШЕРЕМЕТА

Всероссийский литературно-фольклорный праздник «Шолоховская весна – 2019» стартовал в пятницу, 24 мая, как раз в день рождения писателя. И этот день, и последующие два праздничных дня на родине Михаила Шолохова были наполнены яркими событиями.

На всех мемориальных и природных объектах Музея-заповедника М. А. Шолохова в станицах Вёшенской и Каргинской, в хуторе Кружилинском с раннего утра начинались экскурсии, которые шли до самого вечера.

На хуторе Кружилинском, малой родине писателя, в первой половине дня зрителям была предложена программа «Милая, светлая Родина» с участием творческих коллективов. С приветственным словом к участникам и гостям мероприятия обратился Анатолий Труба, передавший поздравление от руководства Союза писателей России.

В районной библиотеке, а несколько позже и в «Народном доме» прошла встреча людей творческих. Местные литераторы вспоминали М. А. Шолохова, общались, читали свои произведения. На встрече присутствовали секретари Союза писателей России Олег Этлухов и Анатолий Труба, которые предложили подумать об установке художественного памятника Шолохову в станице, усилить «литературную составляющую» «Шолоховской весны», шире освещать подвиги верхнедонцев в годы Великой Отечественной войны.

Олег Этлухов предложил изменить порядок присуждения премии им. М. А. Шолохова, для чего обязательно включать в состав специальной комиссии земляков писателя, его родственников, директора музея и т. д. Вручать премию надо непременно здесь, в Вёшенской.

Анатолий Труба проверил посаженный осенью прошлого года «Сад писателей России»

в станице Каргинской. Писательский сад прекрасно перезимовал, все деревья прижились. Мичуринские яблони отлично себя чувствуют на донской земле.

Субботний, основной день праздника завершился большим концертом, который организаторы назвали «По Тихому Дону». Перед началом концерта собравшихся приветствовали И. А. Гуськов и первый заместитель председателя Комитета ГД РФ по культуре А. М. Шолохов. Несмотря на небольшой и быстро прошедший дождик, на «плавучей сцене» у донского берега коллективы и солисты выступили ярко, порадовали своим искусством тысячи зрителей.

Своё мастерство собравшимся у Дона показали артисты из Ростовской, Волгоградской, Воронежской и Белгородской областей, Мордовии, Северной Осетии – Алании, Донецкой Народной Республики.

После концерта в честь дня рождения М. А. Шолохова ярко полыхнул над Доном мощный фейерверк вполнеба, вызвавший всеобщий восторг.

28 мая прошло очередное заседание секретариата Союза писателей России. Вынесена благодарность писателям Анатолию Трубе и Олегу Этлухову за активную работу в День славянской письменности и культуры в Вёшенской.

Александр СЕРГЕЕВ

СОВЕТ АТАМАНОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА

19 апреля в Воскресенском Новоиерусалимском ставропигиальном мужском монастыре прошёл Совет атаманов войскового казачьего общества «Центральное казачье войско». В мероприятии приняли участие атаманы из 18 отделов войска, а также наместник монастыря архимандрит Феофилакт (Безукладников), ответственный секретарь Синодального комитета по взаимодействию с казачеством иерей Тимофей Чайкин и войсковой священник ЦКВ иерей Марк Кравченко.

Повестка совета включала вопросы подготовки к отчётно-выборному кругу, который состоится в августе, и взаимодействия Церкви и казачества на территории ЦКВ.

Перед началом Совета атаманов в Воскресенском соборе было совершено молебное пение о призывании Святого Духа перед началом всякого доброго дела, а также проведена экскурсия по храмам и территории обители.

Заседание Совета атаманов открыл товарищ атамана ЦКВ казачий полковник Геннадий Николаевич Сидорин. С приветственным словом к присутствующим обратился архи-

андрит Феофилакт. Он призвал участников принимать те или иные решения, взирая на крест и Евангелие, соотнося свои слова с поступками. Наместник напомнил атаманам об ответственности, которая на них возложена казачеством и Церковью. Ответственный секретарь Синодального комитета по взаимодействию с казачеством иерей Тимофей Чайкин в своём докладе о взаимодействии Церкви и казачества отметил, что главные задачи взаимодействия атаманов со священниками – это воцерковление казаков и членов их семей, создание условий для просвещения по вопросам истории казачества, основам православной веры. «Вопрос грамотности и знания основ вероучения Церкви – это залог духовного спокойствия и гарант единства казачества, создающего свой фундамент на традиционных ценностях... Нужно позаботиться об осознании казаками своего традиционного мироощущения и своей сопричастности к православию. Чтобы не шатало казачество от разных раскольнических и неоязыческих идеологических веяний», – сказал священник.

